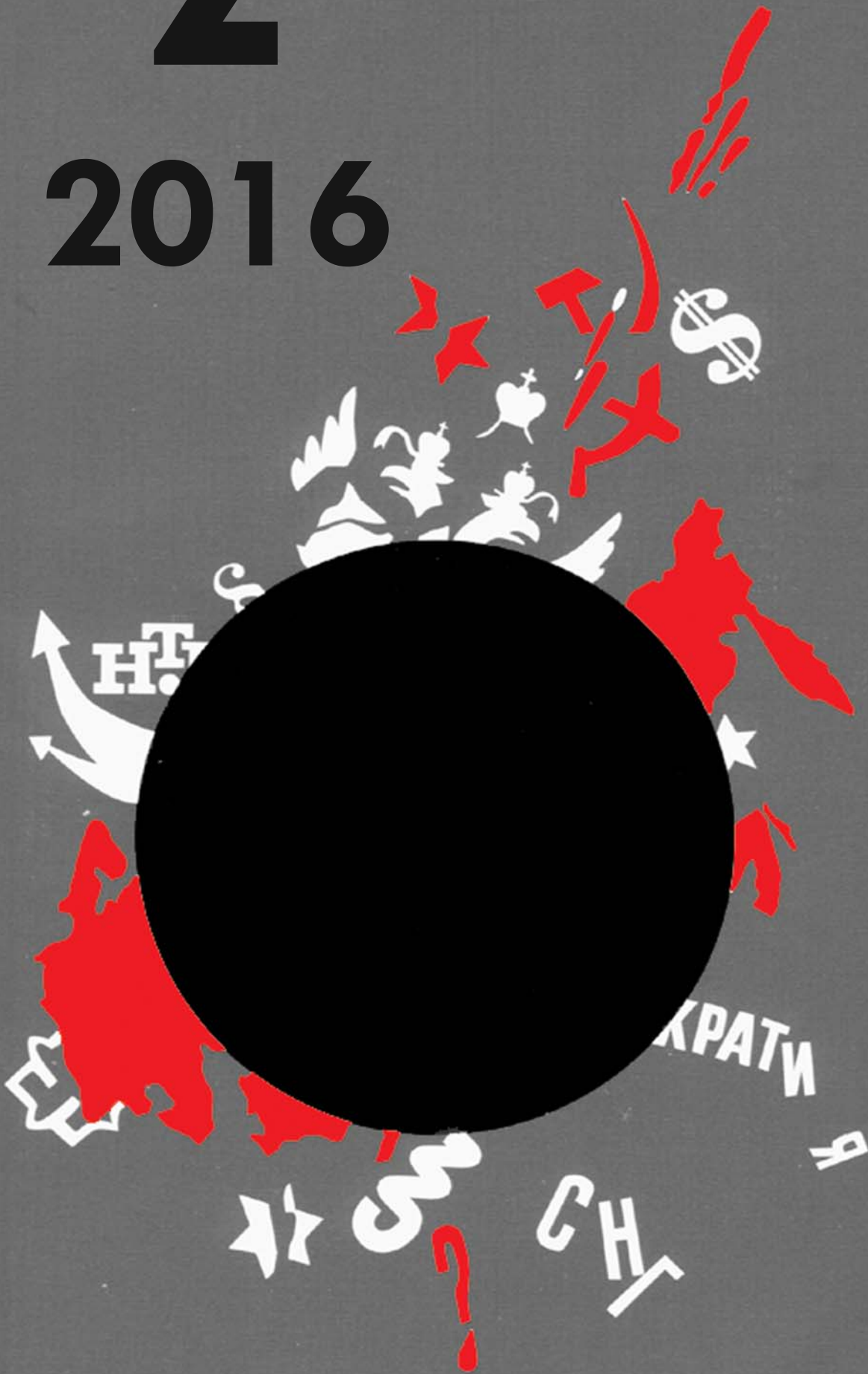

2

2016

РОССИЯ XXI

2.2016 март-апрель

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Стратегия сдерживания и глобальный конфликт. Аналитика политического дискурса _____ 6

Ярлыки и мифы

Валентина Марьина

XX съезд КПСС:
чехословацкое эхо (1956 год) _____ 32

Страницы истории

Владимир Дегоев

Дипломатия Петра I на заключительном этапе
русско-турецкой войны 1686–1700 годов.
Часть II _____ 64

Жорес Медведев

Перестройка до основания _____ 90

Россия в мире

Людмила Климович

Солидаризм — концепция
новопоколенцев _____ **118**

Актуальный архив

Елена Мягкова

Бесы, игроки и мечтатели,
или как человек становится
революционером. Часть II _____ **132**

Андрей Юрганов

А.К.Воронский в литературном
и политическом процессе
(середина 20-х — начало 30-х гг.
XX в.) (окончание) _____ **150**

Contents in English look at the page 188

РОССИЯ ХХІ

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., почетный доктор социологии Саутгемптонского Университета (Великобритания), чрезвычайный и полномочный посол в отставке, руководитель Центра Европа–США, Институт Европы РАН, преподаватель РГГУ;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Киянская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Средневековья и Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Куриленкова А.А.;
Петрова И.Н.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России. Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, место работы и должность – на русском и английском, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи (на русском и английском языках).

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами) (на русском и английском языках).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова (на русском и английском языках).

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

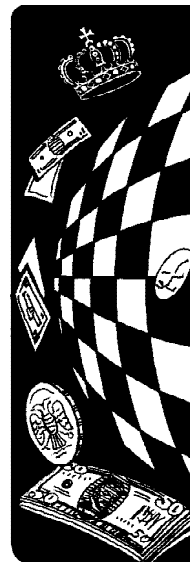
Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

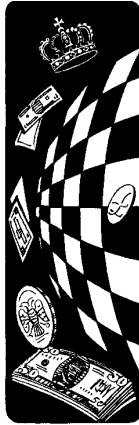
Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителях.

Единство земной поверхности и общность реального времени создают только внешнее единство. Единство всеобъемлющей цели не может быть открыто. Идея правового порядка в мире связана с основами человеческого существования, а не со смыслом истории в ее целостности, и сама еще остается нерешенным вопросом.

**В мире, не замкнутом во всеобщем,
но всегда направленном на всеобщее,
в мире, где исключения прорываются
на поверхность и получают признание
в качестве истин, а притязания
на исключительность исторической
религиозной истины вбирают в себя
то и другое, напряжение неминуемо
должно достигнуть крайних пределов.**

Карл Ясперс

Сергей Кургинян

СТРАТЕГИЯ СДЕРЖИВАНИЯ И ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ

**АНАЛИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО
ДИСКУРСА**

УДК
327

В статье рассматриваются актуальные проблемы глобального противостояния в мире, современная внешняя политика России и ее контекст. Автор сосредоточился на проблемах ближневосточного урегулирования и роли РФ в этом процессе. Вместе с тем предложен такой аналитический материал, который позволяет понять, каким оказывается политический выбор руководства США и чем это грозит России. Становится очевидным, что Америка не собирается уходить с Ближнего Востока и будет сохранять там свое присутствие. Прежними остаются и стратегия расшатывания национальных государств арабского мира, и создание условий, не позволяющих этим национальным государствам оформиться. США заинтересованы в сдерживании РФ на Ближнем Востоке и повсюду в мире. К этому выводу автор приходит на основе анализа дискурса политиков и политических обозревателей США. Выводы имеют прямое отношение к безопасности современной России и ее месту на международной арене. Цель политики сдерживания заключается в том, чтобы не позволить России консолидировать свои усилия по установлению мира и стабильности в постсоветском регионе.

The article deals with topical issues of global confrontation in the modern world, contemporary Russian foreign policy and its context. The author concentrates on the problems of the Middle East settlement and the role of Russia in this process. At the same time, the article provides the analysis, which helps to understand what is the political choice of the US leadership and how it threatens Russia. In the first place, it is clear that the US is not going to quit the Middle East and will maintain its presence there. The strategy of undermining the national states of the Arab world, and the creation of conditions that will not allow these nation states take shape, also remains the same. US is interested in containment of Russia in the Middle East and throughout the world. The author draws this conclusion on the basis of the analysis of the discourse of the US politicians and political commentators. The findings are of direct relevance to the safety of modern Russia and its place in the international arena. The purpose of containment is not to allow Russia to consolidate its efforts in establishing peace and stability in the post-Soviet region.

Ключевые слова: Российская Федерация; США; Ближний Восток; арабский мир; политика сдерживания; Халифат; Израиль; Иран; Китай; исламизм.

Key words: The Russian Federation; the United States; the Middle East; the Arab world; containment; Caliphate; Israel; Iran; China; Islamism.

E-mail: ecc@ecc.ru

Вызовы

Многое из происходящего в мире, безусловно, тревожит. Многое представляется из ряда вон выходящим. Но, пожалуй, больше всего беспокоят не конкретные события, хотя, если

внимательно взглянуть не в каждое из них, а в то, что за ними за всеми маячит, причем не на каких-то там высших уровнях осмысления, а где-то рядом, буквально за самими событиями, то там, конечно, маячит глобальный конфликт высшей интенсивности. И ничего другого за всем за этим не видно.

Больше всего беспокоит стратегическая растерянность. Это многоуровневая растерянность, она проявляется по-разному, в разных композициях, есть несколько видов этой растерянности. Одно из ее ярких проявлений – это совокупная работа средств массовой информации, причем не только наших.

Мы живем в XXI веке, на нас вываливаются такие груды информации, что просеивать ее становится все трудней. В происходящем есть некий вызов, причем, как мне представляется, предельный. Такие предельные вызовы далеко не бессмысленным образом описаны у Тойнби [7]. Я не хочу сказать, что согласен со всем, что он описывает, но как раз про эти вызовы он немало содержательного написал. Эти вызовы могут быть адресованы отдельным мирам – цивилизациям, как говорят в таких случаях, – или всей цивилизации в целом. И если они на этот вызов не отвечают, то происходит катастрофа. Перестает существовать общечеловеческая цивилизация, которую мы называем нашим общим домом – планетой Земля.

Я не собираюсь слишком долго предаваться общим размышлениям, а хотел бы поговорить о неких конкретных текстах и сопряженных с ними проблемах, возникающих сегодня. Надо последовательно распутывать запутанные клубки, которые создает вызов, а вызов вообще обладает способностью все запутывать, скручивать, мистифицировать. И для того, чтобы это распутывать, нужно медленно во что-то всматриваться. Я постараюсь сочетать такое всматривание с какими-то общими рассуждениями и с обсуждением самых острых проблем.

В конце Второй мировой войны на повестке дня были проблемы, связанные с нашими позициями в Средиземном море и на Ближнем Востоке. Одна проблема: Балканы, Греция и весь юг Европы, на которые мы претендовали и имели на это право. Но нам всячески навязывали центр и север Европы, где нас не очень любили, – Польшу, Чехосло-

вакию и так далее. И нас отдавливали от Балкан и от Греции, где как раз к нам относились очень тепло: там было много коммунистов и вообще много союзников России. У нас их, честно говоря, гораздо больше на юге Европы, чем на севере, это касается отнюдь не только Балкан и Греции, но и в первую очередь Болгарии, например, тоже.

О чем идет речь? О православном прошлом, которое, конечно, имеет огромное значение? Или о каком-то таком южном подходе к жизни, который не столь прагматичен и потому более созвучен тому, что несет с собой русское начало? Можно долго обсуждать этот вопрос, но не будем заострять на нем внимание, а просто признаем то, что есть: Ближний Восток и Средиземное море для нас невероятно важны. Это касалось России в ее прежних ипостасях – и царской, и советской. Это существенно и сегодня.

Так вот, повторяю, в конце Второй мировой войны обсуждалось, что нам можно все-таки дать какие-то позиции, но Балканы отбить все же не удалось. Черчилль просто сражался с исступленной яростью, чтобы нас туда не пустить. Мы взяли под очень условный контроль Югославию, и довольно быстро она из-под него вышла, конфликт Тито и Сталина общеизвестен. А дальше в Грецию и вообще на юг Европы нас не пустили.

Но нам, помимо этой крупнейшей позиции, которую отбить не удалось, обещали две другие позиции, гораздо более мелкие, но нами безумно ценимые. Нам обещали базу на Средиземном море или даже какую-то маленькую территорию где-то в районе ливийского Триполи, был такой разговор. Он не очень на слуху, но он был. И нам обещали какие-то (опять-таки, все было на уровне недосказанности) позиции в проливах Босфор и Дарданеллы. Не дали нам ни того, ни другого, и в Кремле справедливо обиделись на то, что нам этого не дали.

Далее мы рассчитывали на то, что наша поддержка Израиля – а Израиль не мог бы существовать без поддержки Советского Союза – обернется созданием израильского коммунистического государства, где мы можем иметь достаточно крупный пакет политических акций. Но Израиль не стал коммунистическим, и это очень повлияло на отношение к Израилю тех политических деятелей, которые Израиль поддержали и которым, по сути, Израиль должен быть благодарен, поскольку без их поддержки его бы не было. Я имею в виду Сталина и Берию. Каждый по-своему сделал очень много для того, чтоб Израиль был. Обнаружив, что позиций в нем никаких крупных завоевать невозможно, ибо он тут

же стал проамериканско-буржуазным, Сталин, Берия и вообще советские ключевые политики сталинской эпохи сильно разочаровались.

Смысл всего того, что говорится о разного рода «несимпатиях» к Израилю и к евреям, обнаружившихся в СССР в конце 40-х – начале 50-х годов, достаточно понятен. Это рухнувший Проект, который вроде бы должен был осуществляться, – позиции СССР в Израиле, а значит, и в Средиземноморье, и на Ближнем Востоке.

В антиизраильскую сторону, соответственно – в антиссионистскую, стал резко поворачивать Хрущев. Все приписывают это Сталину, но он-то как раз этого не делал, а Берия тем более. Это была хрущевская политика, сочетаемая с антисталинизмом и «оттепелью». И главной фигурой этого разворота, конечно, стал Гамаль Абдель Насер, египетский лидер.

Это очень крупный лидер. Наши либералы, диссиденты, как их тогда называли, по его поводу издевались. Наверное, кто-то из старшего поколения помнит:

*Сидит за Нилом, греет пузо
Герой Советского Союза,
Полуфашист, полуэсер,
– Гамаль Абдель (на всех) Насер...*

И так далее... Но мы с ним яростно дружили, и вообще, мы дружили со всеми, кто хотел вместе с нами петь антиссионистскую песню. Это была существенно хрущевская песня, потом хотя и сохраненная, но все же смягченная Брежневым.

Египет мы довольно быстро потеряли, потому что, когда после Насера пришел Садат, то все повернулось очевидным образом в сторону Америки и в каком-то смысле даже в сторону Израиля, хотя это никогда никто из ближневосточных лидеров громко не афишировал. Но из песни слов не выкинешь. Далее все египетские лидеры уже шли в фарватере американской политики.

В проекте под названием «Саддам Хусейн» у нас был небольшой «пакет акций». Я здесь все время буду использовать этот образ. Гораздо больше этих «акций», как все понимают, было у американцев. Были нежные отношения с семейством Бушей, которые как раз и кончились убийством Саддама Хусейна.

В Сирии всегда существовал некий «пакет наших акций», но не крупный. Да и в проекте под названием «Каддафи» и в других проектах, кроме ряда африканских, «пакеты» всегда были небольшими. Куба –

другое дело, а на Ближнем Востоке не было у нас решающего контроля над процессами, решающих позиций. Это очень важно понять.

Отец Асада очень талантливо дружил с Западом. По мне, так больше всего с Францией, я могу в деталях ошибаться, но он строил мощные многомерные связи с Америкой, Великобританией, Германией, с другими. Его сын, который сейчас является президентом Сирии и достаточно случайно оказался у власти, – человек в тысячу раз более мягкий, чем его отец, действительно все державший железной рукой. Этого сына Асад-старший делал совсем западным человеком – британским джентльменом, с такими же западными ценностями и всем прочим, как у любого стопроцентного англосакса, живущего в Британской империи и называющего себя джентльменом. У нас никаких особенных возможностей что-то получить в Сирии до того, как начался острый антиасадовский западный процесс, не было. И никто не понимает, чего ради этот процесс антиасадовский начался. Чего ради американцы начали ликвидировать одного за другим дружеских им лидеров или тех, кто готов был строить с ними прочные и долговременные отношения?

**Американская политика
в Юго-Западной Азии**

В связи с этим я бы хотел привести один материал.

«В номере *American Thinker* за 29 сентября 2015 г. М.Кертис написал хорошо продуманную статью, в кото-

рой проанализировал сложную ситуацию в Юго-Западной Азии. Он детально рассмотрел проблемы, действующих лиц, а также текущие и возможные будущие последствия от американского бездействия. Но предложенное им решение в большей степени тактическое, нежели стратегическое, и оно принесет больше вреда, чем пользы.

Вот цитата: "Администрации Обамы следует объединить силы с Путиным и добиться мирных переговоров между теми сторонами сирийской гражданской войны, которые могут договориться, независимо от любых соглашений о будущем самого Асада. Но важнее сотрудничество между США и Россией в уничтожении ИГИЛ. В этом вопросе Путин явно выглядит прозорливее западных лидеров"» [8].

Это статья Майка Форда (опубликованная 3 дня спустя), в которой он категорически не согласен с Кертисом. Вот его возражения:

«Такой тактический подход поможет взять под некое подобие контроля проблему ИГИЛ, но он усугубит другие проблемы, связанные с продолжающимся уходом США из этого региона под лозунгом "лидерства

сзади". Он поднимет престиж и влияние Путина / России, одновременно снизив наш престиж и влияние. Мы уже наблюдаем, как правительство Египта разворачивается в сторону России и, как верно отмечает Кертис в своей статье, Нетаньяху обращается за помощью к Путину для решения проблемы "Хезболлы"» [8].

От себя скажу, хотя вряд ли лидеры «Хезболлы» со мной согласятся, что на самом деле по большому счету «Хезболле» вполне достаточно Ливана для того, чтобы там разместиться по-настоящему, и никаких реальных существенных глобальных амбиций у «Хезболлы» нет. Поэтому Нетаньяху не так трудно, в принципе, о чем-то договариваться с «Хезболлой», тем более при посредстве Путина, а сейчас, когда «Хезболла» помогает Асаду и за этой помощью стоит Иран, все совсем просто. «Хезболла» не является для Нетаньяху фундаментальной угрозой, и это также не является фундаментальной угрозой Сирии Асада потому что, как я несколько раз говорил, при Асадах на Голанских высотах мухи летали. И никаких там проблем для Израиля не было. Так что Кертис правильно говорит, что и «правительство Египта разворачивается в сторону России, и... Нетаньяху обращается за помощью к Путину для решения проблемы "Хезболлы"».

А Форд по этому поводу отвечает: «Кертис, ну, мы решим эту проблему ИГИЛ, но зачем надо ее решать так, чтобы Соединенных Штатов стало меньше на Ближнем Востоке, в ключевом мировом регионе, а России – больше?» [8].

Дальше Форд пишет:

«Мы должны продемонстрировать стратегическое мышление, что касается престижа, власти и общемировых интересов США. Для этого мы должны отказаться от рефлексивной убежденности в том, что иностранные диктатуры изначально плохи для интересов США и зависимых от них государств» [8].

Т.е. Форд пытается отыграть назад все то, что делали сначала Кондолиза Райс, а потом уже Администрация Обамы. Поэтому я подчеркиваю: не Обама начал эту войну с тем, что Форд называет национальными диктатурами, а Буш ее начал через пару–тройку лет после того, как объявил, что будет крестоносцем, будет сражаться с мировым исламизмом и прочее. Он забыл об этом, насчет исламизма он вообще перестал говорить буквально через несколько недель, и дальше был разговор только о терроризме и ни о чем больше. Говорить о радикальном исламизме, салафизме было поручено Израилю, все остальные «молчали в тряпочку» по этому поводу. А Буш, повторяю, через пару–тройку лет

после этой войны (все понимали, что «говорим терроризм, подразумеваем исламизм») вдруг начинает резко заруливать в сторону. Устами Кондолизы Райс, да и его собственными, было сказано, что национальные диктатуры на Ближнем Востоке являются самыми нехорошими, что все бывшие союзники Соединенных Штатов, имелись в виду национальные диктатуры – египетская и прочие, а также Израиль – это теперь не союзники, а все, кто был врагами, становятся союзниками.

После Кондолизы Райс то же повторила Администрация Обамы. Ведь в этом – главный узел происходящего. Говорю об этом не в первый раз, но каждый, кто обходит эту тему, вынужден быть бессодержательным. Потому что другой темы нет.

Продолжаю цитировать Форда: «В значительной мере наша несостоятельность в Сирии, Ираке и других частях юго-западной Азии объясняется той активной поддержкой, которую мы оказывали в свержении двух американских союзников и диктаторов, Мубарака в Египте и Каддафи в Ливии.

Будучи диктатором во всем, кроме названия своей должности, Мубарак все-таки буква в букву выполнял договорные обязательства с Израилем и США. Зная, что власть Мубарака на исходе, саудовцы предупредили США, чтобы те не унижали его публично. Пусть он вместо этого уезжает в добровольную ссылку, дабы избежать того, что с ним в конечном счете произошло: революция "Братьев-мусульман", показательный суд и хаос.

Каддафи, который тоже был диктатором, пришел к нам (то есть к американцам. – *С.К.*) и вскоре уже осуждал террор, выплачивал компенсации жертвам Локерби и передал американским властям свое оружие массового уничтожения. Он также стал добровольным партнером в войне с террором. Но мы способствовали революции в его стране, а вскоре после убийства Каддафи тогдашний госсекретарь Клинтон публично закудахтала, как старая карга на печке: "Мы пришли. Мы увидели. Он умер". (Резкий текст для политкорректной Америки. – *С.К.*) Видя, как мы обращаемся с этими двумя союзниками/диктаторами, руководство любого нашего нынешнего или возможного союзника вряд ли захочет нам доверять. Стоит ли удивляться, что Президент Египта Абдель-Фаттах аль-Сиси и израильский премьер Нетаньяху говорят об интересах своих стран с Путиным?

Настоящая проблема здесь не ИГИЛ. (Абсолютно с этим согласен. – *С.К.*) Это просто симптом. Настоящая проблема – это склонность США к

проявлению эмоций, а не к тщательному продумыванию своей внешней политики. (Абсолютно не согласен. – С.К.)» [8].

Конечно, основное – это то, что здесь сказал Майк Форд, назвав г-жу Клинтон «старой каргой на печи». Он правильно характеризует проблему, но он объясняет ее тем, что «американцы, видите ли, эмоциональны». Это не проявление эмоций и не отстаивание ценностей. Не верю в это. Не поверю ни-ког-да. Очень циничная, холодная страна. В которой достаточно людей, которые умеют рассуждать. И я это покажу чуть ниже.

«Мы автоматически исключаем диктаторов из числа союзников и поэтому демонстрируем тактический, но не стратегический подход» [8]. Позвольте, шестьдесят лет демонстрировали другой подход. С какой стати его поменяли? И ведь Кондолиза Райс сказала: «Мы меняем подход» [13]. Это не то, что он сам по себе как-то так поплыл. Выдвинули другой проект. Так что же это за проект?! И каким может быть этот проект, кроме Халифата? Если все существующие национальные арабские и прочие ближневосточные государства очень шаткие, то, уничтожая в них национально-буржуазные диктатуры, более или менее мягкие, американцы неизбежно приводят к власти радикальный ислаимзм с его идеей Халифата. Ничего другого быть не может. Ведь все понимают, что никаких демократов, либералов там нет.

Т.е. проект «национально-буржуазные государства под патронажем США» сменился проектом «Халифат под патронажем США», а вовсе не эмоциональная реакция вдруг возникла! С чего это она вдруг возникла, если шестьдесят лет ее не было? И Райс так прямо и говорила: мы разрываем со всем, что делали шестьдесят лет [13]. Шестьдесят лет ценностей не было, потом они у Райс возникли? Она очень похожа на человека с ценностями? Или Буш и тем более Обама?

«Вместо того чтобы объединяться с Путиным, нам следует (говорит Форд. – С.К.) заручиться поддержкой Асада и добиться, чтобы он объединился с нами. Да, Асад – безжалостный диктатор. Но будем мы его поддерживать или нет – он все равно останется у власти, а Путин об этом позаботится. Здесь важно думать стратегически, а не тактически. Втянув Асада на нашу орбиту, мы сумеем многого добиться. Во-первых, в ближайшей перспективе мы сможем ликвидировать ИГИЛ в Сирии, лишив его возможности использовать сирийскую территорию для нанесения ударов в других странах региона. Во-вторых, мы уведем сателлита у России и, в меньшей степени, у Ирана. Это само по себе приведет к уменьшению региональной нестабильности и снижению давления на

Израиль, что обеспечит нам большую гибкость в действиях. И наконец, если Асад будет "нашим диктатором", им будет проще управлять.

При заключении такого соглашения с Асадом надо будет получить от Сирии некоторые гарантии относительно ее поведения, скажем, чтобы она прекратила свои отношения с "Хезболлой", а также признала Израиль и установила с ним полномасштабные дипломатические отношения. Кроме того, Асаду придется продемонстрировать подлинную готовность свести к минимуму жертвы среди гражданского населения при ведении борьбы с боевиками. Далее, Асад должен будет уйти в отставку ко времени, которое будет оговорено позднее, а США гарантируют ему безопасность на пенсии.

Сделать такой разворот с привязкой к Асаду будет сложно. Поскольку президент Обама – слабый лидер в сфере внешней политики, реальные и потенциальные союзники вряд ли захотят верить тем обещаниям, которые дает нынешняя администрация. Но переходный период со дня выборов в 2016 году до дня инаугурации может дать новой администрации уникальную возможность для проведения таких тайных переговоров с Асадом. Будучи лидером свободного мира, мы порой должны делать такие вещи, о которых сожалеем, но которые необходимы» [8].

Мне скажут, что фигуры эти – и Форд, и Кертис – не первой величины. Фигуры первой величины молчат. Я согласен с тем, что весь провал, если это провал, Соединенных Штатов связан с уничтожением национальных лидеров, национально-буржуазных: Хусейна, Мубарака, всех подряд. Но я не согласен с тем, что это эмоциональная реакция, что это следствие какой-то особой верности демократическим ценностям. Это циничная, холодная политика, и, сколько бы все мои оппоненты ни говорили, что это мое заблуждение, я буду настаивать на том, что это циничная, холодная политика, а результатом такой политики может быть только создание Халифата. Только это и ничто другое. Вот принципиально важная позиция.

Приведя этот очень важный текст, который я называю «фактом высказывания», я возвращаюсь к теме наших позиций на Ближнем Востоке и Средиземном море, поскольку американцы начали коварную игру с демонтажом национальных диктатур, скрытых или явных. Я бы назвал их национально-буржуазными, с элементами местного исламского социализма, догоняющими модернизационными диктатурами. Вне таких диктатур национальные государства: государства арабского мира и другие неустойчивые государства, образовавшиеся после разрушения Османского последнего халифата и опирающиеся на нации, – глубоких

корней не имеют. Нет укорененной тунисской нации или, например, алжирской. С Египтом вопрос сложнее, но считаю, что и там ее нет. И иракской. Иранская есть, тут все в порядке. Сирийская – можно себе представить, а вот остальных названных – нет. Есть «арабский мир». И не зря ведь все эти государства, став национальными государствами, после того как сработала модель разрушения колониализма (рузвельтовская, по сути своей, модель), направленная в основном против Британской империи, пытались потом создать «Лигу Арабских Государств» или какой-нибудь «единый арабский мир». Они же понимали, что глубоких корней нет для государственности. У турок есть, у Ирана – тем более, намного более глубокие, самые глубокие. А здесь нет доисламской истории, без которой такие корни невозможны. Глубинной, настоящей. Все попытки Арафата и других цепляться хоть за Баала, хоть за что-нибудь, связанное с доисламской историей, – конструкторы. А нужна настоящая органика в том, что касается этих корней.

Без таких корней только диктатура, только стремление к национальной догоняющей модернизации, т.е. «проект модерн» в его региональном конкретном исполнении мог сделать нацию. Государство не опиралось на нации, оно их делало. Уловите степень парадоксальности этого. И, по большому счету, Ататюрк тоже делал турецкую новую нацию. Делал через модернизацию. В такой ситуации только диктатура, или полудиктатура, или «три-четверти-диктатура» способна удержать государство.

И его так удерживали Мубарак, Бен-Али, Хусейн и прочие, стремясь все время договариваться с американцами, а не с нами. В основном, с американцами. Теперь американцы начали от них избавляться. Открыто, холодно, цинично, заявляя о том, что 60 лет это были союзники, а теперь это враги. А все, кто был врагами, станут союзниками.

Кто именно? Например, «Братья-мусульмане», совсем не самые радикальные, но достаточно радикальные в основном вопросе. Американцы понимают при этом, что результат – радикальный исламизм плюс халифатизм. Программные документы всех тех сил, на которые они делали ставку, говорят о том, что это именно так [12].

Там есть некоторые реверансы, чуть-чуть, знаете, демократия. Но это все для «вестернизированного» запаха, как лавровый лист в супе. А настоящий-то суп, он халифатистский полномасштабно. Американцы на это сделали ставку, это фундаментальный принцип. Не их эмоциональность, повторяю еще раз, не их верность ценностям, а стратегическая, холодная ставка на это. Вот та точка американской политики, от кото-

рой надо исходить. Сделав на это ставку, американцы передали нам все, что касается прежнего мира, наций, национальных суверенитетов, договняющих модернизаций в развивающихся странах и так далее. Они сказали: «Нам это не нужно, мы это сбрасываем». Куда? Не в Индию же и не в Китай? А куда? И не в Латинскую Америку.

Вопрос был, захотим ли мы это взять?

Взяв это (а мы это взяли, насколько продуманно, непродуманно – отдельный вопрос), мы включились в колоссальную мировую игру. И если мы включились в нее спонтанно, не зная (как господин Журден, который говорит прозой), что это глобальная игра, то надо бы поскорее это узнать, пока не поздно.

Включившись в нее, мы поддержали Асада, который погибал и которому американцы объявили войну на уничтожение. Асад вцепился только в нас и в тех, кого мы сделали своими союзниками в этой игре. Иран, прежде всего, и за его спиной Китай. А также Хезболла, то-се... Это прилагательные, мелкие прилагательные. Фактически он вцепился в нас. Иран будет присылать сухопутную силу и все прочее, а вот изделия, которые летят через тысячи километров, – наши. И самолеты мощнейшие – наши. Асад вцепился в нас.

Вцепившись в нас, он дал нам огромные возможности, о которых неизвестно, сумеем ли мы отстоять их и переварить. Но факт остается фактом. В этой новой ситуации, что бы ни кричали Форд и другие... Мной процитированный Форд: «надо вернуться, Асада обнять».

Никто его не будет обнимать. И Иран никто из американцев не будет обнимать. Потому что они рушат национальные государства.

Значит, мы национальные государства начинаем спасать?

Оставим пока в стороне всех остальных. Асад будет вынужден держаться за нас. Если мы сумеем отстоять проект Асада, то получим в Сирии не какой-то небольшой пакет политических акций, а фактически 100%. Конечно же, на паях с Ираном и, в неявном виде, с Китаем, но нам это не мешает, только помогает.

Форд уже говорит о том, что происходит с Нетаньяху и с Египтом. Иракские шииты с разными оговорками подчинятся Ирану. Американцы осуществили эту «гениальную» выдумку. Умеренные сунниты в Ираке рано или поздно поймут, что если кто-то и может спасти национальные государства, то это русские. А мы рано или поздно пойдем, что бомбить ИГИЛ, который возвращается в Ирак, бессмысленно. Тогда мы получим позиции в умеренно-суннитском Ираке, который рано или поздно начнет с нами строить отношения. Американцы будут пытаться

отговаривать от этого Багдад, но он-то будет все время понимать, что американцы ничего не делают, а русские что-то делают.

Ближневосточная политика Российской империи, Советского Союза и постсоветской России всегда была очень мощной, ею всегда руководили сильные люди, поэтому я могу себе представить, что мы продуманно (даже если и спонтанно) можем получить такой пакет акций в средиземноморских, ближневосточных и средневосточных предприятиях, который нам ранее не снился. Ни в пике могущества Российской империи, ни в пике могущества Советского Союза.

И что же американцы? Посмотрят ли они на это сквозь пальцы? Я понимаю, что мы о чем-то как-то с ними договорились. И что обе договаривающиеся стороны предпочли сделать эту договоренность максимально рыхлой, чтобы потом сказать: «А мы не об этом договорились. И мы так поступили, и те, с кем договаривались». Но эти договоренности не имеют решающего значения, коль скоро речь идет о контроле за ключевым регионом – Ближним и Средним Востоком, или, как теперь говорят, Большим Ближним Востоком.

Если архитектура там окажется под каким-то (не будем обсуждать: мягким или жестким) нашим контролем, то при всей важности Украины могу сказать, что это в глобальной игре еще важнее. Непонятно, хотим ли мы в нее действительно играть или мы спонтанно играем как бы «по мелкой», используя другие поводы. А оказалось, что это суперкрупно. Реально происходит именно так. А о том, что Россию надо приглашать в игру против ИГИЛ, давая нам некие возможности с Асадом, министр иностранных дел Франции сказал еще в июне прошлого года [3]. И уже тогда стало понятно, о чем идет речь.

И я спрашиваю, что сие в сумме своей означает? Что американцы уходят с Ближнего и Среднего Востока? Что они готовы там потерять позиции? А куда они уходят? Они держатся на том, что у них есть авианосцы, которые они могут создавать, имея печатный станок, и у них есть печатный станок, потому что у них есть авианосцы. И тем государствам, которые говорят: «Вы слишком много напечатали», – они отвечают: «Нам можно и нужно бомбить, потому что там нет демократии». Это то, на чем они держатся. Уходя с Ближнего и Среднего Востока, они не смогут за это держаться, и тогда окажутся в мире даже не на втором месте и не на третьем, а на пятом. А если они окажутся на пятом месте, то переевший, раскормленный, привыкший к комфорту американский народ взбесится от этой относительной голодухи. И в Америке начнется черт-те что.

Стратегия сдерживания

Так я спрашиваю: неужели американская элита сошла с ума? Можно и это предположить – размягчение мозгов, какую-то совсем ускоренную деградацию и одряхление. Я могу это предпо-

ложить, поскольку молодую американскую элиту не слишком знаю. Но если Бжезинскому, Киссинджеру и еще 10–12 фигурам удалось воспитать новое поколение, то никакая Америка никуда с Ближнего и Среднего Востока не уйдет. Потому что она может уйти только в коллапс.

А там еще есть и свежесть, и энергия, и любовь к своей стране, и великодержавные амбиции, и высокомерие, заносчивость и ненависть к нам, и многое другое. Но если они есть и если американцы не хотят ядерной войны с Россией (а они ее не хотят, хотя очень многие американские официальные лица уже говорят о том, что готовы)... Если это так, то что должны делать американцы? Они должны создавать все возможности для переворота в Москве, для Перестройки-2. Но они не проявляют в этом вопросе иступленности, нет ее. Нет.

В Афганистане мы порвали «Большую исламскую дугу» между Пакистаном и Ираном, чьи противоречия были слишком велики, чтобы это соединить. Теперь американцы, поддерживая новый халифатизм и формируя его, хотят бросить этот халифатизм, он же контрмодерн, на страны модерна, прежде всего на Китай и всю Юго-Восточную Азию, где это делать легко. Не сказал еще своего слова радикальный желтый ислам, не включились эти очень мощные радикальные слои там.

Халифат обязан двигаться туда, где есть исламское население, освобождая его от «неверных». А если исламское население не хочет освобождаться от неверных, то оно порочно и его надо избавлять от порочности, даже вырезав наполовину. Это концепция любого халифатизма, пусть мне скажут, что я неправ! Хоть кто-нибудь. Я все это видел на практике. Как ваххабиты, которых у нас называли в 93–94 и даже в 92-м году демократами, поскольку они против коммунистов, уничтожали весь тот ислам, какой был связан и с суфизмом, и с умеренностью, – уничтожали, вырезали. Это же сейчас делает ИГИЛ. Об этом же говорили Братья-мусульмане: не надо даже заниматься неверными, надо своих перерезать – тех, кто скурвился. В этом суть концепции Братьев-мусульман, кроющаяся под разными демократическими фиговыми листочками.

Таким образом, радикальный исламизм, строящий халифат, должен двинуться к нам, он не может не двинуться, и он двинется. Но он мог двинуться раньше, позже, когда угодно. А теперь он как бы осмысливает для

себя сложившуюся ситуацию. И американцы ее осмысливают. Стратегическая пауза, заполненная манипулятивными взаимными концептуальными зондированиями, а что дальше? Вырвется ли этот халифатизм, как Гитлер, из-под контроля Запада или исполнит до конца то, что будет надо его сегодняшним покровителям? Кинется одновременно и на Запад или все-таки выберет себе направление? Поймут ли в Китае, в какую игру его втягивают или не поймут?

Вот в чем стратегическое содержание текущего момента. Если оно таково, а я не вижу ни нестыковок в своих рассуждениях, ни каких-то иных путей объяснения того, что происходит (кроме всеобщего слабоумия), то мы оказались на острие Большой Игры.

И тогда нам надо срочно, мягко, осторожно и тактично перегруппировываться внутри с тем, чтобы это поле внешних возможностей, во-первых, освоить и, во-вторых, затем постараться не рухнуть под ними. Можно, между прочим, рухнуть и под избыточными возможностями, не реализовав их, потому что Сирия интересна, только если удалось ее выиграть.

Еще более важный текст написан в *Stratfor*. Он называется «Почему США считают, что они должны сдерживать Россию» [10]. Если люди хотят понимать постоянно усложняющийся процесс и хотят понимать его (а это сейчас важно) на классическом, хорошо проработанном языке, а не на языке конспирологических бредней и необязательных философских рассуждений, то они этот текст должны выучить наизусть. Итак, текст в *Stratfor*. «В начале холодной войны, в 1946 году, американский дипломат Джордж Кеннан отправил из посольства США в Москве документ, позже названный "длинной телеграммой", в котором он предложил использовать политику сдерживания в отношениях с СССР» [14].

Без понятия «сдерживание» в сегодняшней жизни нельзя понять ничего, а началось это сдерживание с длинной телеграммы Кеннана. Теперь к ней возвращается *Stratfor*. «Суть этой политики была изложена в анонимной статье, опубликованной в 1947 году в журнале *Foreign Affairs* ([15]. – С.К.). Сдерживание являлось основной стратегией США в отношениях с Советским Союзом вплоть до его распада в 1991 году» [10].

О-па! А я-то думал, что вплоть до 1990-го года, когда холодная война была якобы аннулирована лидерами сверхдержав. В действительности и до распада СССР сдерживание было стратегией США, и после распада оно оставалось такой стратегией, потому что в Чечне Россию опять сдерживали.

«В основе политики сдерживания лежала предпосылка о необходимости блокировать Советский Союз и противодействовать ему и его коммуни-

стическим союзникам "тогда и там, где возникает риск приобретения ими влияния".

С тех пор как Кеннан изложил принципы политики сдерживания почти 70 лет назад, многое изменилось. Советского Союза больше нет, глобальное соперничество между капиталистической и коммунистической сверхдержавами завершилось, а Россия отказалась от коммунистической идеологии. Однако изменилось далеко не все» [10].

Вот-вот! Это разные политологи считают, что все изменилось, раз нет коммунистической идеологии, а автор статьи говорит:

«Однако изменилось далеко не все. США и Россия снова находятся в состоянии острой дипломатической конфронтации в вопросе границ европейских государств и других вопросах глобальной политики. Эти страны (США и Россия. – *С.К.*) снова возглавляют соперничающие военные блоки (сильная формулировка? – *С.К.*), которые в настоящий момент наращивают активность, проводя военные учения и усиливая свои армии. Многие аналитики регулярно задаются вопросом: новая холодная война уже началась?»

США никогда... (*Stratfor* – авторитетный источник. Т.е. и в 1992 г. тоже, в пике активности Гайдара и Козырева. – *С.К.*)» по-настоящему не прекращали вести политику сдерживания (против России. – *С.К.*). Вашингтон ненадолго отложил ее в сторону в 1990-е и в начале 2000-х годов, когда Россия была слишком слабой и когда не было никакой необходимости ее активно сдерживать. (Не согласен, была необходимость сдерживать и тогда. – *С.К.*) Однако геополитический императив, который лежал в основе политики сдерживания, сохранился. Этот императив – необходимость предотвратить подъем региональных гегемонов, потенциально способных бросить вызов США» [10].

Этот императив никогда не исчезал, пишет *Stratfor*, о чем свидетельствует расширение НАТО и Евросоюза. Наконец-то мы понимаем, о чем это свидетельствует! Говорят: а зачем вы его расширяете? Враг исчез, коммунизма нет, мы обо всем договорились, дружба-жвачка, а вы все расширяете и расширяете, расширяете и расширяете. Ответ: расширяем. Потому что нам необходимо предотвратить подъем вас как регионального гегемона, **потенциально способного бросить вызов США.**

«Теперь, когда за последнее десятилетие Россия вновь обрела статус региональной державы (то есть вышла из абсолютного ничтожества. – *С.К.*), Вашингтон, по всей видимости, все же решил смахнуть пыль, накопившуюся на "длинной телеграмме". При ближайшем рассмотрении текущего кризиса на Украине и того влияния, которое он оказал на соседние с

Россией страны, становится ясно, что основные аспекты политики сдерживания Кеннана до сих пор не утратили своей актуальности» [10].

Если бы на этом автор завершил, ему бы надо было сказать «спасибо». Но он не завершает на этом. Он все разбирает подробно, и этот разбор надо учить наизусть.

«Рассматривая ту стратегию сдерживания, которой США сегодня придерживаются по отношению к России, стоит начать с Украины. Революция в феврале 2014 года, в результате которой тогдашний президент Украины Виктор Янукович лишился своего поста, а на его место пришло прозападное правительство, началась с беспокойства (чьего беспокойства? Она началась с чьего-то беспокойства? С беспокойства граждан, что их лишают европейского "счастья"? – С.К.) о том, что Россия приобретала слишком большое влияние в этой стране (это чье беспокойство? – С.К.). Это беспокойство возникло не только в отдельных сегментах украинского общества (сегментах, не являющихся большинством украинского общества. – С.К.), но и у западных государств, в том числе у США.

В ноябре 2013 года решение Януковича в последний момент отказаться от подписания договора об ассоциации с Евросоюзом и еще больше сблизиться с Россией спровоцировало массовые демонстрации в Киеве, которые три месяца спустя переросли в яростный бунт против правительства Януковича. Хотя в протестах Евромайдана принимали участие в основном рядовые члены украинского общества, поддержка и влияние США стали довольно заметной силой, повлиявшей на вектор развития событий» [10].

То есть США, увидев, что Янукович дает слабину и возникает необходимость предотвратить подъем регионального гегемона, потенциально способного бросить им вызов, – то есть России, которая укрепляет свои позиции на Украине, – начали осуществлять стратегию сдерживания.

«Американские чиновники, в том числе помощник госсекретаря Виктория Нуланд, даже приехали в Киев, чтобы поддержать протестующих и их лидеров, а американские неправительственные организации оказывали активную помощь демонстрантам – точно так же, как они делали во время оранжевой революции 10 годами ранее (это откровенный текст! – С.К.). Россия не скрывала своего недовольства поведением США и Европы в период Евромайдана, называя эту революцию незаконным государственным переворотом, за которым стоит Запад. На этот переворот она ответила аннексией Крыма и поддержкой сепаратистского восстания на востоке Украины, подчеркнув, что это восстание ничем не отличается от массовых протестов в Киеве. Эти действия России заставили США перейти к более жестким методам сдерживания и ввести ряд санкций против нее. Позже,

когда Москва ясно дала понять, что она не собирается отступать ни в Крыму, ни на востоке Украины, США одобрили новый раунд санкций против России и увеличили объемы экономической помощи украинскому правительству и военной помощи его службам безопасности. Таким образом, то, что начиналось как политическое сдерживание России на Украине, принявшее форму поддержки смены пророссийского правительства на прозападное, теперь стало включать в себя экономические и военные компоненты сдерживания.

Разумеется, следуя принципам сдерживания (то есть действуя "тогда и там", где то или иное государство может приобрести чрезмерное влияние)...» [10].

Чрезмерное, т.е. такое, которое позволяет региональному гегемону претендовать на то, чтобы дорасти до размера, при котором оно потенциально окажется способно бросить вызов США. Читаем далее:

«...США применяли эту стратегию и за пределами Украины. В Центральной и Восточной Европе США настояли на необходимости увеличения численности войск НАТО и частоты проведения ими военных учений в Польше, Румынии и странах Балтии, чтобы удержать Россию от дальнейших военных действий в европейских пограничных зонах. Более того, Пентагон даже увеличил численность своих "полупостоянных" войск в Эстонии, Латвии и Литве. Эти государства испытывают особенную тревогу в связи с агрессией России из-за своего размера, близости к России и многочисленного русскоязычного сообщества, проживающего на их территориях» [10].

И ущемляемого, напомним, вопреки всем правам человека, распространению которых американцы якобы содействуют, – читайте Чейни и его супругу про Град на Холме, святой Град, который всюду несет свободу людям [11]. Несет свободу русскоязычным в том числе? Ведь нарушаются все права человека, мыслимые и немыслимые, в Прибалтике.

«В двух соседних с Украиной государствах, в Молдове и Белоруссии, США ведут более завуалированную политику сдерживания. В Молдове Вашингтон поддерживает стремление ее правительства к интеграции с Западом. Кишинев, как и Киев, пытается укрепить политические и экономические связи с Евросоюзом. Однако в политической системе Молдовы значительным влиянием обладают как прозападные, так и пророссийские партии, и это всерьез затрудняет работу с Кишиневом. Тем не менее США увеличили объемы сотрудничества с Молдовой посредством совместных военных учений, а также уровень поддержки хрупкого проевропейского правительства в попытке помешать России занять господствующие пози-

ции в этой стране (и тем самым США осуществили сдерживание России в Молдове. – *С.К.*).

В Белоруссии на пути к реализации политики сдерживания США сталкиваются с несколько большим числом трудностей, поскольку в экономическом и военном отношении Минск гораздо теснее связан с Россией, будучи членом Евразийского экономического союза и Организации договора о коллективной безопасности. Однако США все же пытаются наладить с Белоруссией экономические отношения. Помимо этого Вашингтон поддерживает прозападные оппозиционные группы в этой стране, оказывая, таким образом, давление на президента Александра Лукашенко. Лукашенко, несомненно, боится, что его может постигнуть та же участь, что и Януковича, поэтому Минск взял на себя роль посредника в переговорах по украинскому кризису. Лукашенко хочет показать, что его правительство может быть скорее полезным мостиком между Россией и Западом, чем исключительно верным союзником Москвы.

Стратегия сдерживания в других бывших советских республиках

США ведут свою политику сдерживания не только на западных границах России в Европе, но и на юге и востоке, на Кавказе и в Средней Азии. Грузия является ключевым компонентом американской стратегии в этом регионе, поскольку по сравнению с Украиной и Молдовой она гораздо активнее добивалась интеграции с Западом. Грузия сделала вступление в Евросоюз и НАТО приоритетом своей внешней политики, и, хотя до полного членства в этих блоках ей еще далеко, Тбилиси подписал соглашение об ассоциации с Евросоюзом, а к началу сентября в Грузии откроется центр военной подготовки НАТО. США старались помочь Грузии со времен русско-грузинской войны 2008 года, которая – благодаря быстрой победе России и отсутствию реакции со стороны НАТО – во многих отношениях стала определяющим моментом в процессе возрождения России.

Еще одним элементом американской стратегии сдерживания России стал Азербайджан, что во многом объясняется его огромными запасами энергоресурсов и стратегическим местоположением, поскольку через него проходит «Южный коридор». Американские энергетические компании стали ключевым звеном в запуске проектов по строительству трубопроводов Баку–Тбилиси–Джейхан и Баку–Тбилиси–Эрзурум, по которым азербайджанская нефть будет поставляться на запад, а Европа в настоящее время снова ведет переговоры с Азербайджаном, рассматривая его как альтернативного поставщика энергоресурсов для таких проектов, как Транскаспийский газопровод. Налаживание отношений с Арменией, на территории ко-

торой располагается российская военная база и которая недавно вступила в Евразийский экономический союз, представляет собой достаточно серьезную проблему для США. Однако Вашингтону удалось поспособствовать некоторому прогрессу в переговорах между Арменией и Азербайджаном по вопросу о Нагорном Карабахе. Азербайджан в последнее время стал более активно оспаривать то, как Армения и Россия ведут себя в вопросе решения этого конфликта, а Вашингтон стал принимать более активное дипломатическое участие в процессе переговоров.

В Средней Азии реализация стратегии сдерживания (все той же! – *С.К.*) включает в себе больше сложностей, потому что в этом регионе нет откровенно прозападных государств, а на территории некоторых стран в настоящий момент находятся российские военные. Однако США регулярно проводят совместные учения, направленные на борьбу с распространением наркотиков и терроризмом, в таких странах, как Киргизия и Таджикистан, сохраняя таким образом свое присутствие в этом регионе. США также пытаются убедить традиционно изоляционистский Туркменистан принять участие в реализации Транскаспийского проекта, который существенно поможет Европе снизить ее зависимость от российских энергоресурсов (и тем самым является частью стратегии сдерживания. – *С.К.*). Казахстан и Узбекистан также рассматриваются в качестве потенциальных участников в подобных энергетических проектах (а значит, и стратегии сдерживания. – *С.К.*).

Будущее стратегии сдерживания

Хотя американская стратегия сдерживания в значительной степени варьируется в зависимости от страны и субрегиона бывшего Советского Союза, основной принцип остается неизменным: США стремятся ограничить политическое, экономическое и военное влияние России в соседних с ней странах. Как показало временное затишье после окончания холодной войны, интенсивность политики сдерживания также зависит от того, насколько активно и агрессивно Россия ведет себя в тот или иной момент. В настоящее время США очень активно реализуют свою стратегию сдерживания» [10].

Холодная война – это общие слова, а вот здесь ясно, о чем идет речь.

«Необходимо рассмотреть текущую конфронтацию между Россией и Западом вокруг Украины и других бывших республик Советского Союза. В настоящий момент мы не наблюдаем никаких признаков деэскалации этой конфронтации. На самом деле ряд признаков даже указывает на то, что Россия рассматривает возможность в ближайшем будущем обострить

конфликт на Украине или, возможно, в других районах. Если Россия пойдет на эскалацию, США смогут выбирать из множества экономических и военных вариантов, которые включает в себя стратегия сдерживания.

Одним из таких вариантов является увеличение объемов помощи самому уязвимому театру российско-американского противостояния, а именно Украине. США публично заявляли о том, что они рассматривают возможность предоставления смертельного оружия украинским службам безопасности, однако пока они этого не сделали. Эта угроза сама по себе является частью политики сдерживания и одним из основных факторов, удерживающих Россию от открытого военного вторжения на Украину (то есть укрепления своего влияния. – *С.К.*). Однако эскалация со стороны России может превратить эту угрозу в реальность.

Другим вариантом является увеличение масштабов и интенсивности военных учений в таких странах, как государства Балтии или Грузия. Более активная экономическая и политическая поддержка таких энергетических проектов «Южного коридора», как Транскаспийский газопровод, также может служить потенциальной угрозой для экономических и политических позиций России (то есть, опять-таки, инструментом стратегии сдерживания. – *С.К.*). США уже использовали санкции для того, чтобы сдерживать Россию в ее ближнем зарубежье, и у них в запасе есть еще масса возможностей нанести серьезный вред уже ослабленной российской экономике.

Разумеется, США больше не стремятся остановить распространение коммунизма или помешать расширению влияния России в мировом масштабе. Однако тот геополитический императив, который лег в основу американской политики сдерживания – необходимость ограничить возможности России по распространению ее влияния за пределами ее границ – до сих пор актуален и останется таковым еще очень много лет» [10].

Ну, так и что мы на это скажем? Вот нам, например, говорят о разрядке. Генри Киссинджер, он же мудрый человек, повторяет все время: нужна разрядка. Недавно вышло интервью в *National Interest* – журнале, который является площадкой, где республиканская и демократическая партии договариваются о том, что же именно делал Киссинджер в политике разрядки. Прочитаем и это.

Интервьюер (И.): «Я чуть не забыл, что вам этот подвиг (умиротворение Советского Союза. – *С.К.*) удался. Хотя, в конце концов, разрядка сыграла решающую роль в низвержении Советского Союза, не так ли?»

Киссинджер (К.): «В этом (состояла и состоит. – *С.К.*) моя точка зрения. Мы рассматривали разрядку как стратегию для управления конфликтом с Советским Союзом» [9].

Т.е ни о какой разрядке, как таковой, речи не было, речь шла о том, чтобы добиться с помощью разрядки развала СССР. Теперь если даже и начнется какая-то «разрядка», это будет разрядка для того, чтобы добиться развала России, и все. И Киссинджер об этом говорит прямо.

К.: «Нам необходимо было вести холодную войну в таком положении, в котором мы бы не оказались изолированы и в котором нам была бы предоставлена наилучшая из возможных основа для того, чтобы иметь дело с неизбежными конфликтами. Наконец, мы были обязаны найти способ избежать ядерного конфликта, представлявшего опасность для всей цивилизации. Мы искали позиции, в которой были бы готовы в случае необходимости применить силу, но всегда отчетливо демонстрируя, что это самая крайняя мера. Неоконсерваторы усвоили более абсолютистские взгляды. Рейган использовал оказавшийся в его распоряжении промежуток времени со значительным тактическим мастерством, хотя я не уверен, что все это было заранее predetermined. Но эффект оказался весьма внушительным. Я думаю, что период разрядки был необходимой прелюдией (к перестройке и распаду. Ведь сказано "необходимой прелюдией". – *С.К.*)».

И.: Другим монументальным достижением, очевидно, стало возобновление отношений с Китаем. Как по вашим ощущениям, сегодня...

К.: Ослабление роли СССР на Ближнем Востоке. Это имело не меньшее значение.

И.: ...Так, и спасение Израиля поставками вооружения в войне в 73-м году.

К.: Оба события были связаны.

И.: Можно ли назвать Китай сегодняшней кайзеровской Германией? Незадолго до своей смерти Ричард Никсон сказал Уильяму Сафиру¹ о необходимости создать выход в Китай, но мы, возможно, создали Франкенштейна.

К.: О стране, которая на протяжении трех тысячелетий доминировала в своем регионе, можно сказать, что она обладает специфической реальностью. В качестве альтернативы можно было бы постоянно подавлять Китай, находившийся в сговоре с Советским Союзом, превращая последний – уже ведущую ядерную державу – в доминирующее государство Евразии при американском попустительстве. Но Китай, по сути, являет собой центральную проблему для американской стратегии.

¹ У.Сафир – редактор газеты "The New York Times", бывший спичрайтер президента Р.Никсона.

И.: Как вы думаете, Китай настаивает на более синоцентричном мире или может быть интегрирован в рамки своего рода модели вестфальского мира, как вы изложили в своей последней книге "Мировой порядок" (World Order)? (См.: [4]. – С.К.).

К.: Это вызов. Это открытый вопрос. И это наша задача. Мы не очень хороши в этом, потому что не понимаем их историю и культуру (а нашу историю и культуру они понимают? – С.К.). Я думаю, основа их мышления синоцентрична. Но это может привести к последствиям глобального характера. Таким образом, вызов, который нам бросает Китай, есть гораздо более тонкий вопрос, чем проблема Советского Союза. Последняя имела в значительной мере стратегический характер. А это вопрос культуры: могут ли две цивилизации, которые, по крайней мере, пока мыслят различными категориями, найти подходящую формулу для своего сосуществования, из которой проистечет мировой порядок?» [9].

Вся статья (интервью) Киссинджера – это сплошное признание в том, что разрядка была способом развалить Советский Союз. И что любые разрядки для американцев только способ укрепления их господства.

В издании *Politico* (американском) некий Стивен Ли Майерс обсуждает «Истинные истоки путинской кампании в Сирии» [5]. Это потрясающий анализ, там говорится все. Там говорится, что Путин вел себя спокойно, передавал полномочия Медведеву, но Медведев повел себя в Ливии так, как Путину не понравилось. И после Ливии Путин, поняв, что именно там происходит, начал отодвигать Медведева. Все представители российской элиты осудили Медведева за Ливию. Потом, когда Путин начал выражать свое недовольство тем, что происходит в Ливии, Медведев стал отстаивать свою позицию. При этом соответствующим образом одевался и вообще пытался выглядеть решительно.

Затем Путин стал отодвигать Медведева от второго срока. Медведев сначала говорил, что он хочет на второй срок. «Если Медведев и хотел добиться настоящей политической независимости, он этого не показывал» [5].

Он мог использовать свое любое выступление, но этого не делал. Потом Медведев стал слабеть, потом подробно описывается, как именно выходили на трибуну Путин и Медведев, что именно говорил Медведев.

«В конечном итоге такой исход был вполне ожидаемым. Политический капитал Медведева таял с каждым днем в течение всего года...

Путин... едва упомянул о том, что Медведев согласился с его местом в партийном списке и о своем возвращении на президентский пост...

Кремль Путина быстро аннулировал многие из тех реформ, которые проводил Медведев» [5].

То есть все началось с Ливии – с момента, когда Путин понял, как рушатся национальные государства и что это значит. Я считаю, что необходимо обратить внимание на это обстоятельство. А можем ли мы не обратить внимания на то, как именно Генеральный Секретарь Совета Европы Турбьерн Ягланд в статье, которая опубликована в *The New York Times* [1], предрекает Приднестровью судьбу Крыма, а Молдавию предупреждает о том, что страна рискует стать еще одной горячей точкой Европы. Это ли не сдерживание? Неважно, какими банальностями пестрит статья Генерального Секретаря Совета Европы, важно, что в ней черным по белому сказано именно это. А ведь слово и дело тесно связаны.

А что по поводу отношений с Россией заявляет помощник госсекретаря США Виктория Нуланд?

По ее словам, американцы хотят поддерживать связь с Россией, интегрируя Россию в западные институты. При этом Нуланд говорит:

«Россия нарушила правила игры...

Россия, если вы хотите, чтобы она была интегрирована в евроатлантическую систему, должна соблюдать основополагающие принципы, с которыми мы все согласились в Хельсинки (в 1975 году при подписании Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе) [2].

Про Хельсинки говорит Нуланд, не кто-нибудь. Разве американцы не понимают, что когда они бомбили Югославию, они нарушили принципы Хельсинки [6]? Они не понимают, что то, что они делали в Косово, это разрушение Хельсинки? «Мы не готовы менять фундаментальные принципы и правила международной системы и Устав ООН, когда те не подходят интересам России (да вы уже изменили их, когда они не подходили интересам Соединенных Штатов. Вы не имели права, помня о Хельсинкских соглашениях и уважая их, бомбить Югославию, вы не имели права делать то, что вы делали в Косово! – С.К.). В конечном счете, не России решать, с кем та или иная страна будет вступать в союзнические отношения (и не США это решать! – С.К.)» [2].

Итак, мы видим, что вся политика США в отношении СССР–России была и остается реализацией стратегии сдерживания. И чем больше у России появляется возможностей так или иначе влиять на глобальную или даже региональную ситуацию, тем активнее американцы используют эту стратегию и тем более жесткие регистры этой стратегии включают в сдерживание.

Сдерживание России – константа американской стратегии до тех пор, пока наша страна не исчезнет с политической карты. А «разрядки» и «перезагрузки» – лишь словесное оформление для смены акцентов и регистров сдерживания.

Сегодня Россия предъявила миру определенные – пока очень скромные – возможности регионального и глобального влияния. Нужно отчетливо понимать, что в ответ Америка не может не нарастить вариативность и мощность используемого инструментария сдерживания. И, значит, нужно точно, тонко и бережно распоряжаться нашими новыми возможностями. Осознавая, что США в рамках стратегии сдерживания ни на какие долгосрочные содержательные компромиссы с Россией не пойдут.

Библиографический список

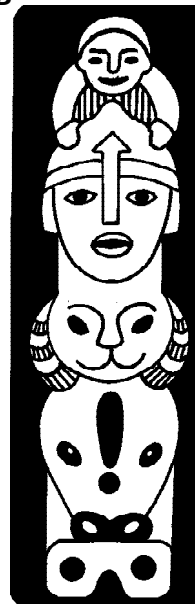
1. Братерский А., Петров В. Приднестровье может стать следующим Крымом. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2015/08/11_a_7682325.shtml (дата обращения: 13.04.2016.).
2. Виктория Нуланд: мы действительно хотим поддерживать ясную связь с Россией: [Интервью]. URL: <http://tass.ru/opinions/interviews/2211262> (дата обращения: 13.04.2016).
3. Иванов А. Европа зовет Россию на помощь URL: <http://svpressa.ru/war21/article/124062/> (дата обращения: 13.04.2016.).
4. Киссинджер Г.А. Мировой порядок. М.: АСТ, 2015. 512 с.
5. Майерс С.Л. Истинные истоки путинской кампании в Сирии. URL: <http://inosmi.ru/politico/20151002/230596461.html> (дата обращения: 13.04.2016).
6. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт. URL: <http://www.osce.org/ru/mc/39505?download=true> (дата обращения: 13.04.2016).
7. Тойнби А.Дж. Постигание истории: Избранное. М.: Айрис-Пресс: Рольф, 2001. 637 с.
8. Форд М. Нет, Обаме не следует объединяться с Путиным. Оpubл. 02.10.2015г. URL: <http://inosmi.ru/world/20151002/230588106.html> (дата обращения: 13.04.2016).
9. Хейлбранн Дж. Интервью: Генри Киссинджер. URL: <http://inosmi.ru/world/20150821/229779825.html> (дата обращения: 13.04.2016).
10. Чаусовский Ю. Почему США считают, что они должны сдерживать Россию. URL:<http://inosmi.ru/world/20150824/229833532.html> (дата обращения: 13.04.2016).
11. Чейни Д., Чейни Л. Восстановить американскую исключительность. URL: <http://inosmi.ru/world/20150902/230037180.html> (дата обращения: 13.04.2016).
12. Islam knews. Информационное агентство России. URL: <http://www.islamnews.ru/news-146815.html> (дата обращения: 13.04.2016).
13. Rice calls for Mid-East democracy. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/4109902.stm> (дата обращения: 13.04.2016).
14. Telegram, George Kennan to George Marshall [“Long Telegram”], February 22, 1946 // Foreign Relations of the United States. 1946. No 6. P.696–709.
15. X. [Kennan G.F.]. The Sources of Soviet Conduct // Foreign Affairs. 1947. July. P.566–582.

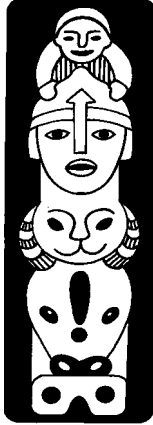
Сложность проблемы свободы — в ее социальных последствиях, в том, что средний человек масс, в сущности, не очень дорожит свободой. И совсем не к свободе стремятся революционные движения масс. Для того, чтобы человек боролся за свободу, нужно, чтобы свобода в нем уже была, чтобы внутренне он не был рабом. Демагогия, к которой всегда прибегают в обращении к массам, есть лишение людей свободы, есть психологическое насилие. Управлять массами, активно вступившими в историю, совсем не легкая вещь.

Н.А.Бердяев

В марксизме есть две тенденции — тенденция к объективации и отчуждению человека в коллектив и тенденция к субъективизму, к освобождению труда и трудящихся от власти общества, к гуманизации общества. Только вторая тенденция заслуживает сочувствия, с первой же нужно духовно бороться.

Н.А.Бердяев

Валентина Марьина

**XX СЪЕЗД КПСС:
ЧЕХОСЛОВАЦКОЕ ЭХО (1956 ГОД)**

УДК
94(437)''1956''

В статье дается общая краткая характеристика XX съезда КПСС, и прежде всего «секретного» доклада Н.С.Хрущева о культе личности и его последствиях, значения решений съезда по этому вопросу для страны и мира, влияния на состояние и развитие мирового коммунистического движения. Показано, как освещалась проблема в российской историографии в последние четверть века. Рассмотрено восприятие решений XX съезда КПСС Коммунистической партией Чехословакии, стоявшей у руля правления страной и чехословацким обществом. Прослежена эволюция взглядов руководства КПЧ в течение 1956 г. на то, как следует претворять в жизнь решения XX съезда КПСС о культе личности Сталина, чтобы не поколебать основы существующего в Чехословакии социалистического строя, построенного по советской модели. Выявлены внутренние и внешние факторы, приведшие в конце 1956 г. к возвращению властей Чехословакии к политике «твердой руки».

The article gives a brief general description of the CPSU Twentieth Congress, with the main emphasis on the N.S. Khrushchev's "secret" report concerning Stalin's "personality cult" and its consequences, on importance of the Congress decisions for the country and the world at large and their impact on the state and development of the world communist movement. It is shown how the problem was presented in the Russian historiography during the last quarter of a century. The perception of the CPSU Twentieth Congress decisions by the Communist Party of Czechoslovakia, which was then at the helm of the country and society, is explored. The article traces evolution of the views of the leadership of the Communist Party of Czechoslovakia in 1956, on how to implement the decisions of the CPSU Twentieth Congress on the cult of Stalin's personality, so as not to shake the foundations of the existing socialist system in Czechoslovakia based on the Soviet model. The article pinpoints internal and external factors that by the end of 1956 brought the Czechoslovak authorities back to the help of "strong hand" policy.

Ключевые слова: XX съезд КПСС; доклад Н.С.Хрущева о культе личности, 1956 год; Чехословакия; Коммунистическая партия Чехословакии; А.Новотный; ЦК КПЧ.

Key words: XX Congress of the CPSU; N.S.Khrushchev's report on personality cult, 1956; Czechoslovakia; the Communist Party of Czechoslovakia; A.Novotny, the CPC Central Committee.

E-mail: moscow.slav@gmail.com

XX съезд КПСС, первый после смерти И.В.Сталина (5 марта 1953 г.), состоялся в Москве 14–25 февраля 1956 г. В его работе участвовало 1 349 делегатов с решающим и 81 делегат с совещательным голосом. Они представляли 6 795 896 членов партии и 419 609 кандидатов в члены партии. На съезде присутствовали делегации коммунистических и рабочих партий 55 зарубежных стран, в том числе и делегация Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) во главе с первым секретарем ее Центрального комитета Антонином Новотным [6]. Съезд оказал большое влияние на последующее развитие СССР, стран Восточной Европы [3; 9; 14], входивших в сферу его влияния, и всего международного коммунистического движения, вызвав его раскол и ослабление. И причиной этого стал доклад первого секретаря ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущева, произнесенный им на закрытом заседании (в отсутствие заграничных гостей) 25 февраля, то есть в последний день съезда. Доклад, не подлежавший обсуждению делегатов (не предусматривались даже ответы на их вопросы), назывался «О культуре личности и его последствиях». В нем впервые публично высказывалась новая точка зрения на недавнее прошлое СССР, говорилось о преступлениях режима конца 1930-х – начала 1950-х годов, за которые вся ответственность возлагалась на И.В.Сталина; ставился вопрос о реабилитации репрессированных при нем партийных и военных деятелей. Кроме того, был поставлен и ряд теоретически важных вопросов: о мирном сосуществовании социалистической и капиталистической систем, о различных формах перехода к социализму¹.

**«Секретный» доклад
Н.С.Хрущева: осмысление
его значения и последствий**

Перед отъездом (отлетом) из СССР некоторые главы присутствовавших на съезде зарубежных делегаций были ознакомлены с текстом закрытого доклада Н.С.Хрущева. Полученный ими текст подлежал возврату. В числе особо «доверенных» оказались 13 руководителей делегаций коммунистических и рабочих партий². 5 марта Президиум ЦК КПСС принял постановление об озна-

¹ В отредактированно-смягченном виде доклад был опубликован 30 июня 1956 г. под названием «О преодолении культа личности и его последствий» как Постановление Президиума ЦК КПСС.

² Из Китая, Франции, Италии, Чехословакии, Болгарии, Албании, Венгрии, Румынии, Польши, ГДР, КНДР, Монголии, Вьетнама.

комлении с докладом Н.С.Хрущева, разосланное затем обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик. В постановлении, оформленном в виде брошюры с грифом «не для печати»³, партийному руководству на местах предписывалось ознакомить с докладом всех коммунистов и комсомольцев, а также беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников. Несколько позже доклад в сокращенном виде был разослан руководителям компартий всего мира.

Н.С.Хрущев в Президиуме XX съезда КПСС

В течение марта, согласно записке заведующего отделом ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями Б.Н.Пономарева, в советские посольства в разных странах поступали вопросы от ЦК компартий о том, какой круг партийных работников можно ознакомить с докладом. Пономарев считал целесообразным сообщить послам СССР в странах народной демократии, что с докладом могут быть ознакомлены члены и кандидаты в члены ЦК соответствующих партий, ответственные работники аппарата ЦК, члены Бюро ЦК Союзов молодежи, члены областных комитетов партий, а также руководители министерств и ведомств страны. Предложение получило одобрение секретаря ЦК КПСС М.А.Суслова. В апреле такие разъяснения получили те компартии, ко-

³ Этот вариант доклада, который неоднократно правился и уточнялся, был опубликован в журнале «Известия ЦК КПСС» (1989. №3).

торы обращались в советские посольства с подобными просьбами [7, с.246–247].

Реакция на доклад Хрущева и в компартиях, и в СССР, и в мире была неоднозначной: от полного неприятия и осуждения до безусловной поддержки и одобрения. Не получили поддержки решения XX съезда КПСС о борьбе с культом личности Сталина у китайских коммунистов. Между СССР и Китаем на этой почве вскоре ухудшились отношения, и их напряженность все более возрастала. То же можно сказать и об отношениях между Советским Союзом и Корейской народно-демократической республикой. Вслед за Пекином и Пхеньяном, вступившими на путь открытой конфронтации с Москвой, свое недовольство ее политикой стали проявлять Тирана и Бухарест. Доклад Хрущева, критика Сталина, до того кумира и непререкаемого авторитета среди коммунистов, вызвали разлад в коммунистическом мире, дали импульс к появлению в нем альтернативных течений, среди которых видное место (правда, недолгое время) занимал «еврокоммунизм», и различных разновидностей «национального коммунизма». Разброд и шатание, обозначившиеся в мировом коммунистическом движении, стали его постоянными признаками, от которых оно уже не смогло оправиться. Мировая коммунистическая конструкция начала постепенно рушиться. Вместе с тем в компартиях как в СССР, так и за рубежом было и много сторонников курса, предложенного XX съездом КПСС, направленного на критику культа личности и исправление ошибок, допущенных в строительстве социалистического общества. Ведь XX съезд КПСС не ставил задачу ниспровержения социалистического строя, а, наоборот, подчеркивал необходимость его совершенствования и постепенного перерастания в коммунизм. Разница во взглядах сторонников реформирования социализма состояла в предлагаемых ими темпах и методах этого преобразования.

Курс на «улучшение» социализма начал давать сбои еще во время нахождения Хрущева на руководящих партийном и государственном постах, а после его добровольно-принудительного ухода в отставку в 1964 г. и вовсе был практически свернут. О XX съезде КПСС и поднятых им проблемах вообще старались не упоминать. Новый импульс в изучении его места и роли в истории СССР и мирового развития положила так называемая «перестройка» второй половины 1980-х годов, обозначившая тренд общественных преобразований, намеченных руководством КПСС во главе с М.С.Горбачевым. Главной задачей его команды было преобразование существовавшего в СССР строя эволюци-

онным способом, путем реформ. Однако эта попытка была кратковременной и осталась незавершенной в связи с распадом СССР. «Архитекторы перестройки» усматривали в ней определенную связь с прерванной в предшествующие годы политической линией XX съезда КПСС. Вновь возник интерес к изучению деятельности Н.С.Хрущева в период его пребывания у власти. Свидетельством этого, в частности, являются материалы научных конференций, проведенных Международным фондом социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-фондом) [10; 5; 4]. Были опубликованы документы, касающиеся истории подготовки, хода и последствий XX съезда КПСС [8], а также многочисленные монографические исследования и статьи на эту тему (см., например: [1; 2]).

**Тернистый путь к съезду
в СССР.**

Положение в Чехословакии

Но вернемся к вопросу о начале десталинизации в СССР и влиянии XX съезда КПСС на политику Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ). Решения съезда, его оценки и

выводы, касающиеся культа личности Сталина, возникли не на пустом месте, вызревали постепенно. К ним Советский Союз двигался в течение трех лет после смерти И.В.Сталина. Необходимость политических и экономических перемен в жизни страны осознавала и часть ее высшего руководства, представители которого немедленно начали борьбу за свое утверждение на властном Олимпе. Сразу обозначились две противостоявшие друг другу группировки: с одной стороны, Л.П.Берия, Г.М.Маленков и Н.С.Хрущев, с другой, – В.М.Молотов, Н.И.Булганин, Л.М.Каганович, К.Е.Ворошилов. Начались «подвижки» и во властном коммунистическом истеблишменте европейских соцстран, обозначилась тенденция разных группировок перехватить инициативу, «перетянуть на себя одеяло». По сути, события развивались примерно так же, как в Советском Союзе, с той лишь разницей, что этот самый партийный истеблишмент, предпринимая какие-либо шаги во внутренней и внешней политике своих стран, постоянно оглядывался на Москву, ожидая ее одобрения или порицания.

События 1953 г. (кровавые столкновения демонстрантов с милицией, поддержанной советскими танками в ГДР; рабочие волнения в связи с денежной реформой в Чехословакии) свидетельствовали, что срочно нужны реформы, однако не затрагивающие основы возводимого по советским рецептам здания социализма. Чехословакия тогда считалась

одним из самых верных и надежных советских союзников. 14 марта 1953 г. скончался на 57-м году жизни президент ЧСР и председатель КПЧ К.Готвальд. В Пражском Граде, как и в Московском Кремле, началась «подковерная борьба» его соратников. Победителей оказалось трое: А.Запотоцкий, В.Широкий – старые соратники Готвальда по партии, и А.Новотный, молодой и амбициозный руководитель пражской организации КПЧ. Этот триумvirат и встал у руля страны: Запотоцкий в качестве президента, Широкий – премьер-министра и Новотный с сентября 1953 г. как первый секретарь ЦК КПЧ и вице-премьер. Между ними и началась борьба за то, кто станет первым среди равных в коллективном руководстве. Все трое склонны были подчиняться Кремлю и руководствоваться его советами, но особенно, как представляется, в этом преуспел Новотный.

Однако вначале чехословацкое трио еще слабо ориентировалось в перегруппировке сил в московских верхах и изменении тренда в политике КПСС. А в СССР между тем сразу после смерти Сталина обозначились явные изменения, прежде всего во внутренней политике. В августе 1953 г., был провозглашен «новый курс» в экономической политике, нацеленный на «максимальное удовлетворение потребностей народа», на развитие легких отраслей промышленности, сельскохозяйственного производства и жилищного строительства. Произошли изменения и во внешней политике, направленные на ослабление международной напряженности и противостояния двух враждующих лагерей. Однако вскоре процесс реформирования в Советском Союзе стал резко тормозиться и фактически сошел на нет. Естественно, что все эти события с большим или меньшим опозданием находили отражение и во внутренней жизни Чехословакии.

Москва рекомендовала «чехословацким друзьям» внести в планы, касающиеся промышленности и сельского хозяйства, «серьезные поправки». Учтя критику и рекомендации, политсекретариат ЦК КПЧ одобрил тезисы об экономическом и политическом положении Чехословакии и задачах партии на ближайший период. В Москве тезисы были в основном одобрены, но подверглись критике за то, что они «носят покаянный характер, причем ЦК КПЧ и правительство каются сверх всякой меры, допускают неправильные и вредные формулировки». Указывалось, что «в случае публичных выступлений руководителей партии с подобного рода покаянными и неправильными утверждениями может быть нанесен серьезный ущерб партии, подорвано доверие к ее руководству» [11, с.768–769, 800–801]. Тезисы предлагалось доработать, что и

было сделано. ЦК КПЧ на заседании 4 сентября 1953 г. одобрил «новый курс», направленный на изменение политики в области промышленности, сельского хозяйства, жилищного строительства, социальной сферы [15, с.140–141].

В сложившейся обстановке властный триумvirат в Чехословакии не смог сохраниться как прочное коллективное руководящее ядро. Особое соперничество развернулось между Запотоцким и Новотным, который опирался на возглавляемый им партаппарат и к тому же заручился симпатиями набиравшего силу в советских верхах Н.С. Хрущева. Мировоззренческих противоречий между членами триумvirата не существовало. Речь шла о лидерстве и о том, какими методами претворять в жизнь

Антонин Новотный

«новый курс». А.Запотоцкий считал, что приоритет в реализации этого курса должны иметь государственные органы, а получивший поддержку Москвы Новотный – партийные. X съезд КПЧ, собравшийся в июне 1954 г., подтвердил правильность как «нового курса», так и генеральной линии на строительство социализма в стране. Хрущев, который присутствовал на съезде в качестве гостя, информировал руководство КПЧ о нарушениях «социалистической законности» в СССР, возложив при этом всю вину на Берию⁴. В связи с этим съезд указал на вредность «культы личности» без конкретизации этого понятия и на необходимость соблюдения «социалистической законности». Однако на практике правопорядок восстановлен не был. Противозаконные политические процессы начала 1950-х годов не подлежали осуждению, а потерпевшие – реоби-

⁴ Благоприятно сказался приезд Хрущева в Прагу на судьбе находившегося в опале бывшего министра национальной обороны Л.Свободы. Лишенный званий и наград, он по милости властей находился тогда в ссылке, в своей родной деревне, где работал на сельскохозяйственном предприятии. Хрущев не мог не знать об этом. Однако, изобразив неведение, задал вопрос, почему во встрече с ним не участвует «его друг» Л.Свобода? Вскоре после этого опальный министр был возвращен в Прагу, ему вернули звание и награды. В 1968 г. Л.Свобода был избран президентом Чехословакии. Ушел из жизни в 1975 г.

литации. Наоборот, в 1954 г. состоялось множество судебных процессов как по начатым, так и по вновь открытым делам [15, с.143–144].

За два года, с середины 1953 до середины 1955 г., в результате мер, принятых в экономической и социальной сферах, положение в ЧСР удалось несколько стабилизировать. Руководство КПЧ пришло к выводу, что созданы условия для нового фронтального наступления с целью завершения построения основ социализма. 6–8 февраля 1956 г. очередной пленум ЦК КПЧ постановил созвать на июнь 1956 г. общегосударственную конференцию КПЧ для обсуждения проекта директив ЦК о втором пятилетнем плане развития народного хозяйства на 1956–1960 гг. [20, с.201–232].

**Начало десталинизации
в Чехословакии.
Первая реакция КПЧ
на решения XX съезда,
настроения в обществе**

И тут вдруг как гром среди ясного неба грянули решения XX съезда КПСС, к которым невозможно было не прислушаться. Как и весь коммунистический мир, они шокировали КПЧ, застав руководство партии

врасплох. Во-первых, съезд затронул некоторые коренные вопросы мирового развития:

- о мирном сосуществовании государств с различным общественным строем и экономическом соревновании между ними, что отрицало понимание войны как фатальной неизбежности;
- о разнообразии форм перехода различных стран от капитализма к социализму, что, по существу, означало возврат к отвергнутой в конце 1940-х – начале 1950-х годов формуле «национального пути к социализму».

Говорилось об установлении более равноправных отношений СССР со странами советского блока, а также о более терпимом отношении к западноевропейским социалистическим партиям.

Во-вторых, и это самое главное, в закрытом докладе Хрущева на съезде осуждался культ личности Сталина и говорилось о необходимости преодоления его последствий. Образ непогрешимого «вождя» перестал существовать.

Руководство КПЧ оказалось в сложном положении: с одной стороны, следовало информировать коммунистов о ходе и результатах XX съезда КПСС, с другой, – ничего пока не говорить о критике культа Сталина. Письмо, подготовленное ЦК КПЧ для зачитания на местах, вызвало больше вопросов, чем ответов. Коммунистов интересовал

именно доклад Хрущева, но «посланцы» из центра ничего не могли сказать вразумительного, поскольку и сами мало что знали. Многие или нет, сказать трудно, но коммунисты, прежде всего старые члены КПЧ, и сами следили за ходом XX съезда КПСС, черпая сведения об этом из печати и других СМИ. Настроения и оценки были разные. Члены компартии с многолетним стажем недоумевали и осуждали. В частности, такие настроения отразило письмо председателя уличной организации КПЧ в г. Теплице Йозефа Гала, направленное на съезд. Автор выражал несогласие с выступлением «правого Микояна⁵, которое является оскорблением светлой памяти Сталина, живущей в сердцах всех классово-сознательных рабочих, и будет радостно воспринято всей буржуазией». «Нас воспитал Сталин», – так заканчивалось письмо [7, с.609].

Между тем в Чехословакии широко обсуждались события в СССР. 6 марта временный поверенный в делах СССР в ЧСР М.Д.Сытенко общал в МИД СССР: «XX съезд КПСС получил огромные отклики среди самых широких слоев населения Чехословакии. Издания, в которых публиковались и публикуются материалы съезда, раскупаются немедленно и обсуждаются повсеместно». Больше всего толков «вызвали, особенно после выступления на съезде т. Микояна, вопросы о культе личности и коллективном руководстве». «Имя И.В.Сталина, – писал Сытенко, – исключительно популярно в Чехословакии в самых широких слоях населения... Поэтому острая критика на съезде культа личности, критика отдельных теоретических положений, выдвинутых И.В.Сталиным... вызвали множество различных разговоров по всей стране. Некоторые высказываются о том, что они не могут понять, как, мол, случилось, что в течение 20 лет не было коллективного руководства и что только теперь это заметили, несмотря на то, что мол, те, которые сейчас выступают с критическими замечаниями в адрес И.В. Сталина, были членами ЦК КПСС и ранее». Сытенко зафиксировал и такие высказывания: «Критика Сталина якобы не послужит укреплению доверия к партии, что И.В.Сталин имеет большие заслуги в рабочем движении и что ЦК КПСС в значительной степени сам виноват в том, что в течение столь длительного времени в СССР процветал культ личности». Поднимались и такие вопросы, как «будут ли и дальше изучаться работы Сталина, не следует ли в связи с критикой культа личности и ряда теоретических положений Сталина пересмотреть и некоторые положения и высказывания

⁵ *А.И.Микоян выступил на съезде еще до «секретного» доклада Хрущева с критикой освещения истории компартии в Кратком курсе истории ВКП (б).*

К.Готвальда по отдельным вопросам, не следует ли теперь снять недавно воздвигнутый в Праге памятник И.В.Сталину⁶ и что вообще не нужно было строить этот памятник, так как вместо него можно было построить больницы или квартал жилых домов и т.п.». «По нашему мнению, – писал Сытенко, – чехословацким друзьям следовало бы оказать соответствующую помощь в организации более глубокого изучения материалов XX съезда КПСС как среди членов партии, так и среди остального населения страны...». Резолюция на письме (подпись неразборчива) гласила: «Т. Пашенко Г.С. направить в ЦК КПЧ. 14.03.1956» [7, с.611–612].

О политических настроениях в стране и, в частности, в армии сообщалось и в записке Главнокомандующего Объединенными силами стран-участниц Варшавского договора И.С.Конева, направленной в ЦК КПСС 22 марта 1956 г. Он писал, что опубликованные материалы XX съезда КПСС «вызвали большой интерес и восприняты основной массой... положительно». Внимание привлекли положения о мирном сосуществовании, о возможности предотвращения войн, о формах перехода от капитализма к социализму, «которые расцениваются как дальнейшее творческое развитие марксизма-ленинизма». Наряду с этим, писал Конев, возникает «много неясных вопросов», на которые даются «не всегда правильные и исчерпывающие ответы». Больше всего, говорилось в записке, возникает вопросов о культе личности и оценке роли Сталина. Далее следовал перечень таких вопросов. Приведем некоторые из них:

- считать ли Сталина классиком марксизма-ленинизма;
- можно ли пользоваться Кратким курсом истории ВКП (б), а также работой «Экономические проблемы строительства социализма в СССР» и другими трудами Сталина по теоретическим вопросам;
- можно ли считать Сталина полководцем, какова его роль в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.;
- почему при жизни Сталина члены Политбюро не указывали ему на его ошибки, а на съезде их выступления по вопросу о культе личности, в частности выступление Микояна, были несамостоятельными;
- почему т. Микоян на XIX съезде КПСС восхвалял «Экономические проблемы строительства социализма в СССР», а на XX съезде критиковал их; и т.д. [7, с. 640–642]

⁶ Строительство колоссального монумента, возвышавшегося над всей Прагой, было завершено в 1954 г. В 1962 г. он был снесен.

Эту атмосферу удивления, непонимания случившегося, а подчас возмущения им, несомненно, ощущало и руководство КПЧ, которое само пребывало в состоянии шока, стремилось свести часто несводимые концы с концами и найти ответы на те же вопросы, которые волновали общество. Об определенной растерянности руководства КПЧ свидетельствует, думается, и тот факт, что пленум ЦК КПЧ, рассмотревший вопрос об итогах XX съезда КПСС, собрался лишь 29–30 марта 1953 г., т.е. месяц спустя после завершения его работы. С сообщением о XX съезде и выводах, вытекающих из его решений для КПЧ, на пленуме выступил Новотный. В обширной резолюции говорилось о единодушном согласии с решениями съезда, который участники расценили как «самый значительный съезд КПСС со времен Ленина». «XX съезд КПСС, – отмечалось в резолюции, – имеет для нас огромное значение потому, что он обобщил опыт не только КПСС, но и всего международного рабочего движения и в свете творческого ленинизма проанализировал новые факты и события мирового развития, дав ясный, научный, ответ на принципиальные вопросы истории человечества. Принципиальные вопросы современного международного развития... глубоко проанализированные XX съездом КПСС, касаются жизненных интересов человечества, а следовательно, и жизни наших народов...

Из ленинского указания XX съезда КПСС о решении основной экономической задачи СССР – догнать и перегнать в исторически короткий срок в ходе мирного экономического соревнования самые развитые капиталистические страны мира в производстве [продукции] на душу населения – мы делаем важные выводы и для нашей республики, которая с точки зрения своей развитой социалистической экономики и творческих сил своего народа располагает всеми условиями для решения этой задачи...

Центральный комитет поведет партию к тому, чтобы у нас были превращены все ленинские нормы партийной жизни, развивалась внутрипартийная демократия, чтобы всегда и во всем гарантировалось осуществление наивысшего партийного принципа – коллективности руководства и было окончательно покончено с культом личности...».

В полном соответствии с решениями XX съезда КПСС делались выводы о направлениях внешней политики ЧСР:

- союз и дружба с СССР;
- политическое и экономическое сотрудничество со странами социалистического лагеря;

XX СЪЕЗД КПСС: ЧЕХОСЛОВАЦКОЕ ЭХО (1956 ГОД)

- развитие и укрепление политического и экономического сотрудничества с Федеративной Народной Республикой Югославией;
- развитие на принципе равный с равным экономического сотрудничества и торговли со всеми странами;
- оказание экономической и технической помощи слабо развитым странам, которые стремятся к укреплению национальной независимости;
- налаживание сотрудничества с социалистическими и прогрессивными кругами капиталистических стран; бдительное слежение за происками империалистических кругов против мира и безопасности.

Подчеркивались достижения СССР в области экономики, что свидетельствовало, по мнению составителей резолюции, «о постепенном переходе советской страны к коммунизму».

В области государственного строительства намечалось:

- преодоление «сильных элементов бюрократического централизма»;
- установление гармоничных отношений между «централизованным управлением и самой широкой самостоятельностью и инициативой на местах»;
- разработка вопроса «о расширении правомочий словацких национальных органов, поскольку политическая и экономическая структура существенно изменилась, количественно возрос словацкий рабочий класс».

Далее речь шла о принципиальном повороте во внутрипартийной работе «на основе последовательного внедрения снизу доверху ленинских норм партийной жизни». В резолюции отмечалось: «Необходимо ясно сказать, что и в нашей партии мы все без исключения не только поддавались [влиянию] культа личности, но и способствовали также его распространению особенно с тех пор, когда наша партия стала полностью правящей партией в государстве». Говорилось о важности поднятия в партии значения идеологической работы, преодоления ее отрыва от жизни и стагнации теоретической мысли. В связи с этим намечалось изучение материалов XX съезда КПСС, которому следовало уделять «самую большую заботу и внимание». Важные задачи ставились перед марксистско-ленинской философией и историей: «Прежде всего, мы ожидаем развития работы в области изучения истории КПЧ, при которой необходимо широко использовать архивные материалы, из научной и

популярной литературы по истории партии устранить все проявления культа личности и немотивированное приукрашивание сложного, но успешного и победоносного пути, которым прошла наша партия. Настойчиво перед нами встает задача создания при ЦК КПЧ института⁷ по подготовке теоретических кадров партии» [20, s.246–258]. Немедленно стали претворяться в жизнь мероприятия социально-экономического плана, целью которых являлось внесение успокоения в общество. [20, s.259–289]. Все это получило положительный отклик среди населения, прежде всего его трудящихся слоев, и воспрепятствовало осязаемому росту политической напряженности в обществе в связи с решениями XX съезда КПСС.

На новом заседании ЦК КПЧ (19–20 апреля) также обсуждались вопросы об итогах XX съезда КПСС и уроках, вытекавших из его решений для КПЧ. Выступавшие в дискуссии говорили в основном о конкретном претворении в жизнь резолюции ЦК КПЧ от 30 марта 1953 г. Пленум констатировал, что «обсуждение этих вопросов во всех партийных органах и организациях проходит при активном участии членов партии, под знаком острой критики недостатков в партийной и общественной жизни. Партийные организации выражают свою решимость активно содействовать устранению недостатков и действеннее решать задачи по проведению в жизнь генеральной линии партии». Пленум принял решение о том, чтобы до общегосударственной конференции КПЧ, назначенной на июнь 1956 г., был разработан ряд важнейших мероприятий, касающихся различных сфер жизни страны. Они предполагали:

- улучшение планирования народного хозяйства и управления им;
- снижение числа работников, занятых в хозяйственном и управленческом аппарате;
- упрощение существующей административной системы;
- улучшение работы правительства, судов и прокуратуры;
- проведение дальнейшей децентрализации управления при одновременном повышении роли местных органов власти (национальных комитетов);

⁷ Именно этот институт, Институт истории партии при ЦК КПЧ, собравший огромный архив и имевший прекрасную библиотеку, стал в 1960-е годы одним из основных «рассадников» диссидентского движения и более других пострадал после 1968 г., в период «нормализации».

- поднятие роли массовых организаций, и прежде всего профсоюзов.

ЦК КПЧ принял решение внести в качестве первого пункта повестки дня общегосударственной конференции (ранее предполагалось обсудить только директивы по второму пятилетнему плану) вопрос «Современная ситуация и задачи партии». А.Чепичка (зять К.Готвальда) был исключен из числа членов политбюро ЦК КПЧ, снят с постов первого вице-премьера и министра национальной обороны «за недостатки и ошибки, допущенные им при исполнении государственных и партийных функций» [20, s.290–291]. Больше никаких передвижек в верхних эшелонах власти не произошло.

Из материалов мартовского и апрельского пленумов ЦК КПЧ следовало, что стратегический курс на завершение строительства основ социализма в стране будет сохранен; споры и предложения касались методов его осуществления. Особое внимание уделялось вопросу о культуре личности, который определялся как система деформаций социализма, вина за это возлагалась на все партийных функционеров, включая руководящее звено. Критиковалась сталинская «теория об обострении классовой борьбы в период перехода от капитализма к социализму»; однако утверждалось, что она продолжается, хотя социальная база реакции сужается. Говорилось о нарушении социалистической законности и применении «неправильных» методов ведения следствия, в связи с чем министр внутренних дел ЧСР Р.Барак издал приказ об аресте двух видных чиновников аппарата МВД. Была проведена очень ограниченная ревизия некоторых ранее вынесенных приговоров. Вся ответственность за сфабрикованные в начале 1950-х годов процессы возлагалась на казненного в 1952 г. генерального секретаря ЦК КПЧ Рудольфа Сланского и некоторых работников органов государственной безопасности, которые якобы «вышли из-под контроля коллективного органа партии». При обсуждении этих вопросов оказалось невозможным избежать оценки роли К.Готвальда, культ личности которого стараниями его соратников непрерывно нарастал после 1945 г. и особенно после 1948 г. В руководстве КПЧ обозначились явные тенденции свести его ответственность за «деформации социализма» до минимума, хотя единства мнений здесь не существовало. Однако считалось, что в этом плане его нельзя сравнивать со Сталиным [15, с.146–147; 19, s.182].

На местах в партийных организациях развернулась широкая дискуссия по материалам XX съезда КПСС и решениям мартовского и апрельского пленумов ЦК КПЧ. В мае 1956 г. были проанализированы ее ито-

ги. В целом дискуссия получила положительную оценку, хотя отмечались имевшие место нападки на партию и социализм, выдвижение требований созвать не конференцию, а очередной съезд КПЧ для решения наболевших вопросов. Первый раз это требование появилось в резолюции 2-го съезда писателей-коммунистов 16 апреля 1956 г., а в конце мая таких требований было уже 425. Особую озабоченность партийных верхов вызывали настроения интеллигенции, часть которой резко критиковала положение в стране и партии. Это нашло отражение в выступлениях на собраниях в ВУЗах, армейских партийных организациях, государственных и научных учреждениях, некоторых творческих союзов. Особенно выразительно такие настроения проявились на указанном съезде писателей. ЦК КПЧ в письме съезду выразил надежду, что съезд поможет «энергичнее устранять препятствия на широком и свободном пути, по которому идут наши писатели и деятели искусств...». «Бесспорно, – говорилось в письме, – что творческое применение [решений] XX съезда в наших условиях придаст нашим деятелям культуры еще больше сил и отваги и поможет устранить все застывшее и окаменелое, что препятствует творческой работе» [20, с.292–298].

Эти призывы были поняты буквально и не остались без ответа. На съезде писателей подверглись сомнению основные положения марксизма-ленинизма: руководящая роль рабочего класса и КПЧ в строительстве нового общества, а также принцип партийности и классовости в литературном и научном творчестве. Развивалась концепция «социалистического демократизма», и звучали призывы, чтобы организация писателей стала «органом общественного мнения, общественного контроля или некоей формой политической оппозиции». Резолюция съезда, значительно смягченная по сравнению с первоначальным проектом, осуждала авторитарное вмешательство в творческие вопросы [14, с.195]. Это не могло не вызвать негативной реакции в верхах КПЧ.

В Словакии именно из рядов интеллектуалов раздавались требования пересмотра вопроса о «буржуазных националистах» и ревизии политического процесса по их делу, расширения правомочий словацких национальных органов. Особой активностью в этом плане отличался председатель Словацкой академии наук О.Павлик. Часть словацких писателей также не осталась в стороне, высказываясь критически в адрес верхов и существующих в стране порядков. На пленарном заседании Союза словацких писателей (июнь 1956 г.) его председатель Ц.Штитницкий высказался за отмену цензуры, за реабилитацию поэта

Л.Новомеского⁸, осужденного (1954) в ходе процесса по делу так называемых словацких буржуазных националистов [14, с.195–196].

Весной 1956 г. свое недовольство положением дел в высших учебных заведениях страны высказали студенты. Наряду с требованиями относительно организации учебного процесса выдвигались и серьезные политические требования. Они касались соблюдения принципов «социалистической демократии»; «бездумного» копирования опыта СССР; публичного пересмотра политических процессов и наказания тех, кто использовал противозаконные методы при ведении следствия; объективной информации в печати и на радио и т.д. Резкой критике подвергалась деятельность Чехословацкого союза молодежи. Новотный подумывал даже о закрытии высших учебных заведений в связи со студенческими волнениями. В конце концов, с помощью коммунистов, рабочих и отрядов милиции, направленных в студенческие общежития, студентов удалось «усмирить».

Новые веяния проникли и в среду историков. Об этом, в частности, свидетельствовала статья К.Гайяна, Й. Мацека и З.Шолле «К некоторым проблемам нашей исторической науки» [17]. В ней критиковались пренебрежение объективной реальностью, догматизм, преклонение перед политическими авторитетами, подхалимство, не всегда обоснованное восхваление советской исторической науки. Примерно в таком же духе писали тогда статьи Й.Гаек, М.Гюбл, К.Пихлик, Ф.Яначек, Й.Долежал, Л.Липтак [18, s.101], представители когорты историков, позднее, в 1960-е годы, внесшие несомненный вклад в подготовку «Пражской весны».

Весной 1956 г. началась дискуссия о положении в профсоюзах и их задачах. Руководящая роль КПЧ в этой организации не подвергалась сомнению, но говорилось о формах ее осуществления, об отказе от диктаторских методов работы партии в профсоюзах. «Неправильные взгляды» части профсоюзных функционеров на роль и задачи профсоюзов подверглись критике со стороны ЦК КПЧ в сентябре 1956 г. В принятом постановлении о дискуссии говорилось о «правильном осуществлении руководящей роли партии» в профсоюзном движении, которая не имеет ничего общего «с опекуном и голым администрированием в нем коммунистов» [20, с.415–443].

Проанализировав в мае 1956 г. ход дискуссии о материалах XX съезда КПСС и вытекающих из них задачах КПЧ, партийное руководство

⁸ Л.Новомески был освобожден из тюрьмы под подписку о невыезде в 1955 г., но не реабилитирован.

выделило три группы ее участников. К первой, по оценке политсекретариата, самой большой, относились безусловно согласные с генеральной линией партии. Вторую группу составляли «колеблющиеся и нетвердые» партийцы. Третью – те, чьи высказывания выходили «за рамки партийной критики и зачастую отражали взгляды классового врага». Такowymi считались требования ликвидации Национального фронта, разрешения создания оппозиционных политических партий, проведения свободных выборов и т.д. Говорилось об активизации троцкистов, бывших социал-демократов, национальных социалистов, а в Словакии – сепаратистов и буржуазных националистов. Из этого анализа логически вытекали следующие шаги: поддерживать верных, убеждать колеблющихся и ошибавшихся, элиминировать носителей буржуазных взглядов. Решено было провести кадровые изменения в партийных и государственных органах: «слабых и нерешительных» заменить «убежденными и преданными членами партии» [14, с.197].

**«Стоп» вольномыслию.
Курс на завершение
строительства основ
социализма**

Явно проявившийся дух свободомыслия, порожденный решениями XX съезда КПСС и сказавшийся на внутривнутрипартийной дискуссии, несомненно, насторожил руководство

КПЧ, опасавшееся чрезмерной активности «низов». В связи с этим общегосударственную дискуссию по проекту второго пятилетнего плана решено было не пускать на самотек, а организовать и направлять с помощью партаппарата. Общегосударственная партийная конференция (июнь 1956 г.) по настоянию именно этих «низов» первым пунктом обсудила вопрос о «современном положении и задачах партии». Руководство КПЧ настаивало на правильности избранного ею генерального курса на завершение строительства основ социализма в стране. В докладе Новотного говорилось: «Генеральную линию партии на завершение строительства социализма в нашей стране разработал два года назад X съезд КПЧ. О чем свидетельствуют два года реализации этой линии? Надо ли ее менять в свете решений XX съезда КПСС? В какой мере ее правильность была подтверждена жизнью и фактами? Факты говорят ясно о том, что эта линия была и остается правильной, что в ней мы ничего не должны менять, что мы ее в основном правильно и успешно проводили» (Цит. по [24, s.538]).

Участники конференции согласились с мнением первого секретаря ЦК и подтвердили правильность стратегического курса партии. В по-

становлении ЦК КПЧ, оценивавшим итоги конференции, говорилось, что в ходе дискуссии по проекту второго пятилетнего плана было подано около полумиллиона замечаний и предложений. Они касались, в основном, экономических вопросов, но также децентрализации государственного и хозяйственного аппарата, демократизации общественной жизни, соблюдения социалистической законности, повышения роли Национального собрания и т.д. Дискуссия в целом оценивалась в Постановлении положительно, но отмечались «некоторые негативные явления», обнаружившиеся в ее ходе: «В высших учебных заведениях, среди писателей, в армии, в органах печати и издательствах дело дошло до проявлений либерализма, беспринципного оппортунизма, мелкобуржуазного радикализма, а в некоторых местах – до распространения взглядов классового врага» [20, s.403–406]. В одобренных конференцией директивах намечалось завершить построение материально-технической базы социализма; акцентировалось развитие ряда отраслей тяжелой промышленности, прежде всего тяжелого машиностроения; предполагалось завершить кооперирование сельского хозяйства. В числе первоочередных задач намечались существенное улучшение материального положения трудящихся, борьба с бюрократизмом и устранение излишней централизации в правомочиях и ответственности органов власти. Последнее, в частности, касалось Словакии [20, s.345–402].

Решения конференции были поддержаны, во всяком случае внешне, большей частью общества. Однако нашлись и несогласные. Партийная группа Союза словацких писателей, например, требовала разрешения открыто писать о полемике по вопросам культуры и политики. Ставился под сомнение марксистский характер КПЧ, говорилось о преувеличении роли государства в строительстве социализма и отходе в этом вопросе от ленинской теории. Прозвучал призыв к пересмотру процесса по делу «словацких буржуазных националистов». Власти предостерегались от настроений против интеллигенции и попыток «после короткого периода свободного обмена мнениями... вернуть все на первоначальные рельсы». Новотный в этой связи указал «на неординарное развитие процесса понимания решений XX съезда КПСС в Словакии и Чешских областях», где «открытых нападок на партию избегают, а в Словакии это продолжается» [14, с.199].

И все же, по-видимому, в целом решения партконференции были восприняты в стране положительно. 14 июля 1956 г. М.Д.Сытенко сообщил в МИД СССР: «По существу первая половина 1956 года явилась для ЧСР периодом большой активности широких масс трудящихся, кото-

рые под влиянием решений XX съезда КПСС проявили небывалый подъем в обсуждении жизненно важных вопросов социалистического строительства, в критике недостатков, в выдвижении инициативных предложений по улучшению всей деятельности партии, государства и хозяйственного аппарата. Вместе с тем реакционные элементы пытались использовать эту активность для своих вражеских целей, под видом критики делались попытки подорвать у широких масс трудящихся доверие к КПЧ и ее политике, подорвать авторитет Центрального Комитета КПЧ». Сытенко писал об усилении враждебной пропаганды по радио, очевидно, имея в виду радиостанцию «Свободная Европа», которая действительно активизировала свою деятельность в связи с событиями в Польше летом 1956 г. Он сообщал также о распространении в Праге «листовок зарубежного происхождения», в которых, помимо клеветы на СССР и существующий в Чехословакии строй, содержались призывы «перейти от пассивного сопротивления к действиям», к организации «комитетов освобождения». Руководство ими, «как и руководство всем движением сопротивления, – говорилось в листовках, – возьмет в свои руки временное правительство, которое в ближайшее время будет создано». Сытенко считал, что эти воззвания рассылаются по заданию западной реакции. В листовках другого рода, писал он, делалась ставка на раскол в КПЧ. Пытаясь «использовать то, что Сталин и Готвальд имели исключительную популярность как в партии, так и в народе», сочинители листовок призывали к созданию комитетов действия для «защиты Сталина и Готвальда, которые якобы оклеветаны нынешним руководством КПСС и КПЧ», и провозглашали: «Будьте решительны [в отношении] врагов Сталина и Готвальда и продемонстрируйте большевистскую верность! С нами идут сотни тысяч верных и честных членов партии. За нашей борьбой с симпатиями следит пролетариат всего мира...» Такого рода листовки, как представляется, могли тогда не только поставляться из-за рубежа, но и рождаться на чехословацкой земле.

Сытенко сообщал также о реакции в ЧСР на события 28 июня 1956 г. в польском городе Познань⁹. «Следует отметить, – говорилось в информационном письме, – что абсолютное большинство населения страны (ЧСР. – В.М.), особенно рабочий класс, осуждают познанскую провокацию и высказываются за повышение бдительности в отношении классов-

⁹ Там демонстрации рабочих, выступавших за улучшение условий труда, вылились в подавленные с помощью армии вооруженные беспорядки, во время которых 73 человека погибли и более 300 получили ранения.

вого врага, принятие мер к недопущению такого рода провокаций в Чехословакии. В этой связи обращает на себя внимание то, что при обсуждении вопросов, касавшихся познанских событий, во многих местах задавался вопрос о том, был ли прав т. Хрущев Н.С., опровергая на XX съезде КПСС тезис И.В. Сталина об обострении классовой борьбы в период строительства социализма». «Оценивая положение в целом, – писал Сытенко, – посольство полагает, что в настоящее время его можно характеризовать положительно, что ЦК КПЧ и Политбюро правильно оценивают внутреннее положение в Чехословакии и вполне справляются с задачами по дальнейшему укреплению народно-демократического строя и строительства социализма в стране...» [7, с.747–749].

По всей видимости, это было действительно так. Общественная волна, поднятая XX съездом КПСС, постепенно сходила на нет, уступая место заботам, касавшимся решения насущных жизненных вопросов. Надо иметь в виду и то, что в руководстве КПЧ не существовало тогда такого острого противостояния, как, например, в верхах Венгерской партии трудящихся. Упомянутый выше триумvirат (Новотный, Запотоцкий, Широкий) в целом действовал довольно слаженно, а оппозиционные КПЧ силы если и существовали, то были малочисленны и раздроблены и, кроме того, не располагали сколько-нибудь значимой политической фигурой, способной претендовать на роль лидера.

Реализация задач, поставленных общегосударственной партийной конференцией в социально-экономической области, началась немедленно. Уже осенью 1956 г. еще раз снижались розничные цены на товары широкого потребления и продукты питания, повысилась зарплата некоторых категорий рабочих и служащих, сократилась рабочая неделя, улучшилась система социального страхования и пенсионного обеспечения, повысилось благосостояние многодетных семей. Чтобы «притушить» оппозиционную активность некоторой части словацкого населения, прежде всего интеллигенции, в конце июля 1956 г. был принят конституционный закон о словацких национальных органах, Словацком национальном совете и Корпусе уполномоченных (словацком правительстве), несколько расширявший их полномочия и ослаблявший зависимость от центра. Однако при этом сохранялась подчиненность словацких органов центральному правительству и Национальному собранию. В Словакии закон приняли с определенным удовлетворением, но на практике, по мнению чешского историка Я.Рыхлика, он реализовывался в минимальной степени, что объяснялось новым «закручиванием

гаек» в ЧСР в связи с событиями в Венгрии октября–ноября 1956 г. [25, s.174–178].

**КПЧ: начало поворота
к политике «твердой руки»**

Итак, к осени 1956 г., когда «взбунтовалась» Венгрия, чехословацкое общество подошло внешне более или менее умиротворенным и консолидированным:

- верные (партийцы) были вознаграждены;
- «вольнодумцы» (в партии) нейтрализованы, напуганные возможными карами;
- народ (простой) удовлетворен проводимыми в стране социально-экономическими мероприятиями и поднятием жизненного уровня.

Кроме того, пражские верхи пошли на то, чтобы несколько ослабить внешние признаки «тугой» привязанности к Москве. В частности, было признано необходимым отказаться от вывешивания наряду с чехословацким советского государственного флага во время проведения официальных мероприятий, от исполнения советского гимна наряду с чехословацким после окончания дневных радиопередач, от внедрения «культы рождественского Деда Мороза» и т.д. Всё это широкими слоями населения было воспринято с удовлетворением и создавало в их глазах представление о правильном политическом курсе Пражского Града.

Но от главного и основного – равнения на опыт СССР и КПСС в деле построения социализма – коммунистическое руководство ЧСР не собиралось отказываться. Об этом свидетельствовало и постановление ЦК КПЧ о партийной пропаганде – в связи с началом учебного года в сети партийного просвещения – от 1 октября 1956 г. Один раздел документа посвящался международному значению опыта КПСС, которая «была и остается первой ударной бригадой мирового революционного движения». Еще раз подчеркивалась необходимость изучения исторического опыта КПСС, помогающего «в решении проблем социалистического строительства»: «Мы... имеем возможность черпать из богатого ленинского плана построения социализма и коммунизма и из опыта, приобретенного КПСС в борьбе за его осуществление. Однако мы должны решительно покончить с догматическим подходом к изучению и объяснению истории КПСС. Мы должны учиться марксистскому познанию опыта коммунистов Советского Союза, видеть различия между специфическим и общезначимым опытом и правильно его претворять в наших

условиях». Указывалось на то, что «принципиальная марксистская критика Краткого курса истории ВКП (б) XX съездом КПСС не должна вести к ослаблению изучения истории Коммунистической партии Советского Союза, но должна способствовать глубокому познанию советского опыта и освоению ленинизма, как надежного оружия в борьбе за победу коммунизма» [20, s.461–462].

Большое влияние на положение в ЧСР и политику КПЧ оказали события в Венгрии. Москва сначала с подозрением, а затем резко критически относилась к попыткам демократизации режима в этой стране (см. подробнее: [11; 13]). Руководство КПЧ с самого начала венгерского кризиса поддерживало советскую позицию. А.Новотный участвовал в заседании представителей коммунистических партий СССР, ГДР, Чехословакии и Болгарии 24 октября 1956 г. в Москве, на котором обсуждалась ситуация в Польше¹⁰ и Венгрии¹¹. На совещании было принято решение о вооруженном вмешательстве в венгерские события, о введении советских войск, находившихся на территории Венгрии, в Будапешт. Однако это привело к обратному результату: к началу массовых волнений в стране.

По возвращении в Прагу Новотный сразу же – в ночь с 24 на 25 октября – доложил о результатах совещания на чрезвычайном заседании политбюро ЦК КПЧ, оценивая, вслед за Хрущевым, события в Венгрии как «контрреволюционный путч» и именуя участников беспорядков в Будапеште бандитами. По словам Новотного, Хрущев обратил особое внимание на вопрос о жизненном уровне населения, заявив: «Только идеологическая работа не поможет, если мы не обеспечим поднятия жизненного уровня. Не случайно, что беспорядки произошли в Венгрии и Польше, а не в ЧСР. Это потому, что жизненный уровень в ЧСР несравненно выше» [16, s.500–501]. На заседании Политбюро ЦК КПЧ подчеркивалась необходимость принятия максимальных мер безопасности в стране, особенно учитывая предстоящие 28 октября торжества по случаю 38-й годовщины возникновения Чехословацкого государства, а 7 ноября – по случаю 39-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Обе эти даты широко и торжественно отмечались в ЧСР.

¹⁰ К руководству в Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) пришел опальный Владислав Гомулка.

¹¹ Будапештские студенты предложили провести массовую демонстрацию под лозунгами демократизации социализма в стране. Вечером 23 октября произошли столкновения демонстрантов с полицией, имелись убитые и раненые.

Политбюро также намеревалось «проконсультировать в СССР по линии Министерства внутренних дел вопрос о возможности отправки добровольческих отрядов в Венгрию» для борьбы с «контрреволюцией». [21, s.513]. Одновременно отдавалось указание о проведении интенсивной кампании по организации сбора подписей под резолюциями – как коллективными, так и индивидуальными, – осуждавшими деятельность «контрреволюции» в Венгрии. Наряду с началом широкой пропагандистской кампании власти ЧСР предприняли некоторые превентивные меры по предотвращению возможных 28 октября эксцессов. Однако манифестации в этот день прошли спокойно.

Развитие ситуации в Венгрии не сулило ослабления напряженности в отношениях между Москвой и Будапештом. 30 октября в Будапеште произошли кровавые события, жертвами которых стали более 20 человек. 31 октября на заседании Президиума ЦК КПСС было принято решение о вооруженной интервенции в Венгрию и создании правительства, полностью контролируемого Москвой. В начале ноября 1956 г. состоялись встречи Хрущева и других членов политического руководства СССР с лидерами стран советского блока, получившими информацию о новых планах Москвы в отношении Венгрии. Заслушав сообщения Новотного и Широкого об этом 2 ноября, политбюро ЦК КПЧ приняло единогласное решение о согласии «с проведением всех необходимых мер для сохранения народно-демократического строя в Венгрии» и подчеркнуло возможность участия ЧСР, в случае необходимости в военных действиях. Москва, однако, ограничилась пока просьбой о закрытии чехословацко-венгерской границы. Слухи о силовом решении венгерского кризиса, о возможном начале третьей мировой войны и введении в связи с этим карточной системы породили панику среди населения, которое бросилось скупать продовольственные товары [16, s.519–520].

В субботу 3 ноября по радио с очень жесткой речью выступил президент А.Запотоцкий. Он, один из самых авторитетных в стране политиков, полностью солидаризировался с Москвой в оценке венгерских событий. Речь президента не могла не произвести впечатление. Она, бесспорно, способствовала тому, что и до этого немногочисленные сторонники поддержки венгерских событий не могли проявить себя сколько-нибудь заметно. 4 ноября началась силовая операция советских вооруженных сил в Венгрии, встреченная пражскими властями с удовлетворением. В понедельник 5 ноября, когда газеты обычно не выходили, по указанию сверху были выпущены специальные номера, в которых крупным шрифтом сообщалось, что «венгерские трудящиеся одержали

победу над контрреволюцией» и что «чехословацкий народ выстоял во время кризиса».

Несмотря на широкую пропагандистскую кампанию, проводимую в ЧСР по разоблачению «происков венгерской реакции», руководство страны не было уверено, что манифестации по случаю 39-й годовщины Октябрьской революции пройдут гладко, что они не будут превращены в демонстрации против существующего режима. Однако, согласно полицейским донесениям, признаков организованного сопротивления властям на местах не было обнаружено. Вместе с тем поступила масса сообщений о прокоммунистических настроениях населения, о позитивной оценке выступления Запотоцкого по радио и симпатиях к созданному в Будапеште «рабоче-крестьянскому» правительству во главе с Яношем Кадаром [21, s.518–519]. Ход манифестаций 7 ноября по стране в целом показал, что власти опасались напрасно. Митинги и демонстрации прошли без каких-либо нарушений порядка. И, наоборот, коммунистические функционеры во всех краях с удовлетворением констатировали, что атмосфера торжеств была лучше, чем в предыдущие годы, невзирая на холодную и ненастную погоду со снегом или сильным дождем 6 и 7 ноября [21, s.520–522].

Полицейские донесения и сводки следующих дней констатировали, что ситуация в Чехословакии постепенно полностью нормализуется. Следует заметить, что словаки были больше напуганы событиями в Венгрии в связи с возможностью венгерского ревизионизма и ирредентистских настроений венгерского меньшинства, проживавшего в Чехословакии. В приграничных с Венгрией южных районах Словакии проживало значительное число представителей венгерского меньшинства, и чехословацкие власти вовсе не были уверены в том, что они не захотят поддержать венгерских повстанцев. Однако, по мнению Я.Пешека, «население венгерской национальности в своем большинстве отрицательно отнеслось к событиям в Венгрии» [22, s.432]. Согласно полицейскому донесению из Праги от 15 ноября, интерес к событиям в Польше и Венгрии по сравнению с предыдущей неделей значительно упал, и среди населения начинает преобладать озабоченность повседневными нуждами [21, s.523–524].

Венгерские события были использованы руководством КПЧ для укрепления своего положения в партии, оправдания грядущего отхода от политики десталинизации, ужесточения внутривластного курса в стране, а в области идеологии – развязывания борьбы против «ревизионизма». 5–6 декабря 1956 г. состоялся пленум ЦК КПЧ. С докладом о международном

положении и вытекающих из него задачах партии выступил А.Новотный. Положение в мире характеризовалось им как борьба сил мира и социализма с силами агрессии и реакции, которая является, по сути, классовой борьбой между пролетариатом и буржуазией. Он утверждал, что трагические события в Венгрии произошли из-за «непонимания выводов XX съезда КПСС и прошлых ошибок и недостатков», и это было использовано внутренней и внешней реакцией для «насаждения либералистических тенденций, развязывания национализма и оживления ревизионизма». Из этого следовал логический вывод: гарантией против угрозы повторения развития событий по венгерскому образцу в чехословацких условиях является в первую очередь дальнейшее усиление руководящей роли партии. «Советский Союз последовательно выполнял свои интернациональные обязательства, и мы гордимся тем, что в решающий момент поддержали его», – заявил Новотный. Пленум единогласно одобрил действия партии и правительства в сфере внешней политики и, прежде всего, позиции в период венгерского кризиса. События в Венгрии расценивались как попытка контрреволюционного переворота, являющегося «составной частью разветвленного империалистического заговора против социализма и прогресса». В резолюции подчеркивалась руководящая роль КПЧ, пользующейся все большим доверием и поддержкой народа; необходимость улучшения ее идеологической и организационной работы среди всех трудящихся [20, с.474–482].

Итак, события в Венгрии и Польше не получили широкого отклика в ЧСР и поддержки чешской и словацкой общественности. Профессор политологии Института политических исследований в Париже Ж.Рупник писал (1986): «Примечательной чертой чехословацкой ситуации в 1956 г. были пассивность и даже равнодушие населения, и не только в отношении событий в Польше или в Венгрии, но и в отношении демократических требований интеллектуалов»¹². Однако, справедливости ради, следует сказать, что в ЧСР имели место, хотя и немногочисленные, факты осуждения советских военных действий в отношении Венгрии. По некоторым данным, до 5 ноября 1956 г. в ЧСР в связи с событиями в Венгрии подверглись преследованиям 674 человека, главным образом за вербальное выражение своего мнения. В армии в той или иной форме оказались наказанными 130 офицеров и солдат. В среде интеллигенции, прежде всего чешских и словацких писателей, обнару-

¹² *Статья была опубликована Ж.Рупником во Франции в 1986 г., переведена на чешский язык и опубликована в чешском журнале «Современная история» в 1996 г. [24, с.535–540].*

жились тенденция солидарности с венгерскими повстанцами и отказы от их осуждения.

Власти решили в порядке «профилактики» возможных в будущем эксцессов провести некоторые мероприятия. 19 ноября политбюро ЦК КПЧ отдало тайный приказ Генеральной прокуратуре страны не освобождать политических заключенных. В начале 1957 г. в тюрьмах находилось около 11 000 осужденных «за антигосударственную деятельность» [16, s.504]. Таким образом, попытки исправить незаконные акты, пересмотреть политические процессы начала 1950-х годов (эти тенденции наметились сразу после знакомства с решениями XX съезда КПСС) не имели продолжения. Было решено провести доскональный анализ состояния чехословацких вооруженных сил, усилить идеологическую работу среди личного состава, укрепить руководящую роль партии в армии. То же касалось и органов государственной безопасности [16, s.510, 516].

Таким образом, события в соседних с ЧСР странах чехословацкие власти решили использовать, чтобы окончательно загасить импульсы, данные XX съездом КПСС, и положить конец развернувшемуся после него дискуссиям об «улучшении социалистического строя». Генеральная линия партии на завершение строительства социализма была признана правильной. Консервативные силы в партии укрепили свое положение; в партийной среде возросло число неосталинистов, сторонников «твердого курса», проведения жесткой линии против тех, кто проповедовал «немарксистские» и «враждебные» взгляды, что касалось, в первую очередь, интеллигенции.

Небезынтересна достаточно объективная (с точки зрения наших сегодняшних взглядов) оценка положения в Чехословакии в 1956 г., данная английским послом в Праге¹³. Приведем выдержки из краткой аннотации документа, составленной сотрудником Форин Оффис, и из самой справки. В первой говорилось: «Чехословакия проявила себя в 1956 году как самый прилежный ученик в ряду сателлитов Москвы ... Чешское правительство во время набравшего силу шторма в Восточной Европе в 1956 году удержалось на плаву, что... помимо традиционной чешской апатии и сносного жизненного уровня объясняется следующим: а) XX съезд КПСС и осуждение Хрущевым Сталина произвели на Чехослова-

¹³ *Весьма пространная справка, составленная послом для МИД Великобритании в январе 1957 г., переведена на чешский язык и опубликована чешским историком В.Пречаном [23, s.564–582].*

кию менее тягостное впечатление, чем на остальных сателлитов [Москвы]. Культ личности здесь не был так очевиден. Не осталось в живых никаких гомулков и надей. Покойный Сланский сыграл роль жертвенного ягненка [при осуждении] всех прошлых ошибок и отступлений от социалистической законности ... б) Власти, таким образом, опять установили полный контроль в стране, причем раньше, чем в октябре, разыгрался второй шторм в Польше и Венгрии. Ни интеллигенция, ни какая-нибудь другая группа давления [на власть] не набрала в предшествующие месяцы достаточного разбега для того, чтобы начать новое наступление... в) Таким образом, Чехословакия, помимо того, что играла роль пионера в экономическом проникновении всего блока за рубеж, стала еще самым значительным идеологическим рупором Москвы среди сателлитов».

Анализируя события 1956 г., английский посол пришел к выводу, что главным из них являлся XX съезд КПСС, «разоблачения» которого стали «для коммунистов шоковыми». «Адепты режима, – говорилось в справке, – которые усмотрели угрозу существованию бастионов сталинизма, были совершенно огорошены. Они отчаянно пытались, насколько это было возможно, задержать информацию об этих разоблачениях... и выжидали, что предпримет Москва; одновременно они сами приспосабливались к переменам. Напротив, интеллектуалы реагировали чрезвычайно быстро и ухватились за неожиданную возможность реализовать только что обретенную свободу критики... Однако на требование ослабить коммунистическую индоктринацию руководство ответило ориентацией на более глубокое и внимательное знакомство с учением Маркса и Ленина... Пропагандисты и авторы передовиц постепенно становились все более самоуверенными и агрессивными, пока, наконец, не вернулись к привычному лексикону и фразеологии. Рука об руку с этим шла все больше набиравшая силу кампания призыва к бдительности против классового врага». Поскольку, как подчеркивалось в справке, «главные сталинисты на верхушке власти остались нетронутыми», «в противоположность польскому или югославскому пути к социализму, очень решительно подчеркивалась действенность советской модели». Чехословакия, полагал посол, в будущем думает следовать этой модели, «модифицированной в соответствии с потребностями страны». И все же, по его мнению, хотя ЧСР «удалось сохранить внешнее спокойствие и 1956 год принес Чехословакии меньше перемен, чем ее коммунистическим соседям, последствия событий в этих соседних странах вызвали к жизни процессы, принципиально значимые для будущего этой страны. Прошло

еще слишком мало времени, чтобы мы могли представить себе их конечный эффект».

История показала, что английский дипломат был прав. 1956 год, несомненно, дал толчок развитию и углублению процессов, приведших к «Пражской весне» 1968 года, «застрельщиками» которой являлись именно интеллектуалы, сумевшие увлечь за собой значительную часть общества. Советский Союз тогда обратился, как казалось его руководителям, к надежным и апробированным методам подавления инакомыслия в стане «союзников» и не нашел ничего лучшего, как ввести танки в Чехословакию.

P.S. Памятник из белого мрамора и черного гранита работы скульптора Э.Неизвестного на могиле Н.С.Хрущева на Ново-

девичьем кладбище в Москве как нельзя лучше отражает суть этого человека, занявшего после смерти И.В.Сталина посты Первого секретаря ЦК КПСС (1953) и Председателя Совета министров СССР (1957). Вознамерившись очистить социализм от «скверны сталинизма», Хрущев, сам вышедший из «сталинской шинели» как человек и политик, не смог справиться с поставленной задачей. Хотя, возможно, искренне, а возможно, потому, что очень хотел таким образом удержаться у власти и пытался это сделать. Адепты и последователи Хрущева из «социалистического лагеря» также не могли, да и не хотели окончательно расстаться с прошлым. Все они являлись более или менее дерзкими, но все же «сыновьями» Сталина, в характере и деяниях которых просматривались некоторые национальные черты.

Однако, думается, именно Хрущев стоял у истоков идеи построения социализма «с человеческим лицом», хотя сам он не пользовался этим выражением. О том, что Хрущев пытался – хорошо ли, плохо ли – реформировать сталинскую модель социализма, свидетельствуют как его практическая деятельность, так и мемуары, в которых достаточно кри-

тически оценивается все содеянное Сталиным и созданным им тоталитарным режимом [9, с.85]. История конца XX столетия показала, что идея социализма и тем более коммунизма в том виде, как она была превращена на практике большевиками, потерпела сокрушительное поражение.

Библиографический список

1. Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. 2-е изд., испр. и доп. М.: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина»: РОССПЭН, 2010. 622 с.
2. Аксютин Ю.В., Волобуев О.В. XX съезд КПСС: новации и догмы. М.: Политиздат, 1991. 222 с.
3. В поисках путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е – 60-е гг. XX века. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2011. 794 с.
4. XX съезд. Материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС. Горбачев-фонд. 22 февраля 1996 года. М.: Апрель-65, 1996. 158 с.
5. XX съезд и доклад Н.С.Хрущева «О культе личности» в российской истории: к 50-летию XX съезда КПСС. От Фултона до Мальты: как началась и закончилась холодная война. Горбачевские чтения. М.: Горбачев-фонд, 2006. Вып.4. 336 с.
6. XX съезд КПСС (14–25 февраля 1956 года). Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 1. 640 с.; Т.2. 560 с.
7. Доклад Н.С.Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. Серия: Культура и власть. От Сталина до Горбачева. М.: РОССПЭН, 2002. 914 с.
8. Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева (продолжение) // Вопросы истории. 1994. №3. 77-94 с.
9. Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура. Сб. ст. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2013. 486 с.
10. Н.С.Хрущев (1894–1971): Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н.С.Хрущева. 18 апреля 1994 года. Горбачев-фонд. М.: РГГУ, 1994. 199 с.
11. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М.: РОССПЭН, 1998. 863 с.
12. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т.2. 1949–1953 гг. Документы. М.: РОССПЭН, 2002. 928 с.

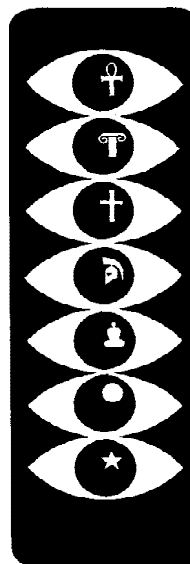
13. Стыкалин А.С. Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М.: Новый хронограф, 2003. 315 с.
14. 1956 год. Российско-болгарские дискуссии. Сб. ст. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2008. 495 с.
15. Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. М.: Наука, 2005. Кн.2. 557 с.
16. Bílek J., Pilát V. Bezprostřední reakce československých politických a vojenských orgánů na povstání v Maďarsku // Soudobé dějiny. Praha. 1994. N4. S.500–511.
17. Gajan K., Macek J., Šolle Z. K některým problémům naší historické vědy // Nová mysl. 1956. N 6. P. 636-640.
18. Hanzal J. Cesty české historiografie. 1945–1989. Praha, Univerzita Karlova v Praze. Nakladatelství Karolinum, 1999. 273 s.
19. Marušiak Ju. Slovenské postoje počas krízy komunistického systému v rokoch 1956–1957 // Kríze režimov sovietskeho bloku v rokoch 1948–1989. Banská Bystrica: Pedagogická spoločnosť, 1997. 272 s.
20. Od X do XI sjezdu. Usnesení a dokumenty ÚV KSČ. Praha: Státní nakladatelství politické literatury, 1958. 796 s.
21. Pernes J. Ohlas maďarské revoluce roku 1956 v československé veřejnosti // Soudobé dějiny. Praha. 1996. N4. S.512–526.
22. Pešek J. Maďarské udalosti roku 1956 a Slovensko // Historický časopis. Praha. 1993. N4. S.430–442.
23. Prečan V. Britské velvyslanectví v Praze o Československu 1956 // Soudobé dějiny. Praha. 1996. N4. S.564–582.
24. Rupnik J. Promeškané setkání. Rok 1956 v pohledu z Prany // Soudobé dějiny. Praha. 1996. N4. S.535–540.
25. Rychlík J. Češi a Slováci ve 20. století. Česko-slovenské vztahy 1945–1992. Bratislava; Praha: Academic Electronic Press Bratislava a Ústav T.G.Masaryka, 1998. Díl 2. 534 s.

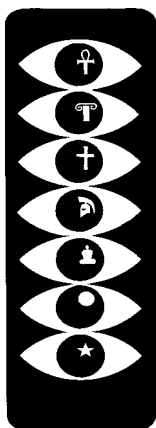
В успехах дипломата нет ничего драматического. Его победы складываются из серии микроскопических преимуществ: из толкового предложения здесь, из своевременной вежливости там, из разумной уступки в один момент и дальновидного упорства в другой; из постоянного такта, непоколебимого хладнокровия и терпения, которые никакая глупость, никакие грубости не могут поколебать.

Роберт Солсбери

История идей — это история ошибок.

Альфред Уайтхед

Владимир Дегоев

**ДИПЛОМАТИЯ ПЕТРА I
НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ
ЭТАПЕ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ
ВОЙНЫ 1686–1700 ГОДОВ¹**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
94(47)05

Во второй части статьи рассматриваются острые перипетии дипломатической борьбы в условиях формально начавшегося Карловицкого конгресса. Прокопий Возницын, скованный отсутствием подробных инструкций Петра, вынужден импровизировать на свой страх и риск. Но благодаря богатому профессиональному опыту и житейской интуиции ему удается избежать ловушек, расставленных австрийскими, английскими и голландскими дипломатами.

In the second part of the article the author comes to extensively consider the intricate diplomatic play staged at the Karlowitz congress scene. Hobbled by the absence of the tsar's update instructions Procopius Voznitsin had to improvise at his own risk. But due to long experience and acute intuition Russian delegate contrived to avoid the traps set by his European counterparts.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1686–1700 гг., Священная лига (1684–1699 гг.), Карловицкий конгресс, Петр I, П.Б.Возницын, П.В.Посников, А.Маврокордато, Рами Мехмед-паша.

Key words: Russo-Turkish War of 1686–1700, Holy League (1684–1699), the Congress of Karlowitz, Peter the Great, Procopius Voznitsin, Peter Posnikov, Alexander Mavrocordato, Rami Mehmed-pasha.

E-mail: degoev2013@yandex.ru

¹ Продолжение. Начало см.: Россия XXI. №1.

II. Игра втемную продолжается

Грек из османской команды Несмотря на всю конфузность истории с Малаховским, главной проблемой для Возницына была отнюдь не она. Прокопий Богданович ждал куда более крупных неприятностей не от бестактного и заносчивого шляхтича, а от внешне обходительных и утонченных австрийцев. И дождался.

18 октября к нему явились Эттинген и Шлик со «многими разговорами», цель которых сводилась к тому, чтобы склонить посла к подписанию двух документов: о его согласии считать «основанием мира» принцип *uti possidetis* и о признании посреднических полномочий Вильгельма Пэджета и Якоба Кольера. Австрийцы спешили заключить выгодный для себя двусторонний мир, предоставив Венеции, Польше и России, как Вена и обещала накануне, самим улаживать свои проблемы с Турцией. Уже известные читателю аргументы быстро выветрили из содержания беседы дипломатический лоск.

Возницын в который уж раз заявлял, что «основание мира» «учинено без совета и соизволения Его Царского Величества». Посол, как сообщают источники, «говорил о том пространно». Цесарцы сели на своего любимого конька, ударившись в казуистику. Они бесцеремонно искажали букву и дух договора от 29 января 1697 года. Затем было передано жесткое предупреждение Пэджета и Кольера: если Возницын откажется предоставить им карт-бланш на переговоры с неприятелем, то они прервут с ним всякие отношения. [2, с.171, 194].

И тут же, как бы смягчая этот угрожающий тон, австрийцы вручают Прокопию Богдановичу письмо, в котором, употребляя почти подобию риторичность, умоляют его не чинить препятствий «съезду мира» во имя общей христианской пользы и пользы Его Царского Величества. [2, с.171–173].

Возницын взял паузу, чтобы обдумать способ достойно выйти из-под усиливавшегося со всех сторон давления. Быть причиной срыва конгресса ему не хотелось. Загонять себя в полную изоляцию – тоже. Он решил воздержаться от прямого отказа и ответить уклончиво. Нисколько не лукавя, посол объяснял, что «основания мира» («каждый да

владеет тем, чем владеет») носят весьма расплывчатый характер, равно как и конкретное понимание этой формулы англо-голландскими посредниками. По причине секретности идущих с османами переговоров он, Возницын, не имеет никакой возможности сообщить Его Царскому Величеству, что именно стоит за фразой «основания мира». Поэтому он вынужден дать условное согласие на участие в конгрессе в надежде на добрую волю и великодушие императора Леопольда, обещавшего оказать Петру «приятную услугу» в виде соблюдения российских интересов и радения о всеобщем христианском благе [2, с.173–175]. Возницын был слишком мудрым и многоопытным дипломатом, чтобы всерьез верить в «приятные услуги» цесарцев.

Эттинген и Шлик создали вокруг русской делегации обстановку, имевшую сходство с информационной блокадой. Как сообщал Возницын в Москву, австрийцы «нам едва что сказывают, отчего мы здесь и слепы и глухи, и ничего в действо произвести не можем» [2, с.188].

Возницыну оставалось уповать лишь на непосредственные контакты с османской делегацией, вторым человеком в которой являлся давно знакомый Прокопию Богдановичу Александр Маврокордато. Тут, однако, способность к трезвому расчету (возможно, под влиянием нервного перенапряжения уже немолодого организма) несколько подвела Возницына. Позволив себе принять желаемое за действительное, он несколько преувеличил значение того факта, что Маврокордато был греком и питал симпатии к православной России. Отнюдь не этими сентиментальными обстоятельствами объяснялась выдающаяся чиновничье-дипломатическая карьера помощника Рами Мехмед-паши. Умный, талантливый, просвещенный Маврокордато верой и правдой служил турецкому султану и Османской империи. Он готов был сотрудничать с Возницыным в той мере, в какой это не противоречило интересам Порты и не вредило высокому иерархическому статусу грека.

Осторожный Маврокордато долго не отвечал на письмо русского посла (от 10 октября), раздумывая над его предложением и, возможно, над тем, уведомлять ли об этом рейс-эфенди, чего он, похоже, не мог избежать, не рискуя своей головой. Ответ Александра последовал лишь после повторного визита к нему сербского монаха Григория (15 октября). Послание, доставленное Возницыну, являло собой образец утонченного дипломатического стиля, сдобренного теплыми человеческими интонациями и христианской риторикой. Не забыл он отдать должное Рами Мехмед-паше, «мужу яснейшему и искуснейшему», тем самым

доводя до сведения русского посла, на всякий случай, что рейс-эфенди в курсе дела. Маврокордато пишет, что «со всякою радостью» готов вести переговоры «прежде общего съезда», призывает к полной откровенности, обещая подробный ответ и гарантируя тайну переписки [2, с.165–166].

Затем, с помощью короткого обмена посланиями, решили вопрос о надежном человеке, через которого будут осуществляться тайные контакты². Любопытно, что в качестве такового Маврокордато предложил Петра Посникова (напомним: ближайшего помощника Возницына), убедившись в его прекрасном владении искусством греческого письма³. Если уж союзники находятся в постоянных пересылках и друг с другом, и с османами, то, как полагал Маврокордато, нам, православным, сам Бог велел «дружбу иметь» [2, с.167].

При таком вроде бы обнадеживающем начале впору было бы порадоваться. Но Возницын не спешил, и правильно делал.

**Русско-турецкий торг:
кто кого?**

21 октября Посников привез к Маврокордато конкретные предложения, сформулированные на основании изучения Возницыным расстановки дипломатических сил, которая скла-

дывалась не в пользу России. Прокопий Богданович старался сгустить краски, но, объективно говоря, особых усилий на это не требовалось. Как писал посол, «из-за тех великих трудностей, с которыми она («комиссия», т.е. конгресс. – *В.Д.*) начинается, при том себялюбивом соревновании, с которым вступают в нее участники», ожидать ее благополучного окончания не стоит. Не скрывая своей обиды за предательство немцев (австрийцев), втянувших Россию в войну, а затем сепаратным образом вышедших из нее, Возницын считал себя вправе действовать столь же эгоистично. Поэтому он предлагал срочно заключить русско-турецкое перемирие, чтобы впоследствии превратить его в прочный мир. Тем временем османы могут продолжить войну с ослабленной

² Под предлогом обеспечения безопасности турецкой делегации австрийцы выставили вокруг их лагеря кордоны, проход через которые был закрыт, в первую очередь для русских дипломатов [2, с.241].

³ Оба, кстати говоря, прошли одинаковую образовательную карьеру, изучая философию и медицину в итальянских университетах [1, с.354–355, 381–383].

Священной лигой и взять реванш за предшествующие потери. Более того, царь окажет Турции моральную поддержку в отместку за двурушничество Вены. Если же по каким-то причинам Москве и Стамбулу не удастся договориться о вечном мире, то у Порты всегда будет возможность прекратить войну с союзниками и вернуться к карловицкой дипломатической повестке [1, с.385–386; 2, с.180–182, 189–190].

Возницын пытался внушить Маврокордато, что для Австрии, в ее крайне истощенном материальном и уязвимом моральном положении, мир гораздо более необходим, чем туркам. Лучше дожидаться австро-французской войны за испанское наследство, и тогда Леопольду, всецело занятому на западе, ничего не нужно будет уступать [2, с.181; 1, с.386; 4, с.254; 3, с.584].

На что рассчитывал Возницын, выступая с такой инициативой, можно только гадать. Если, паче чаяния, на простодушие Маврокордато, то напрасно. Если на его склонность к рискованным гамбитам, то тем более. Если на возможность подкупа, то денег для удовлетворения масштабных политических амбиций грека (стать господарем Молдавии и Валахии) [1, с.383] не нашлось бы, вероятно, во всей российской казне. Это, однако, не означает, что предложенная русским послом комбинация, названная С.М.Соловьевым «слишком простоватой», была бессмысленной, особенно в свете теоретического и практического наличия разных вариантов развития событий на конгрессе. Речь в данном случае может идти не о недостатке профессионализма у Прокопия Богдановича, а о решении почти невыполнимой задачи точного исчисления шансов за и против готовности Порты пойти на сговор с Москвой.

Возницын не был столь наивным, чтобы не понимать, что первым пунктом в порядке приоритетов у турок стоит заключение мира с самым грозным противником – Австрией, а уже потом всё остальное. Чтобы поменять этот порядок, нужен был такой сложный набор рычагов, стимулов, обстоятельств, которого в распоряжении посла не было. Недостаток этот Возницын стремился компенсировать максимальным использованием имевшихся средств и своей бурной энергией.

Маврокордато, действовавший (за исключением частных) в полном согласии с Рами Мехмед-пашой, ответил моментально. На перемирие с русскими Порты согласна, а на продолжение войны с немцами – нет, поскольку она не может нарушить уже подписанного соглашения о переговорах о мире на условиях *uti possidetis*. Примечательно, что о части статей этого соглашения Маврокордато умолчал [2, с.181–182,

190]. Затем следуют странные и загадочные слова. Признавая, что австрийцы и посредники действуют против России заодно, османский дипломат посоветовал Возницыну занять по отношению к ним жесткую позицию «без снисхождения». Это не будет простым блефом, ибо австрийцы, англичане и голландцы, по утверждению грека, почитают Петра «за великого и сильного монарха», и, стало быть, им нет никакого резона провоцировать его на решительные шаги [2, с.182, 191].

Абсолютно ясно, что Возницыну было предложено, называя вещи своими именами, усилить давление на союзников с целью заставить их исторгнуть у Порты уступки для России. Возникает вопрос, с какой стати Маврокордато дает русским совет, в корне расходящийся с его миссией на конгрессе – сократить до минимума территориальные потери Османской империи? Не потому ли, что он не считал положение Возницына заведомо обреченным на поражение, то есть на возвращение с конгресса с пустыми руками? И не вел ли он собственную, гораздо более тонкую игру, за которой невозможно проследить по документам и суть которой он не мог открыть никому?

Не исключено, что объектом этой игры, если не сказать манипуляций, Маврокордато хотел сделать Возницына (что не противоречит очень дружеской приязни к нему). У нас нет твердых оснований полагать, что «великий драгоман» проявлял исключительную заботу о сохранении русско-османских «пересылок» втайне от австрийцев и посредников. Не будет ничего неестественного в предположении, что он эту связь «скрывал» так, чтобы союзники поняли, чем она им грозит. Имея такой козырь, как сам факт начавшихся переговоров с Возницыным, Маврокордато посылал Священной лиге сигнал: не зарывайтесь в своих требованиях к Порте, дабы не спровоцировать кардинальную перегруппировку сил на конгрессе.

Во всяком случае, одно можно констатировать с уверенностью: никакого желания обескураживать русского посла однозначным отказом у Маврокордато не было.

Далеко не новичок в своем деле, Прокопий Богданович не собирался превращаться в орудие дипломатических маневров своего хитрого единоверца, угадывая очертания той стратегической линии борьбы против притязаний союзников, в которую османы хотели вовлечь Россию. Между Возницыным и Маврокордато развернулось прикрытое демонстративными внешними любезностями профессиональное состязание. Каж-

дый стремился стать влиятельным субъектом, а не ведомым объектом игры.

Русско-османские переговоры начались в стремительном темпе. 21 октября Посников опять был у Маврокордато уже с детальными предложениями.

Перемирие на год или полтора на основе *uti possidetis* с последующим заключением вечного мира на таком же основании. В перемирные годы стороны берут на себя взаимное обязательство не нападать друг на друга и не допускать набегов своих подданных (в одном случае крымских татар, в другом казаков) в пределы соответствующих государств, и не учинять «инога зла».

Перемирие сопровождается вольной и безопасной торговлей «на обе стороны как сухим путем, так и морем», с уплатой обычных пошлин.

Возницын уже не настаивает на продолжении войны с Австрией, понимая всю ее обременительность для Порты, но предлагает ослабить позиции Вены подписанием сепаратного русско-турецкого перемирия. Тогда цесарцы, потеряв в лице России «главного и сильного союзника», охотнее склонятся к уступкам в пользу турок. Кроме того, это лишит немцев роли первой скрипки на конгрессе.

В завершение прозвучало обещание, что благородные труды Маврокордато не останутся без царской «особливой милости и жалования» [2, с.184–185, 191–192].

Подтвердив согласие турок на перемирие, Маврокордато коснулся нескольких принципиальных моментов. Перемирие должно быть не кратковременным, а «на довольные лета и со всяким определением (по спорным вопросам. – *В.Д.*), не отлагая ничего впредь, понеже то дело великое и надобно его честно и впредь безопасно учинить». Идею подписать русско-турецкое соглашение раньше турецко-австрийского Маврокордато отверг, ссылаясь на достигнутые предварительные договоренности с Веной и обычай Порты держать свое слово «постоянно и твердо» [2, с.185–186, 192–193].

Между Посниковым и Маврокордато установились теплые личные отношения. Оценив профессиональный уровень русского дипломата, «великий драгоман», не только из соображений этикета, откровенно признался, что хотел бы с ним «во всякой неотменной дружбе и приятстве» быть [2, с.186, 193].

Возницын пробовал прибегнуть к обычным для дипломатии того времени средствам. Посников каждый раз возил с собой очень дорогие

подарки в виде соболей, но Маврокордато вежливо уклонялся от этого многозначительного и обязывающего подношения [2, с.193].

**«А наше дело зело трудно,
потому что во всем неволя»**

Положение Прокопия Богдановича осложнялось не только запутывавшимся клубком интриг в Карловице (жертвой которых, кстати говоря, мог в принципе оказаться любой из

руководителей делегаций). Проблема была в отсутствии возможности получить от Петра указания с такой же быстротой, с которой развивались события на конгрессе. Но самое, быть может, главное: Возницына сковывал страх неведения о том, чего всё же царь хотел больше – войны или мира. В конце концов, флот ведь он строил не для потешных учений!

Это обстоятельство усугубляло недоверие Маврокордато к предложению о «коротком перемирии». Его вопрос к Посникову звучал вполне уместно: если вы, русские, хотите продемонстрировать добрую волю, зачем заключать годовое перемирие, а не долгий мир? «Великий драгоман», возможно, из деликатности не прибавил: «А зачем вам столь беспрецедентная концентрация военно-морских и сухопутных сил на юге?»

Как ответственный политик, Маврокордато не мог не мучиться такими вопросами, и его личное приязненное отношение к Посникову и Возницыну в данном случае не имело никакого касательства к решению задач государственного уровня. Здесь он являлся таким же невольником обстоятельств, как и его визави.

Стамбул не желал менять мир с Веней, об основных очертаниях которого уже почти договорились, на нечто неравноценное и тем более неясное. Предложения, привезенные Посниковым, именно к данной категории и принадлежали. По крайней мере, в глазах турок. Порте нужны были от России гарантии безопасности на долгие годы. Возницын не обмолвился об этом ни слова. Да и входило ли в его полномочия предоставление таких гарантий? Захват Азова, укрепление устьев Дона и Днепра, размах кораблестроительных работ в Воронеже мало походили на подготовку надежного мирного договора. Убеждать турок, что этим самым Россия тоже заботится о собственной безопасности, учитывая более чем двухвековую историю жесточайших по своим последствиям крымских набегов, было бесполезно. Каждый отстаивал свою правду.

Встречи Маврокордато и Посникова, по-человечески дружеские, в содержательной части исчерпали себя быстро. Вся загвоздка была в еще неизвестном объеме требований России и в степени уступчивости Порты. Иными словами, дело касалось того самого «определения» точных условий русско-турецкого мира (или длительного перемирия), которые гарантируют «честное и безопасное» сосуществование. «Великий драгоман» осознавал: его единоверец не может поведать то, что он либо не знает, либо не вправе открыть до времени. Дальнейшую работу предстояло вести с Возницыным и в присутствии Рами Мехмед-паши. Однако австрийцы ежедневными переговорами ангажировали его так плотно, что подступиться к рейс-эфенди было невозможно. Цесарцы не скрывали своего намерения не подпускать никого к турецкому стану, пока они не уладят свои дела. А когда и как уладятся эти дела – об этом не знал никто [2, с.186, 192, 196].

Стало ясно, что совместного договора участников Священной лиги с Портой не будет. Венские дипломаты вместе с англо-голландскими посредниками придали конгрессу настолько странную организационную форму, что и конгрессом назвать-то его язык не поворачивается. Вот уж 17 дней (5–22 октября), как дипломаты прибыли в Петервардейн, и 9 дней (13–22 октября), как они слоняются по заставленному шатрами Карловицкому полю, а начала настоящей работы еще не видно. И никто не знал, когда она откроется. Постепенно идея проведения конгресса в соответствии с нестандартной процедурой подтвердилась. Недостатка экзотики в ней не было: по завершении австро-османских переговоров русским, венецианцам, полякам предстояло в буквально смысле выстроиться в очередь к Рами Мехмед-паше, чтобы вести с ним переговоры по соответствующей тематике – пусть «всяк о себе сам говорит» [2, с.196].

Отсутствие единого дипломатического фронта было, разумеется, Порте на руку. Тактика, избранная рейс-эфенди, конечно, не без советов Маврокордато, судя по всему, предполагала удовлетворение Австрии в максимально возможном варианте, а Венеции и Польши – в более скромном виде. Таким приемом турки хотели окончательно расколоть коалицию, лишить Россию поддержки союзников и оставить ей крохи, не исключая даже пересмотра принципа *uti possidetis* не в пользу русских.

Тягучая и тягостная неопределенность, запутывавшаяся то здесь, то там новыми узлами конфликтов, выматывала Возницына психологиче-

ски. Даже такому мастеровитому помощнику, как Посников, не под силу было продвинуть переговоры дальше той точки, на которой они замерли. Разморозить их могла лишь очная встреча глав российской и османской делегаций. А перспектива ее даже не просматривалась, особенно на фоне совершенно бесцеремонного поведения цесарцев, которые на все недоуменные вопросы не только Возницына, но и других союзников фактически давали понять: «Будете ждать столько, сколько нужно».

Хотя австрийцы и посредники держали нити управления конгрессом с изощренной цепкостью, справедливости ради стоит заметить, что им тоже приходилось нелегко. Турецкие дипломаты ожесточенно бились за каждую пядь земли. После долгих споров, казалось бы, соглашались на уступки, а потом вновь отказывались, подзревая подвох. И чем труднее шли австро-османские переговоры, тем плотнее смыкалось вокруг них кольцо информационной непроницаемости и тем непроходимее становилась зона охранения вокруг турецкого стана.

Недоступность Рами Мехмед-паши усиливалась австрийскими интригами, сплетнями и беззастенчивым враньем, особенно в адрес русских. Рисуя обстановку на конгрессе, Возницын писал Петру: «А наше дело зело трудно, потому что во всем неволя: перво чрез цесарцев, а потом чрез посредников, и за таким поведением как что выторгуешь». [2, с.196–197]. Основываясь на достоверных данных, Прокопий Богданович докладывал царю, что австрийцы внушают туркам, будто русские – единственное препятствие к миру.

«Десять пунктов» Возницына Вокруг шатров, где полным ходом шли австро-турецкие переговоры, царил, образно говоря, дипломатический штиль. Но миссия союзных дипломатов заключалась всё же не в том, чтобы бесконечно «любоваться» этим спокойствием, не получая вразумительного ответа на все более нервные вопросы о том, когда будут рассматриваться требования их государств.

Цесарцы, разумеется, стремились как можно искуснее замаскировать грубую келейщину, вызывавшую у «бедных союзных родственников» растущее раздражение видимостью бурной деятельности. Эттинген и Шлик постоянно челночили между делегациями, развозя какие-то бумаги, сличая переводы, уточняя формулировки, занимая внимание дипло-

матов церемониальными делами и обедами, оттягивая время под любыми предложениями⁴.

Объектом таких уловок был, конечно, и Возницын. На его многочисленные призывы снять покров секретности с австро-турецких переговоров и придать съезду в Карловице форму настоящего конгресса, а не тайной вечери, цесарцы ответили: присылайте к нам и к посредникам свои условия, и они будут переданы туркам. Справедливые возражения Возницына сводились к следующему: если международные переговоры именуются конгрессом, то они предполагают обсуждение проблем лицом к лицу, а не через «пересылки» с участием людей, облеченных ограниченными полномочиями.

Эттинген заявил, что турки желают работать не в формате общих съездов, а лишь с требованиями каждой делегации в отдельности и непременно через посредников. Навязать им режим конгресса невозможно. «И если он, великий посол (Возницын. – *В.Д.*), в том будет упрямитесья», то останется в полной и бесплодной изоляции – подытожил Эттинген [2, с.203, 238]. Возницыну пришлось принять эти правила игры – «такую неволю», как выразился он в донесении Петру [2, с.238]. 23 октября 1698 года Эттингену был вручен проект русско-турецкого мирного договора, состоявший из 10 пунктов.

Первый пункт имел вид преамбулы, завершавшейся упованием на восстановление «покоя и тишины без опасения» и без всякого умаления чести «обоих Великих Государей наших – царя и султана».

Второй пункт. «Как Царскому Величеству Московскому, так и Салтанову Величеству Турскому... владеть тем, чем ныне кто владеет», – «городами, местами, землями, реками, морями, лесами и иными всякими угодьями... без всякого препятя (препятствия. – *В.Д.*) и подданным без обиды».

В **третьем пункте** напоминалось, что крымские, очаковские и белгородские татары, находящиеся в подданстве турецкого султана, многие годы совершали и продолжают совершать опустошительные набеги на российские земли. В отместку за «убытки и разорение» царь «указал войскам своим сухим путем и морем над ними воинский промысел чинить», что, в свою очередь, стоило казне многих затрат. Во искупление

⁴ В этом смысле ссора пана Малаховского с Возницыным и Рудзини была очень кстати. Ведь улаживание этого конфликта отвлекало дипломатическую публику, все больше походившую на досужую, от сути дела.

этих жертв и в обеспечение безопасности от «своевольных набегов», угрожающих дружественным отношениям между державами, Его Царское Величество желает получить во владение город Керчь.

Четвертый пункт предусматривал обоюдостороннюю гарантию военно-административного обеспечения мира и спокойствия на границе между территориями России и Османской империи (в состав которой входили земли крымских, очаковских, белгородских, темрюкских и кубанских татар). В случае возникновения смут и грабежей предлагалось совместное подавление их очагов и приведение к усмирению.

Пятый пункт. Возвращение пленных и рабов «на обе стороны» без всякого выкупа по принципу «всех на всех».

Шестой пункт. Установление и строгое соблюдение режима беспрепятственной морской и сухопутной торговли для турецких купцов на территории России и для русских купцов на территории Османской империи без досмотра товаров и без всякого отягчения, по издревле существовавшим пошлинам.

Седьмой пункт. «Гроб святой Спасителя нашего в Иерусалиме да пребудет не отменно во владении греческой веры патриарха».

Восьмой пункт. Церквям Божьим, монастырям, а также народам греческой веры, находящимся во владениях султана, «да будет всякая свобода и вольности без всякого отягчения и лишних податей, а новонакладные дани да отымуться от них, и впредь к тому принуждаемы не будут».

Девятый и десятый пункты касались процедуры подписания договора и обмена ратификационными грамотами, сопровождаемого торжественными присягами соблюдать взаимные обязательства «крепко и непорушимо» [2, с.204–208, 238–239].

Перед нами документ принципиального значения. При всей ясности формулировок он безусловно требует глубокого анализа, позволяющего прийти к совершенно разным выводам относительно внешнеполитических приоритетов царя в 1698–1699 годах и его последующих планов. Это был развернутый вариант тех требований, которые Петр огласил еще в Вене в беседах с канцлером Кинским. На первый взгляд, «десять пунктов» Возницына кажутся банальным перечислением того, что, по мнению государя, причитается России за добросовестное и дорогостоящее участие в коалиционной войне, за победы над общим неприятелем и за готовность честно соблюдать союзнические обязательства.

Однако суть требований порождает ряд вопросов.

Неужели Петр думал, что Порта считала свое поражение от русских на северной периферии Османской империи достаточно критическим, чтобы принять эти явно чрезмерные и беспрецедентные (для истории русско-турецких отношений) условия? Не составлялись ли эти «пункты» с заведомой целью гарантировать их непринятие? Или мы имеем дело с обычной переговорной тактикой максимального завышения требований с последующим согласованием позиций на компромиссной точке? И что в принципе устроило бы Петра в качестве компромисса?

Все эти вопросы соединяются в еще более тугий узел настойчивым стремлением царя заключить с турками лишь короткое перемирие, поскольку при тогдашних обстоятельствах добиться прочного мира на условиях, устраивающих Петра, не удалось бы никогда.

И, возможно, самая большая интрига «десяти пунктов» таилась в вопросе о том, насколько полно они отражали военно-стратегические и внешнеполитические замыслы царя. Решимся предположить: этот документ представлял собой не более чем краткий набросок «южной программы» государя, которая находилась лишь в стадии разработки. Не исключено, что Петр и сам еще не знал всех масштабов и трудностей движения на юг.

События последовавших за вручением «десяти пунктов» дней не содержат и намека на то, что документ, как предусматривалось, был передан турецкой стороне. Похоже, он просто испугал австрийцев и посредников как потенциальный повод для турок сорвать переговоры под предлогом, будто им предъявлен ультиматум.

За пределами стола австро-турецких переговоров время по-прежнему «стояло на месте». Точнее, лукавыми уловками цесарцев оно двигалось по замкнутому кругу бесконечных взаимных протокольных визитов дипломатов с церемониальными приветствиями, раскланиваниями, пожеланиями доброго здоровья, встречами и провожаниями у карет и прочей бессмыслицей, с точки зрения интересов дела.

Один из таких визитов нанесли Возницыну Пэджет и Кольер (24 октября). Чтобы заполнить его пустоту, Прокопий Богданович позволил себе немного позабавиться. Смысл сказанного звучал приблизительно так: «Если уж случилось, что вы выступаете посредниками без полномочий на то со стороны России – полноправной участницы Священной лиги, – то хотя бы приложите какие-то усилия к удовлетворению интересов страны, к которой проявлено столь странное неуважение. За труды ваши без щедрой государевой милости не останетесь».

Посредники запричитали, что они за тем лишь и посланы своими правителями, чтобы «настоящее дело к совершенству привести», к пользе и удовольствию всех союзных государств и их послов [2, с.208–209].

На что надеяться?

Бесконечно томиться бездельем становилось для союзных дипломатов невыносимым. Терпение было на исходе. Скапливавшееся на ограниченном пространстве Карловицкого

поля нервное напряжение выливалось в разного рода эксцессы среди многочисленной obsługi из состава делегаций. Пришлось даже сделать оповещение по лагерю: замеченные в нарушении порядка, особенно в ночное время, будут взяты под караул.

Иссякал и арсенал средств, которыми хитрые цесарцы стремились помочь дипломатам скоротать ожидание дня начала конгресса. Но всё же они придумали еще один способ вселить надежду, что конгресс начнется скоро. 25 октября от имени Пэджета и Кольера было распространено нечто вроде меморандума, где содержалось «предложение на ускорение союзных сношений». Посредники призывали каждую делегацию поторопиться с предоставлением им своих проектов мирных договоров с турками, чтобы в случае необходимости оставалось время подредактировать их перед вручением Рами Мехмед-паше [2, с.209–212].

Так было выиграно еще несколько дней.

Тем временем Возницын не оставлял попыток склонить Маврокордато к предварительным договоренностям, по примеру австрийцев. 26 октября Посников вновь едет к «великому драгоману» убеждать его в пользе русско-турецкого перемирия для Порты: союзники, потеряв Россию в качестве партнера, будут гораздо податливее. Но Маврокордато, по-прежнему усматривая в этой идее подвох, задает Посникову многозначительный вопрос: почему Москва настаивает на перемирии краткосрочном, а не на перспективу в 15–20 лет? Петр Васильевич в стремлении переломить вполне обоснованную подозрительность собеседника, выкручивается, как может. Он говорит, что перемирие – лишь «преддверие» к миру, дающее возможность обстоятельно обсудить его условия. Маврокордато не стал делать вид, будто он получил откровенный ответ на свой вопрос, но, видимо, не желая огорчать своего доброго

приятеля, пообещал посоветоваться с рейс-эфенди и официально представить османский проект перемирия с Россией [2, с.212–213, 237].

В этот же день у Возницына появилась причина предполагать, что австро-турецкие предварительные переговоры либо уже завершились, либо находятся накануне завершения. На это намекал визит к русскому послу секретаря цесарских уполномоченных Тилья. Он привез от посредников документ, представлявший собой декларацию общих принципов, на которых будет построена работа конгресса. Точнее, это был единственный и всеобъемлющий принцип *uti possidetis*. Прокопию Богдановичу предложили официально подтвердить свое согласие с этим принципом и передать подписанный документ Пэджету и Кольеру.

Возницын вернул бумагу Тилью со словами, что он приехал в Карловиц заключать договор не с посредниками и не с союзниками, а с турками. Что касается содержания сей бумаги, то оно⁵ ему известно давно и в повторении не нуждается [2, с.213]. Для такого демарша Возницын имел тем больше морального основания, что еще в Вене ему, после отъезда Петра, австрийцами было сказано без обиняков: «каждый за себя».

Похоже, декларации, привезенной и увезенной обратно Тилем, отводилась роль формальной увертюры к открытию конгресса.

И действительно, через день (29 октября) цесарский секретарь вновь приехал к Возницыну, теперь уже с документом, который фактически являлся прелиминарным австро-турецким соглашением, состоявшим из 21 пункта. В этом многостраничном тексте не было ничего похожего на желание оказать хотя бы символическую поддержку России, если не считать высказанной мимоходом платонической надежды на полюбовное разрешение спорных вопросов между Московским царем (упомянутым единственный раз) и Портой [2, с.214–233].

Тиль объявил, что австрийцы и посредники договорились с турками о процедурных подробностях проведения конгресса. Они были странными в достаточной степени, чтобы придать понятию «конгресс» значительную долю условности. Для каждой союзной делегации отводилось определенное время для того, что можно было бы назвать «конференцией», если бы между сторонами предусматривался диалог лицом к лицу. В данном же случае дипломаты лишались возможности видеть и

⁵ Имелось в виду пространное и набившее Прокопию Богдановичу оскомину изложение принципа *uti possidetis*.

слышать друг друга. Видеть и слышать всех могли только посредники. Именно им та или иная делегация передавала свои требования к Рами Мехмед-паше и таким же путем получала турецкий ответ. Считать это переговорами в точном смысле слова не приходилось [2, с.235].

В принципе тот факт, что цесарцы сообщали о порядке проведения конгресса в уведомительном тоне, не допускавшем возражений, был крайне унижительным для их «священных» союзников, с которыми никто и не подумал посоветоваться. Великие державы почти никогда не утруждаются подыскиванием оправданий своим действиям. Но, если бы Австрии всё же понадобились подобные оправдания, она сослалась бы на категорическое нежелание продолжать войну, какими бы ни были настроения у других участников Священной лиги.

В такой ситуации едва ли не решающее влияние приобретали Пэд-жет и Кольер, которые могли изменить акценты в дискуссии, смягчить или заострить отдельные моменты, оказать давление на одну или другую сторону. Ожидать «честного маклерства» от англичан и голландцев, кровно заинтересованных в мире любой ценой, было бы так же наивно, как и вообще употреблять это понятие без кавычек применительно к другим прецедентам истории дипломатии.

В ходе визита к Возницыну Тиль разъяснил некоторые протокольные «детали», уже, так сказать, прицельно задевавшие достоинство России и ее посла. Как обнаружилось, первыми конференцию с турками проводили цесарцы два дня кряду. Третий день отводился польскому послу. Четвертый – венецианскому. И лишь пятый – Возницыну.

Прокопий Богданович холодно любопытствовал, чем мотивирована такая очередность и такой странный порядок ведения переговоров фактически вслепую. Тиль ответил, что предпочтение отдается тому участнику Священной лиги, кто раньше другого вступил в союз с Австрией, а Россия сделала это последней. Что до общения через посредников, то на этом настаивала Порта.

Прокопий Богданович отверг эту логику, поскольку она задевала честь и достоинство русского царя, пославшего его в Карловиц говорить с турками напрямую, а не передоверять дела, касавшиеся только России и Турции, посредникам, назначенным вопреки воле Петра Алексеевича. «И с тем тот секретарь (Тиль. – *В.Д.*) отпущен», – сообщает статейный список [2, с.235–236, 242–244].

Возницына стали одолевать дурные предчувствия. Визит Тиля лишь подтвердил информацию, собранную послом накануне. Она незамедли-

тельно отправляется в Москву в тот же день (29 октября). Возницын сообщает, что на конгрессе созрел сговор, организованный цесарцами и посредниками. Его цель в том, чтобы подписать мир между Веной и Портой, а в остальном турок не «труднить». Под «остальным» имелись в виду интересы союзников [2, с.239]. Чтобы русские не помешали этому плану, для них создавались труднопреодолимые препятствия к прямому общению с османской делегацией. «С турками ни малого сношения, ни свидания, как самому, так и чрез обсылки, не дают, и ездить нашим туда и им (туркам. – *В.Д.*) всеконечно возбраняется». И далее: «Цесарцы сами ездят к посредникам, а посредники к ним, а чрез пересылки что час (каждый час. – *В.Д.*) сношение имеют, а о чем спросишь, – все неправду сказывают». Свою депешу Возницын завершил словами: «Изволишь, Государь, из сего выразуметь, какое нам от них приятство творится» [2, с.241, 243–244].

В докладе Возницына царю (от 29 октября) следует отметить две вещи: с одной стороны, все действия посла пока укладывались в высочайшие предписания, с другой, – перед лицом накапливавшихся проблем требовались новые указания. Прокопий Богданович не решается запросить их напрямую, чтобы не нарваться на государево недовольство по поводу неумения профессионального дипломата действовать, когда устарели инструкции, сообразно обстановке. Однако подробно описывая умножение «всякого зла» и «недоброхотства» в отношении России, Возницын, по сути, намекал на то, что ожидает от Петра либо полный карт-бланш, либо внесения корректив в изначальные указы. Свое донесение государю посол завершает сообщением о том, что он собирается объясниться с цесарцами начистоту, предъявив им собранную информацию об их несправедных поступках, ущемляющих интересы России и не делающих чести тем, кто именует себя ее союзниками.

1 ноября Возницын нанес визит Эттингену и Шлику, в ходе которого он обвинил их в заведомой лжи и резко высказался о дискриминационных правилах, введенных австрийцами. Мало того, что русского посла обязывают вести переговоры через англичан и голландцев. Цесарцы хотят еще и присутствовать на этих переговорах в качестве полноправных участников – попросту говоря, контролировать их ход. Между тем, вопреки логике и союзническим приличиям, Возницына даже и не думают приглашать на конференции между австрийцами и посредниками. А в довершение всего, поставили его в конец посольской очереди, вы-

строившейся около османской резиденции для обсуждения проблем каждого из союзников.

Прокопий Богданович заявил, что он будет настаивать на прямых русско-турецких переговорах без всяких секундентов, о чем уже доложено Его Царскому Величеству. Эттинген и Шлик ответили прежними аргументами [2, с.244–245, 249–250]. Возницын окончательно осознал, что полагаться ему придется только на себя. В одиночку преодолевать сопротивление турок при явном или тайном недоброжелательстве союзников, учитывая решимость османской делегации играть на противоречиях своих противников, было почти бесперспективным. Оставалось утешаться теоретической вероятностью провала конгресса по независящим от Возницына причинам. Тогда в Москве никто и не подумает упрекать Прокопия Богдановича за невыполнение наказа Петра. Впрочем, объективные основания для пессимистичного прогноза относительно исхода Карловицкого конгресса имелись вне зависимости от тайных надежд (если они были) Возницына.

В его докладе Петру (от 5 ноября 1698 г.) туманными выглядят как условия будущего русско-турецкого мира, так и сама перспектива его заключения. И в этой картине не было желания выдавать желаемое за действительное. Боясь царского гнева, посол в подробностях сообщает о каждом своем шаге, дабы убедить Петра, что прилагает все силы для преодоления «великой нам тесноты и неволи» на конгрессе. В указанном и последующих донесениях извинительный тон Возницына усиливается, еще больше сгущаясь демонстративно уничижительной подписью «Убогий твой Государев раб и последний сирота Пронька Возницын» [4, с.481].

Импровизация со связанными руками

К 3 ноября 1698 года австрийцы, посредники и турки, видимо, пришли к выводу, что тот объем подготовительной дипломатической работы, который был необходим для открытия конгресса, выполнен. В первую очередь подразумевалось достигнутое между цесарцами и турками предварительное, «черновое» соглашение об условиях мира. Доводить его до стадии законченного документа, ожидающего лишь подписаний и ратификации, предстояло на тех самых конференциях, которые, несмотря на их необычный процедурный формат, вошли в историю под названием «Карловицкий конгресс». Там

же должны были выяснить свои отношения с Портой другие члены Священной лиги, которые, не имея, в отличие от австрийцев, прелиминарных встреч с турками, оказались в режиме цейтнота.

Конференция между турецкой и цесарской делегациями длилась три дня (3–5 ноября) вместо двух, положенных по регламенту. На этом основании Возницын, вероятно, не оставлявший надежду на срыв переговоров, поспешил высказать предположение, что османы «легко с ними (Эттингеном и Шликом. – *В.Д.*) к миру не поступят» [2, с.248]. И это было не только его ощущение: впоследствии лорд Пэджет признавался, что не раз возникала ситуация, когда судьба конгресса совершенно не поддавалась предсказанию.

Атмосфера интриг и недоверия усилилась. Прокопий Богданович думал над тем, как воспользоваться ею для выполнения своих задач, даже ценой «помешания» миру. Он не мог заглянуть в мысли Петра настолько глубоко, чтобы понять, чего царь хочет больше всего на данный момент. И, возможно, это не было дано знать никому, включая самого государя. Если Петр готовился к большой войне с Портой, то идеальным вариантом для него представлялся бы провал конгресса. А если он стремился именно в Карловице достичь с турками мирного соглашения на основе «десяти пунктов», то, значит, царь был абсолютно наивным политиком.

В связи с этим еще раз напрашивается вопрос, не следует ли искать ключ к подлинным замыслам Петра в шитой белыми нитками, а потому крайне подозрительной для Стамбула формуле, на которой царь твердо настаивал, «перемирие на кратчайший срок»? Не слишком ли это откровенное объявление, чтобы поверить, будто Петр намерен использовать такое перемирие для подготовки «обоюдовыгодного», «прочного и безопасного мира», прекрасно осознавая принципиальную разницу в толковании этой категории русскими и турками?

Этими вопросами терзался и Возницын. Трудно, однако, вообразить, чтобы они связывали по рукам и ногам опытного дипломата в обстоятельствах, когда не нужно было никакой особой проницательности для усвоения простой вещи: максимальные уступки, которые теоретически можно получить от Порты, никогда не удовлетворят самодержца, заставившего всю Россию строить черноморский флот. Петра беспокоил не столько ход конгресса, сколько ход приготовлений к военной кампании 1699 года, где решающая роль отводилась эскадрам, уже повидавшим море, и тем кораблям, которые должны были вот-вот сойти с воронез-

ских стапелей. Пусть лучше уж Возницын приедет из Карловиц с пустыми руками, чем со связанными. Похоже, царь рассуждал именно так. От конгресса Петру нужны были такие результаты, которые не станут серьезным ограничением в его южной геополитической стратегии. Веруя не в дипломатические триумфы, а в грохот пушек, государь не додумал Прокопия Богдановича новыми инструкциями.

Уверенность в том, что Петр не будет гневаться на своего посла за неспособность добиться совершенно нереального, служила для Возницына психологической страховкой. Тем усерднее старался он продемонстрировать все свое профессиональное искусство и все свое чувство долга перед царем и Отечеством. Главное – не пожалеть усилий для того, к чему призван дипломат. А там будь, что будет.

Поэтому бездействовать посол не собирался. Зная об изначальном неприятии Петром идеи конгресса, он не имел ничего против провала этого предприятия. Правда, открытой демонстрации собственного обструкционизма Возницын избегал, дабы не дискредитировать Россию и не навлечь укоров со стороны своих коллег по профессии. В то же время он не хотел и того, чтобы в случае успеха конгресса его страна была обделена трофеями. Какие бы грандиозные планы ни вынашивал Петр, приобретение Керчи, сверх уже завоеванного русским оружием, лишь усилит потенциальные возможности осуществления этих планов.

На следующий день (4 ноября) после начала официальных австро-турецких переговоров Возницын организует очередной тайный визит Посникова к Маврокордато. Впрочем, есть подозрение, что ни Прокопий Богданович, ни принимающая сторона не слишком заботились о конспирации, ибо были, хотя и по-разному, заинтересованы в том, чтобы самим фактом этой встречи оказать давление на цесарцев.

Петра Васильевича приняли еще «любительнее» прежнего. К нему для личной беседы впервые вышел из своих покоев сам рейс-эфенди, мало кого удостаивавший такой чести [2, с.247–248]. Во многом это был результат работы Маврокордато, пробудившего в своем шефе, по крайней мере, любопытство к многоопытному русскому дипломату.

Интереса заслуживала и личность Рами Мехмед-паши, человека (по отзывам Рудзини), «украшенного благоразумием, сведениями и высшею преданностью турецкому духу и обычаям, проницательного, осторожно-го, с приятными манерами, когда не было вспышки надменности и жестокости, неотделимых от варварского темперамента» (Цит. по: [1, с.388]).

Но за обходительными манерами и любезными речами скрывался политик с твердой волей, совершенно не склонный принимать те аргументы, которые Посников приводил уже не в первый раз. Рейс-эфенди был полон решимости сначала завершить дела с самым грозным своим врагом, Австрией, чтобы получить козырь в борьбе против претензий других членов Священной лиги. До этого он не хотел и слышать об официальных переговорах с русскими, тем более без посредников. Идею перемирия Рами Мехмед-паша принимал лишь в той мере, в какой в ней будет обеспечена «надежность к вечному миру», что фактически стирало грань между перемирием и миром. Также он не скрывал своего требования об уничтожении (демилитаризации) занятых русскими османских крепостей в устье Днепра. И, наконец, прозвучал намек на желание турок уточнить еще «некоторые окружности» (частности). Возницыну, через Посникова, было предложено «о том о всем помыслить накрепко» и не замедлить с ответом. Переубеждать рейс-эфенди было бесполезно [2, с.247–248].

Рациональное великодушие

Прокопий Богданович не пренебрегал ни малейшей возможностью найти среди участников конгресса невольного союзника России против османского упорства и австро-англо-голландского сговора. 3 ноября он отправляется к Малаховскому обсуждать с ним вопрос о совместных действиях [2, с.245]. Объективные предпосылки для них существовали. Польский посол, в силу особенностей своей натуры, не мог полностью избавиться от горького осадка, оставшегося после ссоры с Возницыным. Но при всем этом в отношениях с русским дипломатом проблема доверия, сугубо по-человечески, не стояла так остро, как с австрийцами, умевшими придавать банальной лжи витиеватое изящество и «европейский» лоск, успешно заменявшие способность испытывать нечто похожее на зазрение совести.

Как ни трудно было Возницыну и Малаховскому преодолеть себя психологически, они это сделали. Помогло понимание того, что есть вещи важнее церемониальной стороны дипломатии. Вопрос, кому идти на конференцию с турками первому, отошел на задний план, когда обнажилась взаимная заинтересованность в преодолении общих трудностей. Не только для России, но и для Речи Посполитой камнем преткновения стал пресловутый принцип *uti possidetis*. Русским он мешал полу-

чить Керчь, а полякам – Каменец-Подольский и другие территории, занятые турками.

Эттингена и Шлика насторожило это сближение, чреватое угрозой нарушить их планы. Австрийцев не устраивала ни согласованность действий между Возницыным и Малаховским, ни возобновление конфликта между ними. Цесарцев интересовало одно: чтобы русско-турецкие и польско-турецкие переговоры прошли по сценарию Вены, то есть на основе двойных стандартов. В общем, они не отрицали, что принцип *uti possidetis* не является равнопримимым ко всем. В случае с Каменец-Подольским его можно нарушить в пользу Польши, если, конечно, османы не упрутся. Тут цесарцы готовы были оказать Малаховскому содействие в той степени, в какой оно не повредит их собственным интересам. Совсем другое дело – Керчь. Помогать русским в приобретении крепости совершенно не входило в их планы, поскольку это грозило внести совершенно непредсказуемые элементы в ход конгресса, и без того достаточно запутанный.

Малаховский не испытывал полного доверия к обещаниям Вены и поэтому старался не порывать связь с Возницыным, к немалому неудовольствию Эттингена и Шлика.

Однако австрийцев более всего тревожили «тайные пересылки» между Возницыным и Маврокордато, особенно теперь, когда начались трудные австро-турецкие конференции. «С турками ни малого сношения, ни свидания... не дают, и ездить нашим туда (к туркам. – *В.Д.*) и им (туркам к нам. – *В.Д.*) всеконечно возбраняется», – рапортовал посол в Москву. Тема «великой тесноты и неволи», которая творится ему на конгрессе, повторяется в донесениях Прокопия Богдановича постоянно [2, с.241, 247].

Внешне отношения между русской и османской делегациями выглядели приятельскими, даже дружелюбными. С точки зрения межличностного общения (Посников – Маврокордато), они таковыми и были. Когда в начале ноября наступили холода с дождями и метелями, «великий драгоман» почти по-свойски попросил у Возницына теплую одежду. Прокопий Богданович немедленно исполнил просьбу с, так сказать, творческим энтузиазмом, положив в посылочный короб еще и изысканной еды. Некоторые историки истолковывают это как вымогательство с одной стороны, и как взятку – с другой. Между тем Возницын не путал добрую услугу с мздой. Ведь не случайно он отказался от идеи подарить Маврокордато соболиную шубу, стоимость которой намного превышала

ее практическую функцию – согреть человеческое тело. Кроме того, русский посол не хотел попасть в неловкое положение, давая греку обоснованный повод считать этот жест попыткой подкупа. Возвращение шубы, будь она послана вместо менее дорогого кафтана, Прокопий Богданович воспринял бы как оскорбление.

Маврокордато, также желая избежать двусмысленности и морального статуса должника, в ответ оказал Возницину овеществленные знаки внимания, вполне равноценные полученным подаркам. Через Посникова «великий драгоман» просил русского посла сообщать «непрестанно» о том, что ему у них (турок) может понадобиться из необходимых бытовых или иных вещей [2, с.249].

Нервотрепка на морозе

Природа как будто нарочно наказывала участников конгресса за затянувшуюся прелюдию к нему. Теплое время года было упущено. Конференции проходили в ужасных условиях.

Вот как это описывал Возницин: «Здесь стоит стужа великая, и дожди и грязь большая, в прошедших днях были ветры и бури великие, которыми не единократно наметы (крытые навесы. – *В.Д.*) наши и палатки посорвало и деревья переломало и многие передрало; а потом пришел снег и стужа, а дров взять негде и обогреться нечем» [2, с.250, 291].

Впрочем, страдать пришлось не всем. Австрийцы спешно привезли на Карловицкое поле готовые деревянные покои и устроились в них вполне удобно [2, с.250]. На такие же меры в отношении других участников конгресса цесарского гостеприимства не хватило.

Сугубо по-человечески уже одно это выглядело безобразно. Но на грань терпения Возницина ставило другое. Эттинген и Шлик в комфортабельных условиях продолжали закрытые переговоры с турками, вынуждая Прокопия Богдановича буквально дрожать на морозе, дожидаясь, когда же, наконец, австрийцы соизволят освободить ему дорогу на конференцию с рейс-эфенди. 6 ноября он почти в ультимативном тоне заявил цесарцам, что дальше не потерпит от них «несклонности и неприятства», дошедших до такой степени, когда это уже непосредственно задевает честь Его Царского Величества. Если бы не придуманная Венной и посредниками совершенно непозволительная процедура конгресса, он, Прокопий Богданович, давно бы решил свои дела с турками и не прозябал бы в этом медвежьем углу в атмосфере козней и унижения.

Перед австрийцами русский посол поставил вопрос категорично: когда будет назначена точная дата его встречи с Рами Мехмед-пашой и Маврокордато? [2, с.251].

Эттинген и Шлик твердили как по заученному: «Все церемонии ведут посредственные послы (посредники. – *В.Д.*), а не они, цесарцы, а они де с своей стороны всякого добра Царского Величества стороне, также и посредники, в делах желают, и намерение положили, что без удовольствования всех союзных государей в запросах их, совершенно к миру един без другого не совершат; а когда де ему Царского Величества послу видется с турками, о том они у посредников на мере постановят» [2, с.251–252].

Если австрийцы еще не поняли, что с ролью стороннего и терпеливого наблюдателя Возницын больше мириться не будет, то на следующий день им пришлось в этом убедиться. От Прокопия Богдановича явился переводчик Петр Вульф с требованием уведомить русского посла, на какой стадии находятся австро-турецкие переговоры и какие именно соглашения достигнуты.

Ответ: часть вопросов уже решена, другая еще нет; некоторые проблемы требуют присутствия венецианцев, что вызывает задержку в работе конгресса. Когда дойдет очередь до московского посла, пока не постановлено.

По правде говоря, цесарцы сами рады были бы знать точный ответ на вопрос Возницына. Но поведение османской делегации не давало такой возможности. Крайне своеобразной манерой ведения переговоров турки могли измотать кого угодно. Противопоставить ей порой было нечего. Логика, которую европейцы считали безукоризненно рациональной, разбивалась вдребезги о твердыни восточного мировосприятия, подчас вообще не совместимого с категориями тогдашнего международного права. В ряде случаев упрямство османских дипломатов, казалось бы, совершенно необъяснимое, мотивировалось элементарным желанием сохранить себе жизнь, ибо известно, *как* султан расправлялся с теми переговорщиками, которые подписывали негодные ему условия мира.

Возницын знал о нравах в высшем руководстве Порты, но оправдывать этим цесарцев не желал, поскольку главное для него сейчас заключалось не в особенностях султанской внутриворцовой коловерти, а в том, что Эттинген и Шлик решительно мешали русскому послу открыть собственный переговорный канал, опираясь на богатый опыт общения с

османской дипломатией. Если уж в основу Карловицкого конгресса положен принцип сепаратных конференций, то его, по мнению Возницына, следовало проводить последовательно и справедливо. Полная узурпация австрийцами права решать, кому, когда и как говорить с турками, фактически являлась оскорблением в адрес союзников, в частности России.

В настроениях Возницына, как можно судить по его донесениям в Москву, усилился волевой дух. Стремление добиться больше того, что было реально в тех обстоятельствах, отражало не страх перед Петром, который сам, видя, куда ведут дело союзники, не стал бы строго взыскивать со своего посла. Тут уже примешивался игровой, профессиональный азарт, соединенный с решимостью Прокопия Богдановича сделать все от него зависевшее, чтобы выполнить служебный долг до конца. Далеко не молодой Возницын бросал вызов самому себе, отдаваясь во власть страстей, свойственных более юному возрасту. От дождей и ураганов, сменившихся стужей и метелями, он, подобно Малаховскому, мог спокойно укрыться в благоустроенном Петервардейне (в двух часах езды от Карловицкого поля). Однако Прокопий Богданович стойчески выдерживал опасное для его здоровья ненастье, чтобы не отлучаться от эпицентра событий и не упустить удобного момента для вмешательства в них. Строки из его донесения в Москву хорошо передают состояние духа человека, с которым союзникам еще придется повозиться: «Только я до совершения дела, при помощи Божией, никуда со своего стану не пойду и дела своего смотреть буду» [2, с.250].

Излишне говорить, что цесарцы и посредники обрадовались бы несканно, если бы Возницын последовал примеру Малаховского и исчез бы с места действия, пока они не придут с Портой к соглашению. Не тут ли скрыты причины вопиющего негостеприимства организаторов конгресса, не потрудившихся создать нормальные бытовые условия для «неудобных» русских дипломатов с целью заставить их уехать на время в Петервардейн?

Настрой русского посла, конечно, беспокоил австрийцев. Ведь когда нервы на пределе, он мог решиться на самое страшное для союзников – открытый саботаж конгресса, чреватый непредсказуемыми результатами, учитывая склонность турок к неприятным сюрпризам. Как знать, не стал бы такой саботаж удобным для османской делегации предлогом для отказа от мирных переговоров?

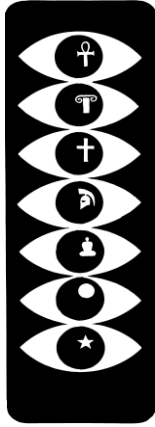
По тем же причинам «фактор Возницына» озадачивал Пэджета и Кольера. Препятствия «подождите» отделаться от русских визитов уже было невозможно. В тот же день (6 ноября), когда Возницын встречался с австрийцами, Посников по его поручению отправился к посредникам настаивать на объявлении точной даты русско-турецкой конференции. Те обещали не мешкать с ответом.

Наконец 8 ноября англичанин и голландец прислали к Возницыну эмиссара сообщить, что завтра назначен съезд для русской и османской делегаций [2, с.253].

Библиографический список

1. Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. М.: Госполитиздат, 1946. Т.3. – 503 с.
2. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб.: Тип. II отд-ния С.Е.В. канц., 1868. Т.9. Памятники дипломатических сношений с Римскою империею (с 1698 по 1699 год). – 1230 стб.
3. Соловьев С.М. Сочинения. М.: Мысль, 1991. Кн. VII. История России с древнейших времен. Т.13–14. – 701 с.
4. Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб.: Тип. II отд-ния С.Е.В. канц., 1858. Т.3. Путешествие и разрыв с Швецией. – 532 с.
5. Шмурло Е. Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. Юрьев: Тип. К.Маттисена, 1903. Т.1: 1693–1700. – 728 с.

(Продолжение следует)

Жорес Медведев

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ¹

УДК
929.82-94

Лишение КПСС монополии на власть стимулировало процесс распада СССР по национально-этническим границам. Однако проведенный референдум в марте 1991 года подтвердил желание большинства населения сохранения Советского Союза.

В июле 1991 года Горбачев срочной поездкой в Лондон предпринял неудачную попытку добиться массивной финансовой поддержки Запада в реформировании экономики СССР. Отсутствие финансовых ресурсов для экономических реформ привели Горбачева и Ельцина к необходимости радикальных политических преобразований путем предоставления каждой республике политической, экономической и финансовой независимости. Разработанный для этого проект преобразования СССР в Союз Суверенных Республик отменял Конституцию СССР.

Этот проект вызвал протест руководителей правительства СССР и некоторых республик. Возникший конфликт, при находившемся на отдыхе в Крыму президенте, привел к временному введению в Москве Чрезвычайного положения с целью сохранения конституционного строя. Итогом конфронтации ГКЧП и Ельцина стал фактический переход власти в стране от Горбачева к Ельцину.

The lifting the Soviet Communist Party of the monopoly of power started the nationalistic disintegration movements in some of the union republics. Because the economic and financial crisis did reduce the influence of the central government President Gorbachev did try to receive a massive financial aid from developed western powers (G-7) to subsidize market oriented reforms. After the failure of this plan, the conspiratorial attempt was made to replace the USSR with the loose voluntary union of the sovereign states by the signing the new treaty which would replace the current Constitution. Ukraine, Belarus and few other republics did not plan to sign a new treaty. The objection to this plan by the government of the USSR, the speaker of the Supreme Soviet and the Chairman of the State bank led to their confrontation with Gorbachev and Yeltsyn.

Ключевые слова: *Ирак, Саддам Хусейн, Референдум 1991 года, Михаил Горбачев, Борис Ельцин, Конституция СССР, ГКЧП.*

Key words: *Iraq, Saddam Hussein, Referendum 1991, Mikhail Gorbachev, Boris Yeltsyn.*

E-mail: *zhmedvedev@yahoo.co.uk*

¹ *Продолжается публикация отдельных глав из воспоминаний Ж.А.Медведева «Опасная профессия». В России печатается впервые. Начало см.: Россия XXI. 2015. № №3–6.*

«Буря в пустыне»

Я уже писал ранее об оккупации Кувейта 2 августа 1990 г. иракской армией и о создании США обширной коалиции 30 стран для освобождения эмирата. По численности наземных частей, составивших около 700 000 человек, в основном американских, коалиция превосходила иракскую армию, которая в этом районе не превышала половины миллиона. Однако после окончания недавней иракско-иранской войны армия Ирака была достаточно боеспособна и имела в резерве не менее миллиона человек. Она была хорошо вооружена, в основном, советским оружием. Несколько преданных Саддаму Хусейну элитных дивизий Республиканской гвардии, сформированных в основном суннитами, он имел в резерве. С начала конфликта в августе на границе с Саудовской Аравией иракская армия создала глубоко эшелонированную оборону. Однако армия коалиции имела подавляющее превосходство в воздухе, крылатых ракетах, танках и артиллерии. В Персидском заливе вдоль берега оккупированного Кувейта было сосредоточено около 300 разных военных судов и 8 авианосцев. С окончания Второй Мировой войны ожидалось теперь наиболее крупное военное сражение, которое могло иметь серьезные последствия для всего мира, и особенно для Советского Союза, главного поставщика танков, самолетов, вертолетов и стрелкового оружия для иракской армии. На вооружении Ирака было также некоторое число советских баллистических ракет ближнего радиуса «Скуд», но способных достигать территорий Саудовской Аравии и Израиля. «Буря в пустыне» начиналась с большим числом военной техники, чем Вторая Мировая война на всех ее фронтах.

Ирак, как известно, не был исторической нацией. Эта богатая нефтью территория по решению Лиги наций была передана в 1920 г. под мандат Великобритании и выделена из состава распавшейся после окончания Первой Мировой войны Османской империи. Британское правительство создало здесь королевство и опиралось, в основном, на более светское суннитское меньшинство. Сунниты доминировали среди офицерского корпуса армии и полиции и в правительственных учреждениях Багдада. Уже после Второй Мировой войны Иракская революция, свергнувшая короля, привела к власти в Ираке баатистскую партию (Ba'ath Party). Это арабская социалистическая партия, созданная ранее и в Сирии. В Египте ее лидером был Гамаль Насер. Саддам Хусейн, придя к власти в 1979 г., осуществил национализацию иностранных нефтяных компаний, обеспечив этим актом рост бюджета страны, собственную

популярность и заметный подъем благосостояния населения. Газ для домов и бензин для автомобилей граждане Ирака получали бесплатно.

Южная часть Ирака со столицей Басра была населена арабами-шиитами, имевшими более строгие религиозные традиции и лояльными шиитскому Ирану². На севере Ирака жили в основном курды – коренной и очень сплоченный народ этого региона, родственные по языку персам и разбросанные по территориям Турции, Сирии и Ирана, которые отказывались предоставлять курдам право на автономию³. Небольшие курдские поселения имелись в Азербайджане, в Армении и в Грузии. Своей столицей в Ираке курды считали богатый нефтью Киркук, откуда Саддам Хуссейн их постепенно и насильственно вытеснял. Всего в Ираке жило около 5 миллионов курдов, почти 20% от общего населения

Горят скважины

События в этом регионе приковывали в январе 1991 г. внимание всего мира. Я следил за ними по всем источникам информации. Военные действия начались 17 января с массовых бомбардировок американской и союзной авиацией всех стратегических объектов и инфраструктуры Ирака. Иракская армия ответила запуском ракет «Скуд» для пораже-

ния целей в Саудовской Аравии и в Израиле. Интенсивные бомбежки продолжались до 23 февраля, когда армия США и их союзников, разрушив все укрепления противника и большинство танков и авиации, перешла в наступление, быстро преодолев иракскую оборону и освободив территорию Кувейта. После этого они продвинулись на территорию Ирака в направлении Басры. Отступающие иракские части сливали в Персидский залив миллионы баррелей нефти из всех нефтехранилищ и поджигали нефтяные скважины, создав за два–три дня крупнейшую в истории экологическую катастрофу. Весь Персидский залив был покрыт слоем нефти. Дым от горящих скважин нефти достигал Индии и пре-

² Разделение мусульман на суннитов и шиитов возникло после смерти пророка Муххамеда из-за споров о его духовном наследнике.

³ Турки и арабы пришли в когда-то обширный Курдистан как завоеватели.

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

рвал воздушное сообщение на большом пространстве. Но этот дым затруднял и действия американской военной авиации. На нефтяных полях Кувейта горело более 600 скважин.

Однако военное наступление союзных войск, несмотря на все успехи, внезапно остановилось. Оно продолжалось ровно 100 часов и закончилось срочным перемирием. Объяснение конца войны было неубедительным. 27 февраля Президент США Джордж Буш объявил, что война закончена, так как ее главная цель была не в свержении Саддама Хусейна, а лишь в освобождении Кувейта. Как выяснилось постепенно в последующую неделю, несмотря на поражение иракской армии в Кувейте, «Буря в пустыне» лишь укрепила положение Саддама Хусейна внутри Ирака, позволив ему уже в марте жестоко расправиться с шиитами на юге, поднявшими восстание в поддержку союзных армий, и с восставшими курдами на севере, захватившими Киркук. Против них были брошены хорошо вооруженные части иракской Республиканской гвардии. Против курдов было применено и химическое оружие. Около миллиона иракских шиитов бежали в Иран, около двух миллионов курдов оказались беженцами, в основном в Турции. Саддам Хусейн, потеряв Кувейт, лишь укрепил свою диктатуру в Ираке, беспощадно сокрушив всю внутреннюю оппозицию.

Результаты «Бури в пустыне» были неожиданными для США и для Саудовской Аравии, внезапно остановивших наступление и заключивших срочное перемирие. Им, как оказалось, не была нужна реальная победа с капитуляцией противника. Вместо Ирака, который они столь быстро сокрушили блицкригом, могли возникнуть три самостоятельные страны, шиитский исламский юг, лояльный Ирану и богатый нефтью, суннитский светский центр с древним Багдадом, но не имевший нефтяных ресурсов и промышленности, и независимый Курдистан, также богатый нефтью и способный объединить курдов в сильное новое государство социалистического типа. Свержение Саддама Хусейна было бы и концом Ирака, на который за все преступления его диктаторского режима предполагалось наложение колоссальной контрибуции в 100–150 млрд долларов и компенсация за все убытки и расходы, связанные с войной. Новые, возникавшие на месте Ирака, страны не могли бы нести ответственности за преступления Саддама Хусейна и его режим. Конец его диктатуры не был, как оказалось, в интересах США и его союзников, рассчитывавших покрыть расходы войны продажами иракской нефти. Они оказались не подготовлены к столь быстрой победе и к «потере» врага. Они поэтому не пытались контактировать с поддержавшими их с востока арабами-шиитами и с курдами севера, оказавшимися, в

конечном итоге, главными жертвами этой войны. Саддам Хуссейн, обложенный данью, остался править Ираком еще на много лет.

Референдум о судьбе Советского Союза

Еще в декабре 1990 г. на Четвертом съезде народных депутатов было решено провести в начале 1991 г. всенародный референдум по вопросу о судьбе Советского Союза как федерации равноправных республик [8; 7]. Возможность референдумов («всенародное голосование») была предусмотрена Конституцией СССР 1977 г. (ст. 112), однако, решение каких проблем и законов должно было бы определяться этим путем, в тексте Конституции не уточнялось. Реальных референдумов в СССР никогда не проводилось, и намеченный на март 1991 г. был поэтому первым.

В январе 1991 г. Верховный Совет СССР принял необходимые постановления о порядке проведения всесоюзного референдума. Постановление о референдуме включало два основных пункта: «1. Провести на всей территории СССР в воскресенье, 17 марта, референдум СССР по вопросу о сохранении Союза ССР как федерации равноправных республик. 2. Включить в бюллетень для тайного голосования следующую формулировку вопроса... и варианты ответов голосующих: "Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновлённой федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?" "Да" или "Нет"» [10].

Однако тотчас после принятия этого закона возникли проблемы. Республики Прибалтики: Эстония, Латвия и Литва – сразу отказались участвовать в референдуме, хотя по Конституции СССР такие решения Верховного Совета СССР распространялись на все республики. Вскоре отказались участвовать в референдуме Грузия, Армения и Молдавия. Все эти республики уже объявили собственную независимость, и их Верховные Советы приняли решения о суверенитете. Эти решения шести республик о выходе из состава СССР также основывались на Конституции СССР, статья 71 которой гласила: «За каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР».

Каким образом это право могло бы быть реализовано, в Конституции не объяснялось. Но по всей логике Конституции Верховные Советы республик обладали полномочиями для принятия таких решений. Конституция СССР была очень неопределенным документом, так как все вертикали власти для управления страной существовали в структуре КПСС, а не в

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

выборных «Советах». Теперь, когда Политбюро ЦК КПСС⁴ утратило монополию власти, перешедшей к Верховным Советам, выход шести республик из состава Союза становился фактом. Однако референдум всё же было решено проводить, чтобы предотвратить дальнейшую дезинтеграцию СССР. Главной основой Союза становились теперь РСФСР, Украина, Белоруссия, Казахстан и четыре республики Средней Азии. Все народные депутаты СССР разъехались по этим республикам в качестве «наблюдателей». В письме от 12 марта Рой сообщал:

«...В марте будет много важных событий. Я вместе с группой членов Верховного Совета еду завтра в Азербайджан, в Баку. Мы имеем статус наблюдателей за проведением референдума. Мой прогноз – на референдум явится около 60% избирателей по всей стране и примерно 60% из явившихся проголосуют "за". Но и это будет успехом для Горбачева... Политическая борьба обостряется, и мне приходится чаще выступать... Идет образование многопартийной системы, и будет образовываться крупная "демократическая партия" на основе движения "Демократическая Россия", некоторых других движений и мелких партий... Фактически это будет, конечно, резко антикоммунистическая партия и антисоветская – по принципу полярности. Главой ее может быть сейчас только Ельцин... Идет, однако, выделение из РСФСР некоторых автономий, уже фактически почти вышли Татария, Башкирия, Карелия и Чечено-Ингушетия. Вся эта борьба отвлекает людей от производства и от сельского хозяйства. Не везде проведен озимый сев, да и к весеннему севу многие хозяйства не готовы...»

Прогноз Роя оказался слишком пессимистичным. В референдуме приняли участие 80% внесенных в списки и 76% из них высказались за сохранение Союза СССР. Непосредственно в Российской Федерации участвовали в референдуме 75,4% населения и 71,3% их них ответили «да». Соответствующие цифры на Украине были: 83,5% участия и 70,2% голосов «да». Максимальная поддержка сохранения СССР наблюдалась в Казахстане и Средней Азии. В Туркмении 97,9% голосовавших ответили на вопрос «да» [9; 12].

Референдум обладал обязательной силой, и поэтому он предоставлял союзным властям необходимые полномочия по ликвидации сепаратизма местных органов власти, например в Татарии или в Чечне. Однако никаких, даже символических, решений после референдума президент Горбачев не принял. Референдум не был воспринят как «вотум доверия» правительству СССР. На одновременном параллельном голосовании в

⁴ *Статья 6 Конституции СССР (1977) о КПСС как «руководящей и направляющей силе советского общества» была отменена 14 марта 1990 года [11].*

РСФСР президентом республики был избран Борис Ельцин, и по его предложению Верховный Совет РСФСР принял противоречившее Конституции СССР решение о «верховенстве» законов РСФСР над законами, принимаемыми Верховным Советом СССР⁵.

В стране возникала явная законодательная анархия. Отсутствие в структурах власти Конституционного суда СССР с полномочиями на отмену тех или иных решений было крупным просчетом основателей СССР. Верховный Суд СССР не занимался конституционными проблемами. Существовала возможность и целесообразность создания Конституционного суда именно в марте 1991 г. перед референдумом, чтобы сделать из результатов референдума определенные выводы. Однако ни Горбачев, ни Ельцин не были заинтересованы в создании нового органа власти, способного укрепить приоритет Конституции.

Вернувшись из Баку в Москву, Рой писал: «Экономическое положение в Азербайджане сейчас стабильнее, чем в Москве, где идет забастовка шахтеров, выполнить требования которых сейчас просто невозможно, для этого нет средств и резервов. Но нехватка угля может привести к частичному разрушению металлургического комплекса, рассчитанного на непрерывный производственный процесс...»

Второй визит в Киев и в Чернобыль

Еще в феврале я получил приглашение от новой украинской организации «Зелений світ» («Зеленый мир») принять участие в международной конференции в Киеве, организуемой в связи с Пятой годовщиной Чернобыльской катастрофы⁶.

Почти за 20 лет Киев сильно изменился и производил впечатление богатого и хорошо благоустроенного города. Значительно расширился метрополитен, и выросла левобережная часть города. За 20 лет в Киеве было возведено множество новых памятников, нередко явно излишних.

⁵ *Статья 73 Конституции СССР гласила: «Законы Союза ССР имеют одинаковую силу на территории всех союзных республик. В случае расхождения закона союзной республики с общесоюзным законом действует закон СССР».*

⁶ *В 1990 году мы с Ритой во время поездки в Чернобыль жили в небольшой гостинице в вахтовом поселке «Зеленый Мыс» на берегу пруда-охладителя ЧАЭС. В Киеве мы провели тогда лишь один день и город не осматривали. В предыдущий раз я был в украинской столице в июле 1972 года при неудачной попытке участия в Международном конгрессе геронтологии. Сейчас у нас для осмотра города было больше времени.*

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

Огромная, вместе с постаментом в 102 метра высотой статуя женщины с мечом в правой руке и со щитом в левой – «Родина-мать» – доминировала над городом, символизируя победу в войне.

Мемориал в Киеве

На щите был выгравирован герб СССР. Из левобережного Киева меч был виден на фоне всех знаменитых Киевских соборов и церквей, золоченые купола которых контрастировали с блестящим стальным корпусом скульптуры. Киевская «Родина-мать» была выше Нью-Йоркской «Статуи свободы». Внутри киевской скульптуры были лифты, доставлявшие экскурсантов на смотровые площадки, самая верхняя из них – на высоте 92 м. Вокруг огромного монумента был создан особый парк-музей военной техники времен Великой Отечественной войны. Здесь стояли танки, артиллерия разных калибров, военные самолеты, «Катюши» и разная трофейная техника. Через громкоговорители непрерывно гремела музыка – мелодии и песни военных лет⁷. Экскурсовод нам объ-

⁷ *Идея комплекса принадлежала, как рассказывали, Леониду Брежневу, который и открывал его в 1981 году. Брежнев, родившийся, выросший, получивший образование и выдвинувшийся в секретари обкома в Днепропетровске (бывший Екатеринослав), считал*

яснила, что стальной монумент очень тяжелый и, чтобы он стоял на этом спускавшемся к Днепру склоне, особые морозильники все время замораживают под ним землю в твердый монолит. Меч в руках скульптурной женщины был укорочен наполовину, чтобы не возвышаться над золотым крестом колокольни знаменитой Киево-Печерской Лавры.

«...Меч не должен быть выше креста», – сказал архиепископ Киева, и его критику учли. Внутри огромного постамента статуи построили особый зал славы, где золотыми буквами были выбиты имена всех Героев Советского Союза, по порядку, определяемому числом полученных ими медалей Золотая звезда и других орденов и медалей. На площади Дзержинского появился огромный монумент «Чекисты» – большие гранитные головы, символизирующие суровость и беспощадность.

К настоящему времени многое в этом комплексе изменилось. Скульптуру покрасили в цвета украинского флага – верх голубой, низ желтый. На щите лазерной подсветкой изображен герб Украины. Помеялась и экспозиция музея. Памятник с головами чекистов ликвидирован.

26 апреля в 5-ю годовщину Чернобыльской катастрофы во Дворце культуры Киевского политехнического института началось особое слушание «Чернобыльська катастрофа і права людини». Все приглашения и программы печатались только на украинском и английском языках. Пригласительные билеты на «Слухання» были украшены картинкой черепа на фоне женского лица.

Огромный зал на две с половиной тысячи человек был облицован мрамором, здание Дворца культуры – гранитом. Такой роскоши я не встречал ни в одном из знаменитых американских университетов. Вечером того же дня состоялось еще одно «чернобыльское» мероприятие – благотворительный концерт во дворце «Украина»; здесь был еще более роскошный зал на четыре с половиной тысячи человек. Среди новых зданий, появившихся в Киеве с 1972 года, я сразу заметил и монументальный, облицованный белым мрамором музей В.И.Ленина. Из истории я не помнил, что Ленин когда-либо бывал или жил в Киеве.

В отличной гостинице «Братислава», куда нас поместили гостеприимные хозяева, большой зал на первом этаже был отведен под игровые автоматы импортного производства, немецкие или французские. Они стояли в несколько рядов, около 50. Такого совмещения гостиницы с

себя почти украинцем. В Политбюро при Брежневe около половины членов (Андрей Кириленко, Николай Подгорный, Петр Шелест, Константин Черненко и Владимир Щербицкий) были украинцами.

казино я раньше нигде не встречал. В США это было разрешено лишь в Лас-Вегасе. В Великобритании казино запрещены законом, но существуют в Лондоне в некоторых платных частных клубах. Зал-казино в «Братиславе» был заполнен киевской молодежью и в будние дни. Они разменивали купюры в 50 или 100 рублей на миску монет и быстро спускали их в ненасытные глотки автоматов, проворачивая «на счастье» ручкой. Проиграв, шли утолять жажду пивом. Ближе к концу дня для очистки игорного заведения прибывал большой отряд ОМОНа, все «омоновцы» высокие, в черной форме и с резиновыми дубинками. Это был недавно созданный «спецназ» милиции. Без них развлечение длилось бы, наверное, всю ночь.

К полуночи по Крещатику было организовано факельное шествие и шествие шахтеров, гремевших новенькими касками. Однако все «шахтеры» были молодыми, со свежими лицами и с розовыми щеками. Это был явный маскарад.

Научная конференция, на которую я был приглашен, началась на следующий день в украинском Институте ядерных проблем, расположенном на проспекте Науки. Это был очень длинный проспект, и по обеим его сторонам находились научные институты, которых в Киеве оказалось великое множество. Доклады произносились лишь на украинском языке. Разговорный «киевский» украинский был мне понятен. Но научную версию украинского языка я понимал плохо, так как в нем украинизировались и многие международные термины⁸. В декабре 1990 г. в Киеве начал выходить и новый геронтологический научный журнал *Проблемы старения и долголетия*, публиковавший статьи на русском и украинском языках. В Украинской Академии наук числилось 90 тысяч сотрудников. К этому добавлялись институты Академии медицинских наук, Академии сельскохозяйственных наук и нескольких других систем. Киевские институты геронтологии и эндокринологии считались крупнейшими в Европе. По числу научных центров Киев превосходил все европейские столицы и приближался к Москве, где напрямую с наукой были связаны около миллиона человек. В 1991 году из-за дефицита иностранной валюты почти весь научный бюджет тратился, в основном, лишь на зарплаты сотрудников.

⁸ Для этой поездки в Киев я привез доклад «Чернобыльские радионуклиды за пределами СССР», который был опубликован в журнале «Радиобиология» в Москве [4] и в сокращенном виде, как очерк, – в газете «Зеленый мир» и в украинском журнале по экологии «Ойкумена».

Чернобыльские исследования, однако, получали финансирование и из-за рубежа. Одним из самых важных актов Пятой годовщины катастрофы было подписание соглашения между Украинской и Белорусской академиями наук с одной стороны – и Международным агентством в Вене (МАГАТЭ) с другой – о создании «Чернобыльского Центра международных исследований» (СНЕСИР).

Финансовый кризис

Валютный кризис в СССР по внешним долгам произошел в феврале или в марте 1991 г., но пока никем из кредиторов не объявлялся. Рубль не был конвертируемой валютой, и поэтому население всех советских республик, осуществлявшее расчеты и покупки в рублях, пока ничего, кроме несколько повышающихся цен, не заметило. Да и никто, даже в правительстве, не признавал еще масштабов произошедшего валютного кризиса. Частично это было связано с окончанием войны в Ираке. В августе 1990, после оккупации Кувейта иракской армией, возник новый «нефтяной шок»: цены на нефть увеличились вдвое, достигнув \$40 за баррель. Но к апрелю 1991 г. они снова упали до \$20–22. Экспорт нефти из СССР к тому же был снижен из-за проблем с атомной энергией, возникших в связи с чернобыльской катастрофой. Не поднимали паники и кредиторы, так как во многих отношениях кризис возник и по их вине.

Большие кредиты предоставлялись западными банками разным организациям в СССР, которые заведомо не могли возвращать полученные кредиты, большинство которых относилось к категории потребительских и краткосрочных. Академия наук СССР, например, закупила в кредит тысячи компьютеров для своих многочисленных институтов, но бюджет Академии, сокращенный в несколько раз уже в 1990 г. и лишенный валютных ассигнований, не позволял ей возвращать ни кредиты, ни проценты по ним. Кредит неизбежно продлялся, другого выхода для выдавших кредит банков просто не было. Множество подобных долгов и для промышленных предприятий не имело государственных гарантий, хотя иностранные банки не всегда, по-видимому, это понимали. Свободного обмена рублей на валюту для граждан СССР не существовало. Обратный обмен валюты на рубли осуществлялся лишь в международных гостиницах для иностранцев при предъявлении паспорта⁹.

⁹ В обменном пункте гостиницы «Братислава» доллар обменивался на 27 руб., хотя официальный курс доллара все еще составлял 60 коп., а английского фунта – 98 коп.

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

Для иностранцев жизнь в СССР оказывалась исключительно дешевой, поскольку государство было готово покупать иностранную валюту по высокой цене, а рубли оно печатало без особых ограничений.

Никто, однако, еще не сознавал, что это означало реальный финансовый кризис. Сеть валютных продовольственных и промтоварных магазинов для иностранцев «Березка» стала закрываться. Для иностранцев покупки в обычных гастрономах оказались намного дешевле. Практическая девальвация рубля сразу в 40–50 раз означала приближение к дефолту по иностранным долгам. Однако в прессе никаких обсуждений этой проблемы не было. Резко сокращался потребительский импорт, и появлялись новые дефициты. Дефолт формально объявляется должником, а не кредитором, так как кредитор всегда предпочтет реструктуризацию и продление долга отказу от его выплаты. Общая сумма выплат при этом возрастает.

Понимание этих проблем возникло и у меня при наблюдении за развитием долгового финансового кризиса в Польше, возникшего в 1980 г. Польша утратила возможность «обслуживать» внешний долг, когда его сумма достигла \$20 млрд. Повышение цен на продукты питания вызвало социальные волнения, забастовки, рождение профсоюза «Солидарность» и введение военного положения. Государственные кредиты могли быть частично уменьшены, но в обмен на политическую либерализацию. Однако частные кредиторы – иностранные банки – предпочитали реструктуризацию долгов. Сроки выплат удлинялись, но общая сумма долга возрастала. К 1988 г. внешний долг Польши возрос до \$39,5 млрд, что привело на следующий год к коллапсу социалистической экономики и к «шоковой терапии», впервые испытанной именно в Польше¹⁰.

В начале 1991 г. из-за болезни был вынужден уйти в отставку премьер-министр СССР Николай Рыжков. Новым премьер-министром был утвержден бывший министр финансов Валентин Сергеевич Павлов. По оценкам экспертов стабилизация финансов и расчеты по внешним долгам требовали незамедлительного долгосрочного кредита от правительств США и стран ЕС. Для них, по мнению Горбачева и его окруже-

Полный обед на двоих обходился нам с Ритой в ресторане гостиницы около одного доллара. В Москве была та же картина.

¹⁰ *К 1993 г. внешний долг Польши все еще продолжал возрастать, достигнув \$46 млрд. Частичное списание долгов Польши стало возможным лишь после вступления Польши в НАТО в 1999 г. и в состав кандидатов Европейского союза. Однако привычка Польши жить в долг не исчезла, и к 2010 г. внешний долг Польши составил \$62 млрд. Польша не смогла поэтому вступить в «еврозону».*

ния, переход СССР от плановой экономики к рыночной был исключительно выгоден. Было решено обратиться к лидерам западных стран с предложением о выделении СССР срочного «целевого» кредита, сумму которого ориентировочно определили в \$150 млрд. Это была цифра, в которую оценивали расходы США и союзников на недавнюю «Бурю в пустыне». Близким к этой сумме был и «План Маршалла» в 1947 г.¹¹ В июле в Лондоне собиралась «Большая семерка» (G7), и Горбачев обратился к своему «другу» Джону Мейджору, британскому премьеру, с просьбой о приглашении на ее заседания.

Михаил Горбачев в Лондоне

Практика проведения ежегодных неформальных встреч лидеров наиболее богатых, индустриально развитых капиталистических стран для обсуждения текущих мировых проблем и,

безусловно, для защиты собственных интересов в меняющихся условиях возникла в 1975 г. по инициативе Франции и ФРГ. На первой такой встрече присутствовали лидеры шести стран, однако на второй, в 1976 г., к ним присоединился и лидер Канады, и вся группа получила неофициальное обозначение “G-7”. 17-я встреча G-7 планировалась в Лондоне 15–17 июля 1991 г., и ее организацией занимался Дж.Мейджор. Программы таких встреч заранее не сообщаются, и происходящие на них дискуссии считаются конфиденциальными. Какие-то решения на таких встречах, безусловно, обсуждаются и принимаются. Но они не считаются «соглашениями», а остаются «джентльменскими» и не публикуются.

Прибытие М.Горбачева в Лондон 16 июля оказалось поэтому неожиданным. Формально он приехал не как участник G-7, а как гость по приглашению Дж.Мейджора. Но у британской прессы, сразу окрестившей эту встречу “G-7+1”, не было сомнений, что основной проблемой, которую обсуждали в Лондоне, были именно события в Советском Союзе и настойчивые просьбы Горбачева о финансовой помощи, без которой все реформы *перестройки* угрожали стране банкротством. В Советском Союзе после мартовского референдума шла подготовка нового Союзного договора, который «сокращал» страну на шесть республик и менял в ее названии слово «Социалистических» на «Суверенных». Подписание этого договора планировалось на 20 августа. Эти ожидаемые перемены являлись крупнейшими событиями в мире, и участники

¹¹ По «Плану Маршалла» на восстановление экономики Европы выделялось \$17 млрд, что по «золотому» курсу доллара в 1991 г. было даже ниже этой суммы.

“G-7”, безусловно, хотели обсудить возникавшие проблемы непосредственно с Горбачевым.

Поскольку заседания «Большой семерки» проходят конфиденциально, без прессы и под усиленной охраной полиции, то характер всех дискуссий 15 и 16 июля оставался мне неизвестным. Горбачев был приглашен принять участие лишь в последней встрече лидеров 17 июля [6], на которой он выступил с докладом, текст которого не публиковался. Но какие-то объяснения были всё же необходимы. После окончания этой встречи Дж.Мейджор и М.Горбачев дали совместную пресс-конференцию с изложениями позиций сторон и ответили на некоторые вопросы журналистов. Вторую пресс-конференцию в тот же вечер дали для прессы президент Джордж Буш и Михаил Горбачев, на которой главное внимание обращалось на американо-советские отношения и военно-стратегические проблемы. Как я узнал на следующий день из телефонного разговора с Роем, эти пресс-конференции не показывали по телевидению в Москве, и их тексты не публиковались в центральной советской прессе. Это означало, что результаты своего визита Горбачев расценивал как неудачу. Он возвращался из Лондона с пустыми руками, то есть без экстренной финансовой помощи. В этом была, конечно, и вина его советников по экономике, которые не понимали, что западные лидеры просто не способны распоряжаться по собственному усмотрению крупными финансовыми фондами, за исключением чрезвычайных обстоятельств, подобных войне или стихийному бедствию.

Поскольку тексты пресс-конференций Дж.Мейджора, Дж.Буша и М.Горбачева 17 июля не публиковались в советской прессе¹², то целесообразно привести здесь несколько отрывков в моем переводе с английского и объяснить их значение:

Джон Мейджор:

«...Мы все согласились помочь Советскому Союзу интегрироваться в мировую экономику. Но мы также согласились, что перемены в СССР не смогут иметь продолжительного эффекта, если не будут созданы необходимые условия для необратимых изменений. Советский Союз должен мобилизовать свои значительные внутренние ресурсы... создать условия, легальные, политические, экономические и социальные, при которых будут привлекаться, прежде всего, внутренние инвестиции... Советский Союз должен интегрироваться в мировую экономику и стать членом Международного валютного фонда (МВФ) и Мирового банка. Эксперты этих организаций смогут определить условия для кредитования реформ.

¹² Они также не упоминались в «Воспоминаниях» самого Горбачева много лет позже.

К этой работе также следует привлечь другие международные институты, прежде всего Европейский банк реконструкции и развития. Они обеспечат Советский Союз практическими советами и know-how о том, каким образом можно создать рыночную экономику, например, отменить государственный контроль за ценами, многочисленные субсидии, создать условия для инвестиций и приватизации, включая инвестиции из-за рубежа... Необходимо начать демилитаризацию и конверсию военной индустрии. Мы готовы осуществить техническую помощь...

Я намерен посетить Москву в конце этого года, и мы с президентом Горбачевым обсудим все эти проблемы в деталях... В следующем году новый председатель G-7 канцлер Коль совершит такой же визит в Москву. Мы оба доложим членам G-7 о результатах этих реформ...» [13].

Эти объяснения британского премьера были достаточно ясными. За срочной финансовой помощью нужно обращаться в международные финансовые организации и в банки и принимать их условия.

Горбачев на этой пресс-конференции уклонился от обсуждения экономических проблем и рассказывал, в основном, о прогрессе в обсуждении договора о сокращении стратегических вооружений – START-1. В отношении получения финансовой помощи Горбачев был явно разочарован:

«...Наша страна проходит через трудный период. Но мы найдем выход, независимо от того, поможете ли вы нам или нет. Нам не нужна помощь, нам нужна кооперация...» [13].

Время для вопросов прессы на этой пресс-конференции было ограничено. Один из вопросов от британского ТВ был достаточно прямым:

«...Ваш помощник Примаков говорил, что Советскому Союзу нужны очень большие финансовые фонды, чтобы выйти из текущих трудностей. Разочарованы ли вы тем, что вы их не получили? Не приведет ли это к политической нестабильности?»

«...Это была не встреча министров финансов, – ответил Горбачев, – а встреча глав государств. Мы довольны их политическими результатами. Лед тронулся...» [13].

Однако Горбачев уезжал из Лондона с заметным разочарованием и озабоченностью. Обмен мнениями на таких встречах действительно бывает откровенным. Горбачеву объяснили без церемоний, характерных для открытых переговоров, что Советский Союз скрывает и всегда скрывал свои огромные военные расходы и имеет слишком большую армию. Строит атомные подводные лодки и межконтинентальные ракеты. За счет сокращения этих расходов освободятся средства для инвестиций и роста уровня жизни. Огромные суммы из бюджета идут на неоправданные субсидии на строительство жилых домов, бесплатное отопление, газо- и водо-

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

снабжение, транспорт и сельское хозяйство. Эта практика субсидий и создает бюджетный дефицит. Никакой «рыночной» экономики в СССР пока еще нет. Нет купли-продажи даже пустующих земель и неиспользуемых средств производства. Нет ни одного частного завода или фабрики. Нет частных банков, тем более иностранных. Нет конвертации валют. Участие иностранных компаний в приватизациях, даже мелких, не допускается. СССР – это пока «закрытая» страна. Отсутствует энергосбережение. Реформы этой чрезмерной расточительности не требуют внешних займов и кредитов. Нужно мобилизовать внутренние ресурсы.

Для меня было очевидно, что западные лидеры и их эксперты-советники понимали, что советская экономическая и политическая система, руководимая КПСС и ориентированная на «стратегический паритет» с НАТО, начинает разваливаться. Главным политическим стимулятором этого развала становился теперь Борис Ельцин, президент РСФСР, совершивший срочный визит в США как раз накануне лондонской встречи «G-7». Именно такой исход конфронтации и соревнования двух систем всегда был главной целью и НАТО, и ЕС. Благодаря Горбачеву и Ельцину этот «закат» СССР мог произойти без военного конфликта, результаты которого были бы непредсказуемы.

Новый Союзный договор

С начала 1991 г. Советский Союз функционировал без шести республик. Государство оказалось расколотым, и это не позволяло формировать бюджет и осуществлять какие-либо

экономические реформы. Однако ни правительство СССР, ни Верховный Совет СССР формально не признавали «независимости» отделившихся республик, так как для их реального выхода из состава СССР были необходимы внутренние референдумы и множество реорганизаций, переговоров и договоров о разделе разных видов союзной собственности и о демаркации границ.

Даже простые вопросы о том, кому теперь принадлежат санатории для шахтеров Кузбасса, построенные профсоюзами шахтеров на латвийских прибрежных курортах, требовали самостоятельных переговоров. Наиболее трудной проблемой была необходимость передислокации армии, флота и авиации, так как и в Прибалтике, и в Закавказье, как в пограничных регионах, находились наиболее крупные военные гарнизоны, аэродромы, военные порты и базы всех видов войск, включая ракетные. Литва, получившая после Великой Отечественной войны от

СССР часть Польши и Восточной Пруссии, изолировала теперь от России Калининградскую область¹³.

Очень сложной была и проблема производственных отношений между крупными предприятиями. В Советском Союзе существовало разделение между союзной и республиканской собственностью. В союзную собственность входили, например, атомные электростанции, железные дороги, магистральные шоссе, нефтепроводы и газопроводы, Аэрофлот, почта, телефон, телеграф и крупные заводы, такие как Уралмаш в Свердловске, Южмаш в Днепропетровске, предприятия по добыче угля, нефти и газа и даже Таллинский порт, недавно расширенный и модернизированный для обслуживания всей страны.

Существовал и большой внешний валютный долг – как его делить между остающимися в Союзе и вышедшими из него республиками? С другой стороны, подлежали разделу золотой и алмазный фонды. Все эти проблемы следовало решать до создания нового Союза на церемонии 20 августа.

Новые националистические лидеры, объявившие об отделении своих республик от СССР, не были политиками или государственными деятелями. Это были случайные люди, часто выдвинувшиеся лишь благодаря демагогии и невыполнимым обещаниям. В Литве новым лидером и главой националистического движения «Саюдис» стал профессор Вильнюсской государственной консерватории, музыкант и историк музыки Витаутас Ландсбергис, в Грузии – лингвист средневековой литературы Звиад Гамсахурдия, в Азербайджане – лидер Народного фронта Абульфаз Эльчибей, филолог, сотрудник Института древних рукописей АН Азербайджана. Такие лидеры просто не были в состоянии руководить страной и вести какие-то переговоры с Горбачевым или с Ельциным.

Распад СССР приобретал хаотический характер. Советский Союз не имел на 1991 г. государственного бюджета, и национальный доход снижался ежемесячно на 2–3%. Быстро росли инфляция и безработица. Резко падал торговый оборот, особенно продовольственных товаров. Урожай в 1991 г. ожидался очень плохой, на 15–20% ниже среднего. Повсеместно происходили забастовки, лишь усиливавшие хаос невыполнимыми требованиями бастующих. Снова бастовали шахтеры Кузбасса и Донбасса.

Общесоюзный референдум в марте 1991 г. одобрял сохранение СССР «как обновленной федерации равноправных суверенных республик...» Но в чем состояло это «обновление», никто не знал.

¹³ Вильнюс (Вильно) до августа 1939 г. входил в состав Польши.

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

В этих условиях в резиденции Горбачева в Ново-Огарево обсуждался проект нового «Союза Суверенных Советских Республик». Однако его первый проект, вскоре опубликованный, был отвергнут Верховным Советом СССР, как требующий серьезной доработки. После возвращения Горбачева из Лондона Новоогаревский процесс был продолжен для обсуждения уже пятого проекта Союзного договора, текст которого, однако, не публиковался. Бывшие крупные автономные республики – Татарскую и Башкирскую – предполагалось преобразовать в союзные.

Некоторые заседания объявлялись секретными – на них обсуждались проблемы армии, флота, КГБ и другие. Проекты рассматривала и одобряла лишь «тройка»: Горбачев, Ельцин и Назарбаев. Ни вице-президент Янаев, ни премьер-министр Павлов, ни Председатель Верховного Совета СССР Лукьянов, ни министр обороны Язов, ни Председатель КГБ Крючков и глава МВД Пуго для обсуждения нового Союзного договора не привлекались. Обсуждать проект на заседании Верховного Совета также не планировалось, тем более что почти все его депутаты уезжали в августе на каникулы.

Новый «окончательный» текст Союзного договора был также согласован лишь «тройкой», но не публиковался. Несмотря на это, Горбачев 2 августа выступил по телевидению с обращением к населению страны. Он объяснил, что Союзный договор подготовлен и «открыт к подписанию» и первыми его подпишут 20 августа делегации России, Казахстана и Узбекистана. Остальные республики могут определиться с подписанием позднее. На следующий день было объявлено, что Горбачев уезжает в отпуск и вернется в Москву 19 августа на церемонию подписания.

У меня и у Роя, с которым я обсуждал эти проблемы по телефону, появился вопрос: почему среди согласившихся подписать договор 20 августа не было Белоруссии и Украины? В этих республиках также существовали националистические организации, но они не имели серьезного влияния. Без Белоруссии и Украины новый Союз терял всякий смысл. Озадачивало и отсутствие самого текста Союзного договора – в нем должно было быть перечисление объединявшихся республик, их права и полномочия. Непонятной была и спешка. Нормальным было бы обсуждение окончательного проекта на заседаниях Верховных Советов объединявшихся республик, внесение поправок, дискуссия в прессе. Новый Союзный договор аннулировал все конституции.

Неудачным был и выбор даты – 20 августа 1991 г. Большинство членов Верховных Советов СССР и республик находились в отпусках, и сама процедура столь важного события, менявшего всю структуру страны, не

была известна. Неясной была и процедура последующих ратификаций и предполагаемого позднее преобразования «договора» в Конституцию.

Последний проект нового Союзного договора, составленный группой экспертов и помощников, который был принят «тройкой» в Ново-Огареве, оставался тайным и после отъезда Горбачева в отпуск в Крым. Как стало известно позднее, Ельцин, подозревавший, что помещения резиденции могут прослушиваться (см.: [5]¹⁴), предложил своим коллегам обсудить детали разных новых назначений не в помещении, а на свежем воздухе. Предполагалось уже 20 августа отправить в отставку премьер-министра и руководителей всех силовых министерств, включая министра обороны, начальника Генерального штаба и председателей КГБ и МВД. Но перед торжественным подписанием Договора 20 августа даже четырьмя или пятью республиками нужен был всё же конкретный, опубликованный в прессе документ. Горбачев, Ельцин и Назарбаев, а возможно, и лидер Узбекистана Каримов готовили к этому торжественному событию какие-то речи.

Публикация текста Договора 15 августа

Договор о Союзе суверенных республик формально отменял первый Договор о создании СССР, принятый Вторым Съездом Советов (1922), и все последующие конституции СССР: «сталинскую» (1937) и «брежневскую» (1977) с поправками Горбачева в 1988 и 1990 гг. Проекты этих конституций публиковались задолго до их принятия и подвергались «всенародному» обсуждению, вносившему множество поправок.

Информационное телеграфное агентство России ИТАР-ТАСС распространило текст проекта «Договора о Союзе Советских Суверенных Республик (СССР)» 14 августа, и поэтому его публикация в центральной прессе была осуществлена лишь в четверг 15 августа 1991 г., за пять дней до его торжественного подписания, и явно не для обсуждения. На следующий день я сумел купить в центре Лондона газету *Советская Россия*, в которой был опубликован полный текст этого довольно обширного документа, содержавшего «Основные принципы», 26 статей и «Примечания» [2].

¹⁴ Труд Р.А.Медведева «Советский Союз. Последние годы жизни. Конец советской империи» опубликован в 2009 году (М.: АСТ; Полиграфиздат. 637 с.).

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

Характер Договора был не только утопическим, но, по некоторым статьям, некомпетентным, так как явно составлялся наспех и людьми, плохо знавшими не только экономику или право, но даже и историю Советского Союза и России. Обсуждать здесь все нелепости и противоречия проекта было бы слишком утомительно. Отмечу лишь некоторые. В «Основных принципах» утверждалось, что новый Союз «выступает в международных отношениях в качестве суверенного государства – преемника Союза Советских Социалистических Республик». Но, с другой стороны, и государства, образующие Союз, также «являются полноправными членами международного сообщества. Они вправе устанавливать непосредственные дипломатические, консульские связи и торговые отношения с иностранными государствами... заключать международные договоры... не ущемляя интересы каждого из союзных государств, не нарушая международные обязательства Союза» [2]. Это означало, что, например, Узбекистан или Молдавия могли устанавливать собственные торговые и дипломатические отношения с Францией или с США и открывать свои посольства в Париже и в Вашингтоне. Но для этого требовалось, чтобы и Франция, и США также признали их действительную независимость и открывали в Ташкенте и в Кишиневе посольства, что было маловероятным. То же самое касалось и членства в ООН. Узбекистан неизбежно стал бы продавать свой хлопок на международном рынке, так как рубли уже были сильно обесценены. Неясными были не только структура правительства, но и полномочия президента Союза. По всем экономическим и политическим параметрам новое государственное образование было больше похоже на конфедерацию. Как стало известно позднее, Ельцин предпочитал оставаться президентом РСФСР, отдавая пост президента Союза Горбачеву. Назарбаеву предлагался пост премьер-министра Союза. Проект Договора увеличивал права республик и сокращал полномочия президента Союза. Российская Федерация становилась самостоятельным и наиболее влиятельным государством, хотя и в составе Союза.

16 августа Анатолий Лукьянов, Председатель Верховного Совета СССР, составил срочное Заявление, в котором обращал внимание на противоречия между Новоогаревской версией и проектом, обсуждавшимся ранее Верховным Советом СССР:

«Верховный Совет СССР признал целесообразным предусмотреть в проекте Союзного договора наличие в СССР единого экономического пространства, единой банковской системы и закрепления за Союзом собственности, необходимой для его нормального функционирования как федеративного государства. Особо было оговорено требование ус-

тановления самостоятельных налоговых поступлений в союзный бюджет. К сожалению, эти важнейшие положения не нашли достаточно четкого отражения в опубликованном тексте договора. Об этом свидетельствуют недавние заявления Кабинета министров СССР, Государственного банка СССР и ряда других союзных органов. Тут, видимо, требуются немалые коррективы в тексте договора» [3].

Лукьянов отмечал еще ряд недостатков Новоогаревского проекта и предлагал дополнительное обсуждение документа на сессии Верховного Совета СССР:

«Без этого такой наиважнейший для судеб нашего государства документ, как Союзный договор, не сможет в полной мере выражать волю советского народа о сохранении Союза ССР – великой державы, призванной служить интересам граждан всех национальностей и оказывающей серьезнейшее воздействие на международную обстановку во всем мире» [3].

Госбанк СССР объявляет тревогу

18 августа еженедельник *Московские новости* под общим заголовком «Госбанк предупреждает: рубль в опасности» опубликовал заявление Председателя Госбанка СССР Вик-

тора Геращенко. Это было его экстренное обращение к Совету Федерации и к Верховным Советам республик, составленное 16 августа [1]. Главный банкир СССР объяснял, что новый Союзный договор «...приведет к невозможности проведения единой денежно-кредитной политики в стране, к развалу денежного обращения и к губительному воздействию этого процесса на все народное хозяйство и благополучие населения страны...»

«Совершенно очевидно, что в условиях использования единой валюты, – объяснял Геращенко далее, – подобное автономное функционирование множества центров денежно-кредитной политики, действия которых не связаны какими-либо твердыми обязательствами и не подлежат наднациональному контролю, чревато самыми губительными последствиями для денежного обращения на всей территории обращения общей денежной единицы... каждая из республик сможет "наводнить" рублями своих близких и дальних соседей, экономический суверенитет которых в данном случае окажется пустой декларацией... Реальная денежная эмиссия, определяющая инфляционные процессы, будет производиться самими республиками в ходе осуществления их центральными банками кредитных операций...» [1].

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

В Советском Союзе финансовая система отличалась от западной, капиталистической. Наличные банкноты, выдаваемые населению в форме зарплат, пенсий и пособий, обращались лишь в потребительском секторе и не конвертировались в другие валюты. Финансовые операции между предприятиями осуществлялись в т.н. «безналичных рублях», которые при разных условиях могли все же «обналичиваться». Право на эмиссию и наличных, и безналичных рублей имел лишь Госбанк СССР. Новый Союзный договор наделял правом на эмиссию безналичных рублей и вновь создаваемые Центральные банки «суверенных республик». Без права эмиссии хотя бы безналичных рублей «суверенитет» республик был бы лишь иллюзией. Однако надделение всех членом Союза правом на эмиссию даже безналичных рублей, имевших покупательную способность вне сферы розничной торговли, неизбежно вело к неконтролируемой инфляции и к возможному коллапсу наличного денежного обращения.

Проблема Украины

Проект нового Союзного договора соглашались подписать 20 августа РСФСР, Казахстан и Среднеазиатские республики. Белоруссия и Молдавия колебались, так как у них не было еще признанных лидеров. Три прибалтийские и три закавказские республики, не принимавшие участия в Референдуме, не приглашались в Москву. Наибольшее беспокойство, однако, вызывал отказ Украины от участия в этой церемонии, хотя Украинская ССР была наиболее важной республикой, без которой новый Союз Суверенных Республик терял привлекательность для всех его остальных членов и не смог бы стать реальным «правопреемником СССР». Причины отказа Украины от участия в церемонии подписания нового Союзного договора 20 августа неясны и до сих пор. Возможно, влияло то обстоятельство, что на Украине в это время также еще не было реального лидера – президента страны. Леонид Кравчук – Первый Секретарь ЦК КПУ – был Председателем Верховного Совета УССР. Выборы президента планировались лишь на осень, и именно Кравчук был главным кандидатом. Одним из его соперников оказался писатель Юрий Щербак, создатель украинской партии «зеленых». Украина в это время была не только самой большой после РСФСР республикой, но и наиболее экономически и индустриально развитой частью СССР. Украина, как и Белоруссия, была членом ООН. Последствия создания Союза Суверенных Республик были для Украины неясны, и в обсуждении проекта нового Союза Украина не

участвовала. Поскольку одновременное подписание нового Союзного договора всеми его членами не предусматривалось, Леонид Кравчук решил отложить свое участие в церемонии на более поздний срок.

ГКЧП

Если рассматривать политические процессы в СССР в июле–августе 1991 г. объективно и беспристрастно, то Новоогаревский процесс по преобразованию Союза Советских Социалистических республик – супердержавы и правопреемника тысячелетней России – в укороченный Союз Суверенных Республик – фактически в конфедерацию с неизвестным числом членов, – можно квалифицировать как заговор, так как он происходил тайно и без обсуждения кардинальных политических и экономических реформ членами высшего в то время органа власти – Съезда народных депутатов СССР. Такие перемены могли быть легально осуществлены лишь принятием новой Конституции, а не какой-то процедурой «подписания» в Москве, тем более растянутой на месяцы. Горбачев, Ельцин и Назарбаев, скрывая от страны документ, который должен был радикально изменить ее многовековую историю, юридически могли бы квалифицироваться как заговорщики. Публикация этого документа лишь за несколько дней до его введения в силу церемонией «подписания» неизбежно вызывала протест в основных органах власти страны и прежде всего среди руководителей ее правительства, Вооруженных сил и Комитета государственной безопасности, присягнувших на верность именно Советскому Союзу. Обороноспособность страны радикально снижалась. Основная масса населения страны была отстранена от событий и не понимала происходящих процессов и их возможных последствий. Если создание ГКЧП считать заговором, – то не для свержения, а для сохранения существующей системы. Его неудача определялась краткостью времени и отсутствием подготовки и плана действий. Не было и признанного лидера.

Введение в Советском Союзе «в отдельных местностях» чрезвычайного положения начиналось с 4 часов утра 19 августа. В это время исполняющим обязанности президента СССР все еще был вице-президент Г. Янаев, который и подписал Указ о введении чрезвычайного положения 18 августа ровно в полночь. Это решение не было, таким образом, превышением полномочий Янаева. Но прибытие Горбачева в Москву из Крыма днем 19 августа, при котором полномочия Янаева заканчивались, было всё же заблокировано. Горбачев не был отстранен от власти, хотя давал свои директивы из летней резиденции «Заря», построенной

к 1988 г. на изолированном мысе Форос и лишенной инфраструктуры главы государства, он все же не мог. В созданный для временного управления страной Государственный Комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) входили премьер-министр Павлов, министр обороны Язов и другие высшие руководители страны, действовавшие также с одобрения А. Лукьянова, Председателя Верховного Совета СССР. Б. Ельцин 18 августа находился в Алма-Ате на переговорах с Н. Назарбаевым¹⁵.

Информация, которую мы непрерывно получали по радио, телевидению и газетам, была крайне противоречивой и тенденциозной. Лично я, после ознакомления 16 августа с текстом нового «Союзного договора», считал, что и его секретная подготовка, и весь Новоогаревский процесс могли рассматриваться как государственный заговор с целью ликвидации Советского Союза, но мирным путем – без военного переворота. Последствия подписания Союзного договора были рискованными и непредсказуемыми. Опасения по этому поводу были поэтому вполне оправданы.

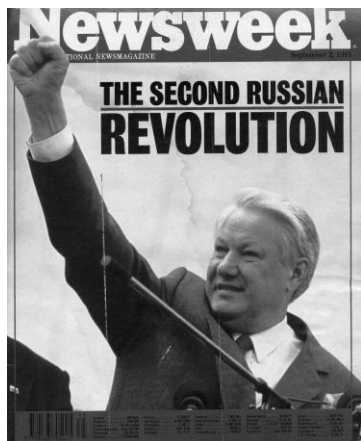
Выход из состава СССР закавказских и прибалтийских республик, никем еще не признанных, был пока односторонним решением, не оформленным законодательно договорным путем. Реальная независимость требовала референдумов. Судьба этих республик вне СССР и со случайными лидерами была неопределенной. Экономически они оставались зависимы от основной части СССР. Положение могло измениться в результате множества обстоятельств. Эту проблему следовало решать Советскому Союзу, каким он был в 1990 г. Создание нового Союза, но уже без Прибалтики и Закавказья, было преждевременным для всех сторон. Оно делало свершившимся фактом выход из Союза этих республик без всяких взаимных условий и переговоров и бросало на произвол судьбы славянское население, жившее в этих республиках. А это были миллионы: около 300 000 русских жили в Баку, около 200 000 в Тбилиси и около 300 000 русских, украинцев и белорусов в Риге. Терялись стратегически важные военные базы и обширная «союзная» собственность.

События в СССР неизбежно привлекали, как сенсационные, главное внимание западной прессы, радио и телевидения. Мне непрерывно звонили и из русской службы Би-би-си, и из телевизионных студий, и из

¹⁵ *Подробности всех событий последующих трех–четырёх дней я в настоящих «Воспоминаниях» излагать не предполагаю, так как не был их непосредственным свидетелем. Рой в эти дни отдыхал в Железноводске.*

газет с просьбами об участии в дискуссиях. Я на все эти приглашения отвечал отказом, тем более что в западной прессе события в СССР трактовались в сильно искаженной и тенденциозной форме. Для ЕС и НАТО развал СССР был подарком судьбы. Главным героем всех событий оказывался Ельцин. Рой вернулся из Железноводска в Москву 22 августа, на следующий день после отмены Чрезвычайного положения. Через три или четыре дня он прислал мне по факсу статью «Три дня после ГКЧП». Но она занимала 14 страниц и была слишком большой для публикаций в газетах. Он передал ее также и своему другу, итальянскому журналисту Джульета Кьеза, и отрывки из нее были напечатаны в Риме.

Чрезвычайное положение было отменено 21 августа. Горбачев прилетел в Москву в ночь на 22 августа. В этот же день все члены ГКЧП были арестованы. Вскоре был арестован и А.Лукиянов, не входивший в ГКЧП и обладавший юридической неприкосновенностью, как Председатель Верховного Совета СССР. Практически все члены правительства СССР, главы Прокуратуры, Верховного Суда, КГБ, МВД были арестованы или смещены по решениям силовых ведомств РСФСР, хотя у них не было полномочий для подобных действий. Генеральный прокурор СССР обладал неприкосновенностью и не мог быть арестован на основании санкции Генерального прокурора РСФСР. Но на такие нарушения законов никто уже не обращал внимания. Исполнение обязанностей премьер-министра СССР было возложено на Ивана Силаева, возглавлявшего правительство Российской Федерации.

Фактически власть в стране перешла к Б.Ельцину, и он быстро отменял разные новые назначения (министра обороны, председателя КГБ, министра иностранных дел и другие), которые осуществлял приступивший к своим обязанностям Горбачев, имевший на это законное и конституционное право. Именно в эти дни конца августа Горбачев был отстранен Ельциным от реальной власти. Ликующие толпы в Москве поддерживали все эти решения, уверенные, что именно Ельцин выведет страну из кризиса. Однако столь быстрые разрушительные про-

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

цессы ставили страну на грань катастрофы. В эти же дни Горбачев подал в отставку с поста Генерального секретаря ЦК КПСС. КПСС также была вскоре распущена.

Библиографический список

1. Герашенко В. Председатель Госбанка СССР обращается к Совету Федерации и Верховным Советам республик // Московские новости. 1991. 18 августа.
2. Договор о Союзе суверенных государств. Согласовано 23 июля 1991 г. // Советская Россия. 1991. 15 августа.
3. Лукьянов А. Заявление Председателя Верховного Совета СССР // Известия. 1991. 20 августа.
4. Медведев Ж.А. Чернобыльские радионуклиды за пределами СССР // Радиобиология. 1991. Т.31. Вып.6. С.771–793.
5. Медведев Р. Советский Союз. Последние годы жизни. Конец советской империи. URL: <http://eapa.ru/read/ussr/61.html> (дата обращения: 08.04.2016).
6. Начались встречи президента СССР с главами государств и правительств семи ведущих индустриальных стран // Известия. 1991. 17 июля.
7. О введении в действие Закона СССР «О всенародном голосовании (референдуме СССР)». Постановление Съезда народных депутатов СССР от 27 декабря 1990 г. // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1991. №1.
8. О сохранении Союза ССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик. Постановление Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1990 г. // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1990. №52.
9. Об итогах референдума СССР, состоявшегося 17 марта 1991 года (Из сообщения Центральной комиссии референдума СССР) // Известия. 1991. 27 марта.
10. Об организации и мерах по обеспечению проведения референдума СССР по вопросу о сохранении Союза Советских Социалистических республик. Постановление Верховного Совета СССР от 16 января 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1991. №4.
11. Об учреждении поста президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной закон) СССР. Закон СССР от 14 марта 1990 г. URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/zakony/185465/> (дата обращения: 08.04.2016).
12. Сообщение Центральной комиссии референдума СССР об итогах референдума СССР, состоявшегося 17 марта 1991 года // Правда. 1991. 27 марта.
13. Joint Press Conference Given by the Prime Minister, Mr. John Major, and the Soviet President, Mr. Mikhail Gorbachev. London, 17 July 1991 // <http://www.g8.utoronto.ca/summit/1991london/joint.html> (дата обращения: 23.03.2016).

(Продолжение следует)

Свобода основана не на природе (естественное право), а на духе. Это период мучительный и трудный, в котором радость жизни ослабевает. Свобода есть главный источник трагизма жизни. Жизнь в божественной необходимости была бы бестрагична. Этот трагизм свободы должен быть принят человеком. Он не имеет права облегчать себя. Легкого решения проблемы свободы не существует.

Н.А.Бердяев

**Не мы хватаем идею, идея хватает
и гонит нас на арену, чтобы мы,
как невольники гладиаторы,
сражались за нее. Так бывает
со всяким истинным трибуном
или апостолом.**

Генрих Гейне

Людмила Климович

СОЛИДАРИЗМ – КОНЦЕПЦИЯ НОВОПОКОЛЕНЦЕВ¹

УДК
94(47)084

В статье проанализировано содержание идеологии Национального союза нового поколения, российской эмигрантской организации 1930-х годов. Раскрыто понятие «солидаризм», лежащее в основе программы движения, показаны его исторические идейные истоки. Союз образовался в 1930 г. в Югославии, выступал за свержение большевистской власти, имел отделы во многих странах мира.

The ideological views of the National union of the new generation, the Russian emigrant organization in the 1930's, are analysed in this article. The concept "solidarism", which had been the basis of the program, is articulated in this article. Its historical ideological sources are shown in this work. The Union was formed in 1930 in Yugoslavia, advocated the overthrow of the Bolshevik government and had offices in many countries.

Ключевые слова: русское зарубежье; эмиграция; Национальный союз нового поколения; солидаризм; идеология.

Key words: russian abroad; emigration; the National Union of the New Generation; solidarism; ideology.

E-mail: lusek84@yandex.ru

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Министерства образования и науки Российской Федерации и DAAD по программе «Иммануил Кант». (2015 год)

После революции 1917 года около двух миллионов российских граждан были вынуждены покинуть Родину. В эмиграции оказались представители различных политических партий, люди разных поколений, которые были не согласны с большевистской властью. Они жили в ожидании возвращения на Родину, и, естественно, их мысли были направлены на решение вопросов: как долго продержится большевистская власть? Что последует за ней? Какова будет роль российской эмиграции в процессе становления новой России? При всем многообразии политических интересов и пристрастий российская эмиграция никогда не переставала чувствовать себя составной, неотъемлемой частью своей Родины, ее судьбы.

Эмигранты не имели возможности прямо влиять на события, происходившие в России. Поэтому они сосредоточили свое внимание на анализе и осмыслении трагического опыта Октябрьской революции 1917 года и гражданской войны, прогнозировании дальнейших путей развития страны, перспектив ее национального возрождения.

**Хроника деятельности
новопоколенцев**

Взгляды Национального союза нового поколения (НСНП), бывшего на протяжении 30-х годов XX века крупной эмигрантской организацией, представляются ценными для исследователя.

Свои концепции эмигранты строили в условиях западной культуры, стараясь сохранить отечественную самобытность.

Идеология НСНП формировалась под влиянием пережитых исторических потрясений. Как отметил М.В.Ковалев, «на глазах русских эмигрантов окружающий мир изменился до неузнаваемости. Первая мировая война, революция в России, последовавшая за ней братоубийственная гражданская война подорвали веру в прогресс, заставили задуматься о кризисе всей западной цивилизации» [14].

В декабре 1931 г. группы «национально мыслящей молодежи», как сами они себя называли, объединились и стали именоваться Национальным союзом нового поколения (с 1936 г. – Национально-трудовой союз нового поколения). Председателем союза был избран герцог С.Н.Лейхтенбергский², а председателем исполнительного бюро –

² Герцог фон Лейхтенбергский Сергей Николаевич (1903–1966), внук российского императора Николая II и праправнук французской императрицы Жозефины, инженер-химик, в Октябрьскую революцию эмигрировал в Германию, потом во Францию. Был инициатором организации Союза русской национальной молодежи в Париже. Председатель НСНП с

В.М.Байдалаков³. В эмиграции членов этого союза называли «новопоколенцами» или «нацмальчиками».

Члены Союза стояли на непрережденческой позиции, вопрос о форме правления в России оставался для них открытым, т.к. первичной задачей они считали борьбу с большевиками [5, с.1; 11, с.467]. Новопоколенцы были убеждены, что только сам народ может решить этот вопрос. Члены союза разработали свою идеологию – «национально-трудовой солидаризм». Она основывалась на трех составных элементах: идеализм, национализм, активизм [17, с.13].

Члены НСНП на первое место в борьбе с большевизмом ставили пропаганду, но также верили в возможность подпольной конспиративной работы: «В борьбе с большевиками цель оправдывает средства» (См.: [5, с.88]). Этот подход оправдывал готовность сотрудничать с любыми врагами СССР для достижения своих целей, что и предопределило впоследствии симпатии части членов союза к нацистам и фашистам, а также участие во «власовском движении». В качестве конкретных антисоветских акций использовалась нелегальная отправка добровольцев в СССР с пропагандистскими целями. С целью подготовки кадров издавался в 1936 г. в Белграде журнал *Инструктор* [8]⁴.

НСНП имел свои представительства в Китае, Польше, странах Прибалтики, Болгарии, Франции. В годы Второй мировой войны, перед эмиграцией стоял сложный выбор. В первые месяцы войны НСНП заявил о своем нейтралитете: «Члены Союза выполняют на местах свои обязательства по отношению к странам, их приютившим. Весь Союз в целом в современном вооруженном конфликте занимает позицию бескомпромиссного нейтралитета» [21, с.1]. В период Великой Отечественной войны члены НСНП участвовали во «власовском движении» (См.: [25]). Война, как известно, расколола эмиграцию идейно: кто-то из рус-

1930 по 1933 г. В августе 1937 в связи с вступлением в ряды Российского национал-социалистического движения в Германии освобожден от звания и обязанностей члена Совета. Во время Второй мировой войны примкнул к нацистам, служил переводчиком в различных частях Вермахта на Восточном фронте. После войны выехал в США.

³ *Байдалаков Виктор Михайлович (1900–1967) родился в семье донского казака. Участвовал в гражданской войне. С 1928 г. председатель Союза русской национальной молодежи (Болгария). Затем руководит НСНП. В 1944 г. арестован гестапо, в апреле 1945-го освобожден по личному ходатайству генерала А.А.Власова. После войны проживал в Германии, затем в США. В 1955 г. вышел из НТС, в январе 1956 г. основал Российский национально-трудовой союз (существовал до апреля 1966 г.). Скончался в Вашингтоне.*

⁴ *Журнал печатался на множительном аппарате на правах рукописи.*

ских пошел на путь сотрудничества с А.Гитлером и близкими ему по духу силами, кто-то оказался в рядах Сопротивления (См.: [15; 16; 12; 29] и др.).

После войны НСНП сменил название на Народно-трудовой союз российских солидаристов (НТС). До 1991 г. его члены вели активную борьбу против советской власти. Во Франкфурте-на-Майне было создано издательство «Посев», которое печатало литературу НТС, журналы, также запрещенные в СССР произведения – так называемый «гамиздат». После 1991 г. деятельность НТС в прежнем виде себя исчерпала.

С падением власти коммунистов в Россию были переведены управительные органы и издательство «Посев». Отсутствие организационного и идеологического единства привело к отделению и возникновению новых организаций, именующих себя НТС. За рубежом действует общество немецко-русского взаимопонимания «Посев» во Франкфурте-на-Майне⁵.

Представляет большой интерес идейная платформа движения, поскольку она формировалась на стыке политических традиций в сложной исторической ситуации. В ее основе лежали идеи солидаризма.

Солидаризм как идеологическая концепция в последнее время привлекает внимание исследователей. Делаются попытки найти корни солидаризма в русской истории, дать оценку реалистичности солидаристических доктрин сегодня [20; 27; 19; 22].

**Концепция солидаризма:
интерпретация
новопоколенцев**

Солидаристические учения возникли во Франции в первой половине XIX в. и получили значительное распространение в конце XIX – начале XX в. Их теоретической основой была социологическая доктрина, взгляд Огюста Конта на общество как на единое целое. Французский политический деятель Леон Буржуа утверждал, что реально существуют не индивиды и не государство, взятые сами по себе, а ассоциации людей, связанных фактом совместной жизни.

Сам термин «солидаризм» ввел в русскую социологическую и экономическую терминологию Георгий Гинс: «Идея социальной солидарности стара как мир, ибо солидарность и антагонизм являются вечными спутниками человеческого общежития» [6, с.83]. Новопоколенцы именно Г.К.Гинса считали своим вдохновителем. Однако сам он причислял себя

⁵ Там же хранится архив НСНП (НТС) (Подробнее см.: [9]).

к «кабинетным теоретикам» и старался дистанцироваться от практической деятельности НСНП [2, с.96].

Основными теоретиками солидаристической доктрины были А.Д.Билимович⁶, О. фон Нейлль-Брейнинг⁷ и Г.К.Гинс⁸. Члены НСНП были знакомы с их творчеством, но при этом, как они вспоминали много позднее, пытались найти корни солидаризма в России: «идеологические поиски обращены, однако, главным образом, к родной почве: славянофилы прошлого столетия, блестящая плеяда мыслителей начала нашего века: Франк, Лосский, Бердяев, С.Булгаков, И.Ильин» [26]. Анализируя историческое развитие России, новопоколенцы пришли к выводу, что «еще со времен Владимира Святого мы можем проследить социальный и экономический солидаризм, при котором целое (общество) и

⁶ Билимович Александр Дмитриевич (1869–1963), участник гражданской войны, преподавал на кафедре экономики и статистики Киевского университета до 1918 г. Осенью 1918 г. избран ректором Новороссийского университета. Возглавлял Управление земледелия и землеустройства Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами на юге России генерале А.И.Деникине. После эвакуации из Ростова, в феврале 1920-го, выехал в Югославию. С 1924 г. профессор Белградского университета. Сторонник идеи развития кооперации, основанной на принципах свободного объединения самостоятельных крестьянских хозяйств и развития местного самоуправления. Основные труды – «Кооперация в России до, во время и после большевизма», «Экономический строй освобожденной России» – опубликовал только после Второй мировой войны

⁷ Нейлль-Брейнинг Освальд фон (1890–1991) – католический священник, один из видных западных ученых, внесших значительный вклад в развитие теории и практики солидаризма. Автор многочисленных трудов по богословию, философии и социологии. После Второй мировой войны – влиятельный член Научно-экономического совета западногерманского Министерства экономики. Жил во Франкфурте-на-Майне, читал лекции в философско-теологическом институте Сант-Георген.

⁸ Гинс Георгий Константинович (1887–1971) родился в Польше в семье офицера. Закончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, в 1916 г. стал его приват-доцентом. Работал в правительстве Колчака. В 1920–1938 гг. преподавал на русском юридическом факультете в Харбине, служил при управлении КВЖД, написал ряд работ по проблемам Китая и Японии. В 1941 г. переехал в США, где с 1945-го преподавал в Калифорнийском университете в Беркли. В 1950-х – 1960-х гг. публиковался в журналах «Посев», «Мысль», «Наши дни». В наиболее важных трудах – «На путях к государству будущего: от либерализма к солидаризму» (1930), «Новые идеи в праве» (1931–1933), «Социальная психология» (1936), «Право и культура» (1938) – отражены правоведческие основы солидаризма.

СОЛИДАРИЗМ – КОНЦЕПЦИЯ НОВОПОКОЛЕНЦЕВ

части (личности) находятся в живом взаимодействии, не нарушающем ни личной самостоятельности, ни общественного единства; а в эпоху Петра Великого Россия уже определенно вступила на Великодержавный Имперский Путь»⁹.

На наш взгляд, наиболее точно раскрыл основную идею солидаризма Алексей Поремский¹⁰. По его мнению, свои истоки солидаризм берет в лозунге Великой Французской революции: «Свобода! Равенство! Братство!» Идеи свободы воплотились в политическом учении – либерализме, идея равенства заложила основы для возникновения социального течения – социализма. В этих учениях воплощение «свободы» и «равенства» дошли до крайней степени: свобода – в сторону произвола, а равенство – до вопиющего неравенства. В качестве примера А.Поремский приводил советский строй. Синтез свободы и равенства найден в понятии «братство», сторонники этого синтеза старались воплотить сотрудничество и взаимопомощь в социальном движении солидаризма. В экономическом плане либерализму соответствует капитализм, в качестве антитезиса выступает социализм с его отсутствием инициативы, частной собственности и плановостью. Разрешение этого противоречия предлагалось в кооперации (взаимном сотрудничестве государственно-го, общественного и частного секторов экономики) (См.: [23, с.33–39]).

Концепция солидаризма была принята новопоколеницами как идеологическая платформа. Еще в 30-е годы один из членов НСНП Н.А.Марков пытался доступно объяснить понятие «солидаризм» рядовым членам Союза. В своих рассуждениях он, как и А.Поремский (только раньше), опирался на лозунг Французской революции. Стоит отметить, что обращение к идеям Французской революции не было случайным. Российские эмигранты сравнивали события 1917 года в России и 1789 года во Франции, пытаясь выявить некие общие закономерности революционного процесса. И хотя сходство между ними казалось довольно очевидным, эмигрантские авторы все же отмечали серьезные различия и специфические черты [13, р.86].

По мнению Н.А.Маркова, солидаризм – это новая идеология управления государством. Раскрывая понятия «свобода, равенство, братство»,

⁹ *Национально-трудовой солидаризм. Доклад, прочитанный в Парижском Отделении НТСНП Н.А.Марковым* // [1, п.14, д.24, л.2].

¹⁰ *Поремский Алексей Владимирович (1931–1960), сын В.Д.Поремского (одного из основателей НСНП и его руководителя с 1955 по 1972 г.). Работал журналистом, опубликовал десятки политических и философских статей под псевдонимом «Вл. Арсеньев» в «Посеве», «Гранях», «Наших Днях».*

Марков указывал на их взаимосвязь и воплощение в солидаризме: «Свобода отнюдь не заключается в том, что каждый может делать все, что ему вздумается. Наоборот, смысл свободы состоит в ограничении наших прав по отношению к другим лицам <...> свобода как институт права, основанный на системе ограничений от произвола в защиту прав личности и интересов Нации. Равенство как социально-правовая норма заключается в следующих положениях: 1. Равенство всех граждан перед законом. 2. Предоставление всем равенства возможностей. 3. Равная защита государством всех социальных групп. Чувство братства обнимает собою кровное родство семьи, народа и духовное единство Нации. Здесь нет места вражды к отдельным группам своего общества, поэтому чувство братства нас властно ведет к солидаризму»¹¹.

Понятие равенства включает в себя равенство возможностей, равенство перед законом, но не уравниловку. Братство берет свои зачатки в семье, где закладываются основы взаимопомощи и взаимовыручки. Здесь прослеживается влияние идей Огюста Конта, который уделял большое внимание семье при исследовании процессов, протекающих в обществе.

Солидаризм по природе своей отрицал классы и сословия и, вместе с ними, тезис о классовой борьбе как о движущей силе общественного развития; основополагающим фактором деятельности любого общества, выступала солидарность его членов. Общество у солидаристов представляло как товарищеское содружество всех граждан, при этом солидаризм не отрицал деление граждан по профессиональному признаку: «Солидаризм есть товарищеское сотрудничество всех граждан Нации, независимо от их социального положения, на благо нации и их собственное <...> Солидаризм – сотрудничество, основанное исключительно на любви к своей нации и ближнему, на товарищеском отношении всех граждан между собой. (Все за одного – один за всех). Ибо только любовь является долговечной творческой силой. Солидаризм есть не что иное, как наше русское (единственное в мире) товарищество, проявляющееся само собой во все времена (даже под коммунизмом) во всех группировках русских людей, будь то полк, корабль, рабочая артель, сельский кооператив. Это чувство должно быть распространено и на всю экономическую сторону жизни: товарищами должны стать в каждом предприятии и хозяин, и служащие, и рабочие. Затем, что доверие и простота отно-

¹¹ Национально-трудовой солидаризм. Доклад, прочитанный в Парижском Отделении НТСНП Н.А.Марковым. Изд. II. КОВР Отдела НТСНП во Франции. 1937 // [1, п.14, д.24, с.12–13]. – КОВР – комиссия по организации внутренней работы.

шений является искони русской чертой уклада общественной и государственной жизни»¹².

Под влиянием идей солидаризма новопоколенцами была выработана собственная идеология, получившая название «национально-трудовой солидаризм»: «идея сотрудничества трудящихся под верховным водительством власти», которая родилась еще во времена Петра Великого. Ведь «что, как не его идея служилого слоя, является предвестником нашей идеи национально-трудового солидаризма?» [3, с.1]. С точки зрения здравого смысла связь с петровской эпохой была туманной, необоснованной логически, что еще раз свидетельствует об эклектичности и непоследовательности идеологии.

В учебных материалах для членов Национального союза нового поколения идеология раскрывалась через три основных принципа – идеализм, национализм и активизм:

«1. Идеализм как утверждение неравенства творческого духа над материей¹³ и проистекающие отсюда религиозно-моральные установки, в частности, понимание смысла жизни в служении ближнему.

2. Национализм как утверждение нации высшим проявлением земных ценностей в их совокупности и отсюда понимание служения нации как охранения и развития этих ценностей.

3. Творческий активизм как утверждение творчески-волевого импульса основным двигателем всех общественных процессов, а также восприятие жизни во всех ее проявлениях как известного динамического состояния»¹⁴.

Идеализм члены Союза считали главным двигателем исторического процесса: «Мы твердо верим, что в исторических процессах главным двигателем были и являются не экономические причины, а идеи и сильные личности – носители этих идей»¹⁵. Можно предположить, что в понятие «идеализм» новопоколенцы вкладывали возможность разработки и внедрения идей в общество, поиск новых перспектив и возможностей.

В понимании национализма члены НСНП были последователями идей Ивана Ильина: «Национализм есть уверенное и страстное чувство, что мой народ действительно получил дары Святого духа; что он принял их своим инстинктивным чувствительным и творчески претворил их по-

¹² Катехизис русского националиста // [1, п.11, д.1, л.9].

¹³ Так в оригинале.

¹⁴ Тезисы национально-трудового солидаризма. Не ранее 1940 г. // [1, п.12, д.22, л.2].

¹⁵ Полный курс национально-политической подготовки. Конспект 27. Бельгия // [1, п.11, д.11, л.2].

своему; что сила его жива и обильна и призвана к дальнейшим великим, творческим свершениям; что поэтому народу моему подобает культурное "самостояние", как залог его величия (формула Пушкина), и независимость государственного бытия <...> Национализм есть вера в его духовную и инстинктивную силу; вера в его духовное призвание» [7, с.42].

Показательно рассуждение о национализме новопоколенцев в 1930-е годы, в период распространения фашизма и его разновидности – нацизма, выдвигая концепции превосходства арийской нации над всеми остальными. «Нужно ясно различать три понятия: Великорусский, Русский и Российский. Мы националисты Российские. Мы ясно отдаем себе отчет, что Великую Россию строили и создавали все народности, входившие в состав Империи. Различная кровь течет в жилах наших великих вождей, и никто не может ясно определить границы отдельных народностей, населяющих нашу Родину. В ней именно осуществилось братство народов, о котором трактуют в своих программах социалисты <...> В Российской государственности не должно быть привилегий отдельным племенам и народностям. Интересы нации должны быть прежде всего и выше всего»¹⁶. Таким образом, национализм новопоколенцев не предполагал главенства одной русской нации, они прекрасно понимали, что Россия – многонациональное государство и превосходство одной из наций было бы смертельно для его существования. Основным признаком нации новопоколенцы считали духовное родство¹⁷, понятие «нация» трактуется ими как социоисторический организм.

Третья составляющая солидаризма в программных документах новопоколенцев отмечена как активизм – «всемерная и неустанная борьба за Национальную Россию»¹⁸. Члены НСНП считали, что национальная революция не произойдет сама по себе, и желание ее осуществить соответственно своим идеям породило активизм в рядах молодых эмигрантов. «Мы идеалисты по мировоззрению, националисты в политической жизни и революционеры в борьбе за Россию» [18, с.3],– так характеризовали новопоколенцы свое движение.

Анализируя идеологию зарубежной российской молодежи, исследователь российской эмиграции С.Н.Пучков отмечает: «Пропаганда политического активизма в молодежной среде в 1920–1930-е годы была построена на внедрении в мировоззрение молодежи хлестких, агрессив-

¹⁶ Горбань А. О национализме // За Россию. Орган Бельгийского отдела НСНП. На правах рукописи // [1, п.8, д.4, с.5].

¹⁷ См.: Национально-трудовой солидаризм. Доклад... Изд. II... // [1, п.14, д.24, с.4].

¹⁸ Национальный Союз Нового Поколения // [1, п.11, д.31, с.17].

ных лозунгов, соответствующих стилю молодежного мышления, которому был присущ максимализм, учитывающих менталитет молодежной среды» [24, с.175]. С этим выводом сложно согласиться. На наш взгляд, понятие активизма трактовалось молодежью как порыв что-то делать, не приспособливаться к условиям, не ассимилироваться в стране пребывания, а действовать. Члены НСНП опасались, что понятие активизм будет неверно истолковано в эмигрантских кругах: «рядовой зарубежник понимает активизм лишь как бросание бомб, как революционную борьбу, но только не считает нужным глубже внимательно вдуматься в это слово» [28, с.3]. Именно поэтому они выступали за «повседневный активизм», который характеризуется внутренней мобилизацией и постоянным волевым напряжением каждого человека. Заявляя о «повседневном активизме», новопоколенцы «не забывали» и о конкретных делах: попытки перехода границы СССР, «антверпенская работа»¹⁹, печать периодических изданий и литературы.

Несомненно, что на новопоколенцев оказывали влияние существовавшие эмигрантские организации, особенно воинственно настроенный Российский Общевоинский Союз (РОВС). Это отмечает С.Н.Пучков: «Эмигрантский политический активизм в 1920–1930-е годы довольно тесно смыкался с военно-политическим реваншизмом белой военной эмиграции, лидеров РОВС, и имел перспективу быть использованным в случае организации новой антибольшевистской интервенционистской армии» [24].

Заключение

Поиск собственной идеологии был частью политической культуры молодого поколения эмиграции, «незамеченного поколения». Стоит отметить, что идеи социальной справедливости находили чрезвычайно широкий отклик в Европе 1920-х – 1930-х гг. Европейское общество было искорежено Первой мировой войной, старые социальные и политические порядки дискредитировали себя экономическим кризисом конца 1920-х – начала 1930-х гг. Российские эмигранты, в особенности молодое поколение, оказались в атмо-

¹⁹ Она сводилась к беседам с советскими моряками с судов, приходивших в порт Антверпен, снабжению их литературой, которую выпускал НСНП, и переправке печатной продукции в СССР. Эта деятельность была неизвестна рядовым членам Союза. Работа с моряками велась в разных портах и была сопряжена с рядом трудностей (Подробнее см.: [10]).

сфере поиска новых идейных основ. Разработка собственной идеологии, лишенной крайностей либерализма и социализма, привела новопоколенцев к идеям солидарности. Члены НСНП вывели собственную идеологическую доктрину – национально-трудовой солидаризм, в основе которого лежал синтез идей западных и российских философов. Новопоколенцы считали солидаризм приемлемой заменой большевизму, так как, по их мнению, идеи солидарности и братства близки российскому народу. Попытка заимствования различных идеологических положений привела к тому, что идеология НСНП несла в себе много противоречивых моментов, была эклектичной, не имевшей логической законченности. Но, более того, она подспудно оправдывала принцип достижения цели любыми средствами. Это предопределило прямое или косвенное сотрудничество с нацистами в годы Второй мировой войны.

Библиографический список

1. Архив Народно-трудового Союза российских солидаристов во Франкфурте-на-Майне (Германия). Ф.1.
2. Алексеев Д.Ю. Г.К.Гинс – основоположник российского солидаризма // Известия Тихоокеанского государственного экономического университета. Экономика и управление. 2009. №2. С.91–98.
3. Алексеев С. Боязливые шаги // За Россию. 1939. 1 мая. №80.
4. Варшавский В.С. Незамеченное поколение. М.: Информ-Экспресс, 1992. – 387 с.
5. Георгиевский М.А. Вопросы программы // За Россию. 1933. Июнь. №16.
6. Гинс Г.К. Руководящая идея нашего века // Портрет солидаризма. Идеи и люди / [Сост. В.А.Сендеров]. М.: Посев, 2007. С.79–97.
7. Ильин И.А. Основы борьбы за Национальную Россию. Германия: Национально-трудовой Союз Нового Поколения. Представительство в Германии, 1938. – 66 с.
8. Инструктор. Орган Центральной комиссии по организации внутренней работы при Исполнительном Бюро НСНП. 1936. №1–4.
9. Климович Л.В. Документы по истории Народно-трудового Союза российских солидаристов в архиве НТС во Франкфурте-на-Майне // Историографический сборник: межвузовский сб. науч. тр. Саратов: Изд-во СГУ, 2010. С.133–141.
10. Климович Л.В. Народно-трудовой союз российских солидаристов: ранние страницы истории // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2013. №5. С.139–156.
11. Климович Л.В. Политическое устройство России в программе Национального Союза Нового Поколения // Былые годы. 2014. №33 (3). С.466–471.

СОЛИДАРИЗМ – КОНЦЕПЦИЯ НОВОПОКОЛЕНЦЕВ

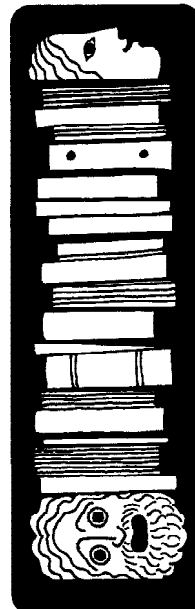
12. Ковалев М. «Мы все с генералом де Голлем!» Русские герои французского Сопrotивления // Родина. 2006. №12. С.115–122.
13. Ковалев М. От Петербурга до Канберры: жизнь и научные труды профессора И.И.Гапановича // Acta Slavica Iaponica. 2014. Т.34. Р.69–93.
14. Ковалев М.В. Имперская идея в учебных нарративах русской эмиграции 1920–1930-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2014. Т.5. Вып.4 (27). URL: <http://www.history.jes.su/s207987840000732-4-1> (дата обращения: 18.03.2016).
15. Между Россией и Сталиным: российская эмиграция и Вторая мировая война. М.: РГГУ, 2004. – 344 с.
16. Мухачев Ю.В. «Résistance»: русская эмиграция в борьбе против фашистской Германии // Русское Зарубежье: история и современность. 2005. №1–2. С.14–24.
17. Национальный Союз Нового поколения (Национально-трудовой союз). Белград: Исполнительное бюро Совета Национального союза нового поколения, 1935. – 80 с.
18. Неймирок А. Наш национализм // За Россию. 1933. Август. №18.
19. Окара А.Н. Солидаризм: Забытая идеология XXI в. // Политическая наука. 2013. №4. С.146–155.
20. Окара А.Н. Социальная солидарность как основа нового «миростроительного» проекта // Синергия. 2010. №9. С.7–41.
21. От Исполнительного бюро Совета // За Россию. 1939. Октябрь. №90.
22. Попкова Т.В. Солидарность и солидаризм как социальная и научная проблема // Новые исследования Тувы. 2013. №1. С.39–48.
23. Поремский А.В. Общественные идеалы солидаризма // Силой идеи. Франкфурт-на-Майне, Изд-во «Посев», 1961. С.33–39.
24. Пучков С.Н. Политический активизм молодежной среды российской эмиграции в 1920–1930-е гг.: институционализация и идеология. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. – 225 с.
25. Смыслов О.С. «Пятая колонна Гитлера»: от Кутепова до Власова. М.: Вече, 2004. – 512 с.
26. Столыпин А.П. На службе России. Очерки по истории НТС. Frankfurt am Main: Possev-Verlag, 1986. URL: <http://ntsrs.ru/content/p-stolypin-na-cluzhbe-rossii> (дата обращения: 18.03.2016).
27. Сунгуров А.Ю. Политический анализ и прогноз в работах российских солидаристов // Политэкс. 2011. Т.4. С.269–270.
28. Третьяков С. О повседневном активизме // За Россию. 1935. Ноябрь. №43/8.
29. Урицкая Л.Р. Они любили свою страну... Судьба русской эмиграции во Франции с 1933 по 1948 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. – 304 с.

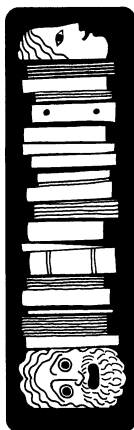
Нет иной проблемы, кроме той,
которая основана на принципах разума
и вытекает из естественной склонности
человека к добру.

Пьер Бейль

**Когда морализируют добрые,
они вызывают отвращение;
когда морализируют злые,
они вызывают страх.**

Ф.Ницше

Елена Мягкова

**«БЕСЫ», «ИГРОКИ»
И «МЕЧТАТЕЛИ»,
ИЛИ КАК ЧЕЛОВЕК
СТАНОВИТСЯ
РЕВОЛЮЦИОНЕРОМ¹**

ЧАСТЬ II

УДК
94(44)04

Политическая культура Французской революции оформилась под воздействием философии Просвещения. Развитие точных и естественных наук утвердило веру в безграничные возможности человеческого разума (рационализм), привело к убеждению в способности человека не только к постижению законов общественной жизни, но также к моделированию ее развития и созданию идеального государства («царства Разума»). Объединяющим началом нового общества выступала не религия, а некий моральный принцип, лежащий в основе его духовного единства. В результате главной категорией социально-политической жизни становилось понятие «добродетели», заимствованное и развитое революционерами в их теоретических сочинениях и реальных действиях.

The political culture of the French revolution appropriated the ideas of Enlightenment. Owing to the evolution of natural and exact sciences the enforced confidence in an infinite capacity of human reason (rationalism) made possible not only activity in acquaintance and direction for social life but even the creation of an ideal state («kingdom of Reason»). The moral order replaced the religion as a main element of spiritual unity in a new society. The “virtue” represented in this way the principal category of social and political life; it was adopted by revolutionaries for their theory and practice.

Ключевые слова: Французская революция (1789–1799); общественно-политическая мысль XVIII в.; политическая культура; теории общественно-политического устройства; представление об идеальном государстве и обществе.

Key words: French Revolution (1789–1799); social and political thought of the XVIII c.; political culture; theories of social and political organization; image of ideal state and society.

E-mail: rgaspi@inbox.ru

¹ Продолжение. Начало см.: Россия XXI. 2016. №1.

II. «ГРАЖДАНСКАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ» ПРОТИВ «ЧАСТНОГО ИНТЕРЕСА»

Политическая культура Французской революции оформилась под воздействием философии Просвещения², главная черта которой – универсализм. Девизом этого универсализма могут служить слова Фридриха Шиллера: «Я пишу как гражданин мира, который не служит ни одному князю»³. В интеллектуальном контексте XVIII века сложилось представление и о единстве образованной элиты в образе «литературной республики». «Писатели всех стран, – утверждал, например, Карло Гольдони в посвящении к комедии "Семья антиквара", – составляют единую республику, являясь благодаря этой прекрасной матери согражданами и братьями. Отдаленность территории, различие климата, несходство языка не делают различными сердце и дух, и ученые, живущие в разных городах, провинциях и странах всего света, относятся друг к другу как жители единой страны, поселившиеся в разных домах. Поэтому ошибается тот, кто презирает другие народы, почитая только свой собственный; но не менее заблуждается и тот, кто превозносит иностранцев и презирает своих соплеменников» [4].

Развитие точных и естественных наук утвердило веру в безграничные возможности человеческого разума (рационализм), а механистическая картина мира породила деизм, приведшие в итоге к убеждению в способность человека влиять на процессы, происходящие в его земной жизни, потеснив в этом качестве идею божественного предопределения [6]. Прогресс познания, таким образом, неизбежно выводит к постижению законов общественной жизни, давая возможность не только моделирования ее развития, но и создания идеального государства («царства Разума»). Цель человеческого существования кардинально изменяется, опускаясь с небес на землю (где приоритет отдается не загробному, а земному миру) и перемещаясь от идеала страдания к обретению счастья.

Философия картезианства, эстетика классицизма придавали просветительской утопии точно определенные форму и содержание. Речь идет о концепции регулярного государства, управление которым находится в руках образованного монарха («философа на троне»), а население состоит из образцовых граждан, ясно сознающих, в чем именно состоят их права и обязанности [25]. Конкретное воплощение описанной модели

² См. об этом первую часть настоящей публикации.

³ Этим же духом универсализма проникнута и знаменитая ода Ф.Шиллера «К радости» (1785).

могло различаться в творчестве просветителей, но почти всегда она принимала образы античной истории (прежде всего римской).

Скрепляющим раствором нового общества и человечества вообще (*humanité*) выступала теперь не религия, а некий моральный принцип, лежащий в основе их духовного единства. В результате главной категорией социально-политической жизни становилось понятие *добродетели* [5]. Заимствованное из христианства, оно подверглось секуляризации и универсализации, превратившись из сугубо конфессиональной в общечеловеческую ценность. Второе и пятое издания (1718 и 1798) Академического словаря французского языка единодушны в своем определении: добродетель – это «свойство души, состоящее в том, чтобы делать добро и избегать зла» [22, р.774; 17, р.732]. Однако вопрос о морально-этических свойствах человеческой природы вызвал серьезные споры.

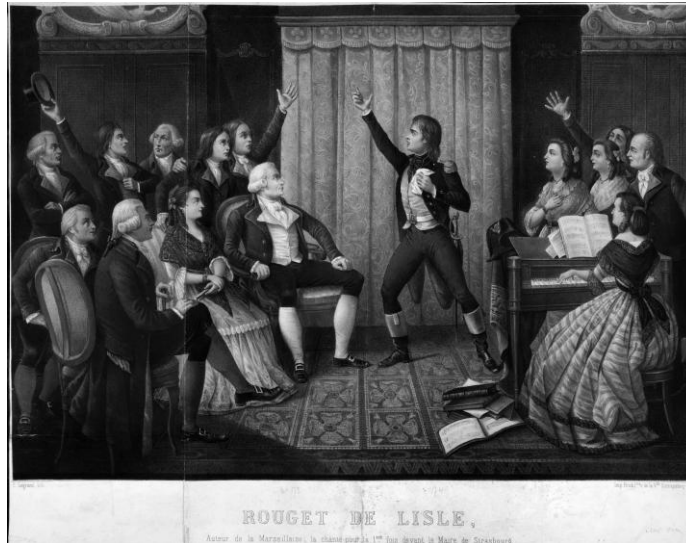
Христианская традиция считала мораль достоянием только своей конфессии и делила добродетели на основные (сила, воздержание, справедливость, благоразумие) и теологальные (вера, милосердие, надежда). Первые присущи человеку сами по себе, как его естественные качества; вторые же исключительно связаны с христианством. Для моралистов XVII в. (Ф.Ларошфуко, например) именно религия выступала основой нравственности [8]. Человек как носитель греха (учение о первородном грехе), заложник собственного честолюбия, раб своих пороков, изначально не способен на подлинно нравственные поступки. Этот пессимизм разделяли и многие философы, заявляя, вслед за Томасом Гоббсом, что в естественном состоянии, главными двигателями которого являются инстинкт самосохранения и врожденный эгоизм, человек способен лишь на «войну всех против всех»⁴.

Однако преобладающим для Просвещения было все же настроение морального оптимизма [18, р.176–185]. Противовесом порочным наклонностям человеческой природы у разных философов служила «естественная мораль», дарованная человеку от природы [26, р.142–144]. Основу этой морали составляли: чувство общительности (*sociabilité*), стремление к получению пользы и любовь к порядку. Убеждение в природной доброте людей было наиболее характерно для английских про-

⁴ Эта традиция проявилась в создании литературных образов, воплощавших абсолютное зло: П.-А.Шодерло де Лакло, «Опасные связи» (1782); С.Ричардсон, «Кларисса, или История молодой леди» (1748); философские сказки Вольтера; Ш.Л.Монтескье, «Персидские письма» (1721).

светителей⁵, получив максимальное развитие в отдельной главе⁶ романа Ж.-Ж.Руссо «Эмиль, или О воспитании» (1761) [13; 7]. Обоснование морали категорией интереса получило развитие у К.А.Гельвеция, называвшего порядочность «привычкой к действиям, которые приносят пользу», а пользу, в свою очередь, – «единственным судьей порядочности и ума» [19]. Наконец, обоснование нравственности ее разумностью, ее осознанной причастностью к всеобщей логике принадлежит Н.Мальбраншу, для которого любовь к порядку – «единственная добродетель – коренная, основная, универсальная» [21].

Из речи Л.А.Сен-Жюста в Конвенте 15 апреля 1794 г.: «Общественный дух идет от рассудка; и так как не все обладают одинаковой способностью суждения и просвещенностью, то общественный дух играет роль импульса. Пусть же у нас будет общественная совесть, поскольку все сердца одинаково восприимчивы к добру и к злу, а общественная совесть есть стремление народа к общему благу» [14, с.160].

Руже де Лилль, автор «Марсельезы», впервые исполняет ее перед мэром Страсбурга. Гравюра Леграна с картины Пилса. Литография раскрашенная (РГАСПИ. Ф.654. КП 76909, ГР 20748)

⁵ Термин *sociabilité* заменялся у Э.Шефтсбери *привязанностью*, у Д.Юма – *симпатией*, у Ф.Хатчесона – *ощущением прекрасного*.

⁶ Глава имела название «Символ веры савойского викария».

Но добродетель не эквивалентна счастью. Если человек любит порядок и пытается сообразовать с ним свои поступки, он не может не заметить, что в обществе реально царит беспорядок. Необходимость реформирования сложившейся общественной и государственной системы привела к появлению добродетелей политических. В трактате «О духе законов» (1748) Ш.-Л.Монтескье пояснял: «под словом республиканская добродетель я разумею любовь к отечеству, то есть любовь к равенству. Это не христианская или нравственная, а политическая добродетель; она представляет ту главную пружину, которая приводит в движение республиканское правительство подобно тому, как честь является движущей пружинной монархии» [9, с. 7].

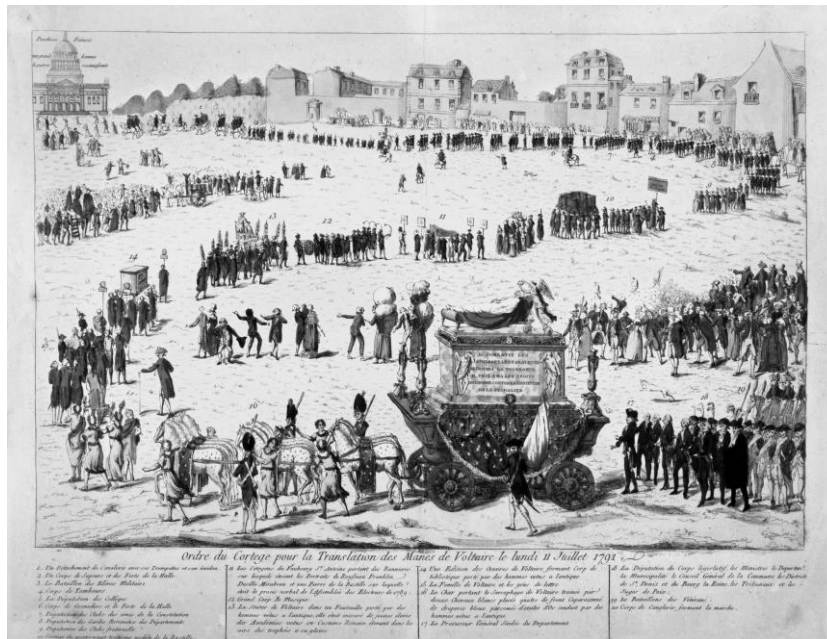
Из доклада М.Робеспьера «О принципах политической морали» (5 февраля 1794 г.): «Итак, каков основной демократический, или народный принцип правления, то есть какова важнейшая движущая сила, которая поддерживает его? Это добродетель; я говорю об общественной добродетели, которая произвела столько чудес в Греции и Риме и которая должна произвести еще более удивительные чудеса в республиканской Франции; я говорю о той добродетели, которая является не чем иным, как любовью к родине и ее законам! Но так как сущностью республики, или демократии является равенство, из этого следует, что любовь к родине обязательно включает и любовь к равенству. Верно то, что это великое чувство предполагает предпочтение общественному интересу всех частных интересов. Отсюда проистекает то, что любовь к родине или предполагает, или производит все добродетели. Ведь что представляют собой добродетели, как не силу души, способную на эти жертвы? И как сможет, например, раб скупости или тщеславия принести своего идола в жертву отечеству? Добродетель – это не только душа демократии, но она может существовать только при этом образе правления <...>

Слабость, пороки, предрассудки – это путь королевской власти» [11, с.109–110].

XVIII век во Франции был временем развития лексикологии в целом и социально-политической терминологии в частности [3]. Термин «нация» стал центральной категорией французской политической культуры. Большинство современников, однако, констатировали ее «испорченность». Среди факторов, определявших процесс формирования национального характера, особую пагубность имели «моральные причины» (история, политика) и лишь отчасти – «физические» (природа). Абсолютная монархия узурпировала «естественные права» населения, лишив его первоначальной добродетели. Наследием феодализма, в свою

очередь, стала экономическая, социальная, культурная и языковая разобщенность территории страны, препятствовавшая складыванию гражданского общества [16].

В связи с этим первые шаги революции порождали закономерный вопрос: может ли нация выступать в роли единственного источника легитимной власти, если она не существует в «аутентичной» форме? Признание несовершенства субъекта нивелировалось, во-первых, убеждением в сохранении (пусть и порочном) его главных сущностных черт, и, следовательно, возможности отделить хорошие семена от плевел. Например, примирить идеал и реальность Д.Дидро смог лишь принятием героической морали, заменив христианский высший (Страшный) суд судом потомков (надысторическим, но земным институтом) [20].

Торжественная церемония перенесения праха Вольтера в Пантеон 11 июля 1791 г. Неизвестный художник. Офорт раскрашенный (РГАСПИ. Ф.654. КП 96717, ГР 20710)

Из доклада М.Робеспьера «О принципах политической морали» (5 февраля 1794 г.): «Республиканская добродетель может быть рассматривается в отношении народа и в отношении правительства; она нужна в одном и другом отношениях. Если правительство лишено этой доброде-

тели, она остается как ресурс в народе, но, когда сам народ развращен, свобода уже погибла. К счастью, добродетель, наперекор предрассудкам аристократии, естественна народу. Нация действительно развращена, если она постепенно теряет свой характер и свою свободу, переходит от демократии к аристократии или монархии. Это упадок, который приведет к смерти политического тела. К тому же надо сказать, что в известном смысле народу не надо обладать большой добродетелью, чтобы любить справедливость и равенство; ему достаточно любить самого себя. Но высшее должностное лицо обязано принести в жертву свои интересы интересам народа, а высокомерие власти – равенству» [11, с.111].

Французский классицизм XVIII в. воспевал гражданственность античности, но не столько греческой (за исключением Спарты), сколько римской, времен Республики. Древняя Греция и Рим, считает французская исследовательница М.Озуф, снабжали людей «прежде всего образцами гражданской доблести. Населить воображение великими мужами значило расставить вехи, помогающие жить, а нередко (вспомним о самоубийстве Ромма) – и умереть. Известно, что в Плутарха современники революции заглядывали чаще всего и Древнюю Грецию узнавали преимущественно по его трудам. Отсюда следует, что они стремились не столько изучить ее, сколько сравняться с ней, словно в чистой, освобожденной от всех "предрассудков" перспективе века Просвещения взгляд должен был покоиться на немногих великих фигурах. Таким образом, легендарные герои античности помогают деятелям революции подняться на уровень того, в чем они видят смысл жизни» [10, с.385]. Выступления в Конвенте, статьи в газетах и литературные произведения пестрят упоминаниями героев и злодеев античности. Ликург, Демосфен, Мильтиад, Аристид, Брут, Катилина, Цезарь, Клавдий, Пизон, Кодр, Катон, Антоний и др. встречаются чуть ли не чаще, чем имена современников [24]. Краткое восклицание Сен-Жюста в его речи в Конвенте 15 апреля 1794 г. очень красноречиво: «Пусть революционеры будут римлянами, а не варварами» [14, с.168].

Искусство в целом призывалось воспитывать чувства патриотического долга в противовес порочной сентиментальности.

*Пусть твой труд хранит печать души прекрасной,
Порочным помыслам и грязи не причастной:
Сурового суда заслуживает тот,
Кто нравственность и честь постыдно предаст,
Рисуя нам разврат заманчивым и милым <...>*

Так пусть всего милей вам добродетель будет!

Ведь даже если ум и ясен и глубок,

Испорченность души всегда видна меж строк [2, с.53].

Неслучайно И.Тэн относит происхождение «революционного духа» к французскому классицизму. Предками Сен-Жюста и Робеспьера были, по его мнению, Н.Буало, П.Корнель, Ж.Расин [15, с.130–143, 181–182].

Из доклада М.Робеспьера «О принципах политической морали» (5 февраля 1794 г.): «Какова цель, к которой мы стремимся? Это мирное пользование свободой и равенством, господство той вечной справедливости, законы которой высечены не на мраморе и не на камне, а в сердцах всех людей, даже в сердце раба, который забыл о них, и в сердце тирана, который их отрицает. Мы хотим иметь такой порядок вещей, при котором все низкие и жестокие страсти были бы обузданы, а все благодетельные и великодушные страсти были бы пробуждены законами; при котором тщеславие выражалось бы в стремлении послужить родине; при котором различия рождали бы только равенство; при котором гражданин был бы подчинен магистрату, магистрат – народу, народ – справедливости; при котором родина обеспечила бы благоденствие каждой личности, а каждая личность гордо пользовалась бы процветанием и славой родины; при котором все души возвышались бы постоянным общением с республиканскими чувствами и потребностью заслужить уважение великого народа; при котором искусства являются украшением свободы, облагораживающей их, а торговля – источником богатства народа, а не только чудовищной роскошью нескольких семей» [11, с.107–108].

Неприятие окружающей действительности, лежавшее в основе литературы XVII–XVIII вв., решительный разрыв между вымыслом и реальностью находят свое логическое завершение в стремлении якобинцев к искоренению старой и насаждению новой культуры (смена календаря, летоисчисления, географических названий, мер и весов). Во имя чистого Разума конкретная повседневность, практическая политика, индивидуальность заменялась абстрактным, мифическим, универсальным человечеством, которое, полностью переродившись, выражало всем своим обликом и манерами торжество всемогущего принципа и несокрушимой логики.

Из доклада М.Робеспьера «О принципах политической морали» (5 февраля 1794 г.): «Мы хотим заменить в нашей стране эгоизм нравственностью, честь честностью, обычаи принципами, благопристойность обязанностями, тиранию моды господством разума, презрение к несча-

стью презрением к пороку, наглость гордостью, тщеславие величием души, любовь к деньгам любовью к славе, хорошую компанию хорошими людьми, интригу заслугой, остроумие талантом, блеск правдой, скуку сладострастия очарованием счастья, убожество великих величием человека, любезный, легкомысленный и несчастный народ народом великодушным, сильным, счастливым, то есть все пороки и все нелепости монархии заменить всеми добродетелями и чудесами республики» [11, с.108].

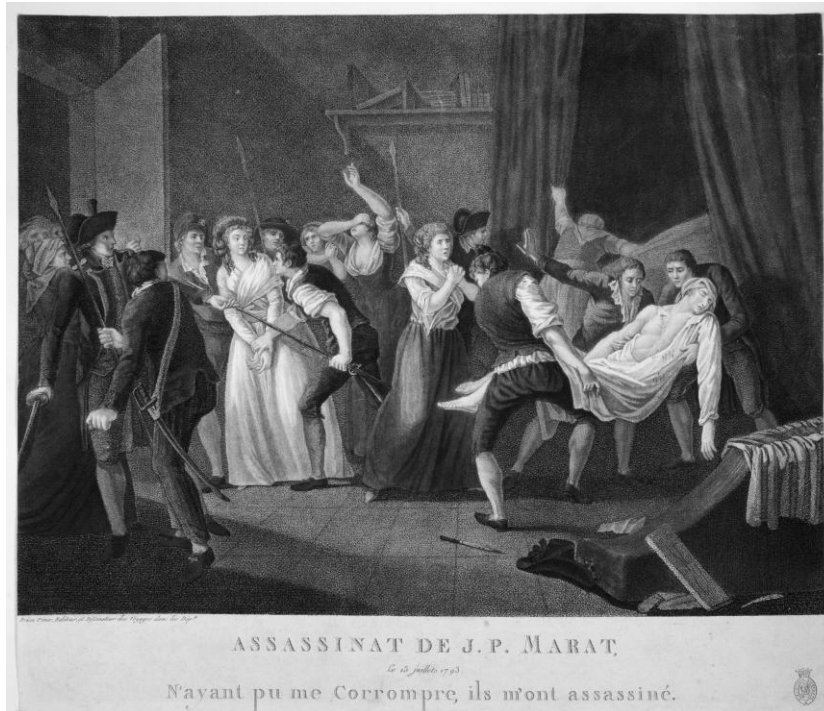
Во-вторых, люди 1789 г. искренне верили в образ гигантского исторического слома. Краткий миг, по мнению Ж.А.Кондорсе, создал разрыв, равный веку между человеком прошлого и настоящего, воплотив идею нравственного «очищения», «перерождения» (*régénération*) [23]. Эта идея запечатлелась в воображаемом пространстве эпохи в образах великанов и карликов, восстания рабов, пробуждения ото сна, полива увядших растений.

Однако предполагаемое царство гармонии было далеко от воплощения: на смену Великому страху и «заговору аристократов» пришли эмиграция, бегство короля, иностранная интервенция, повсеместные крестьянские «жакерии», бескомпромиссная борьба клубов и фракций. Мистическое «взрывное» перерождение обрело новый статус – долгого, трудного, болезненного процесса. Пагубные идеи проистекают из доверчивости и необразованности простолюдинов, и, следовательно, главной задачей правительства должна стать «гражданская педагогика» (начальное образование, пропаганда, революционные праздники) [10]. Культ революционных героев, наделенных всеми гражданскими добродетелями, был одним из рычагов воздействия на общественное сознание⁷. Мирные средства не всегда эффективны в эпоху потрясений и должны быть дополнены хорошо осознаваемым насилием.

Из доклада М.Робеспьера «О принципах политической морали» (5 февраля 1794 г.): «Если движущей силой народного правительства в период мира должна быть добродетель, то движущей силой народного правительства в революционный период должны быть одновременно добродетель и террор – добродетель, без которой террор пагубен, террор, без которого добродетель бессильна. Террор – это не что иное, как быстрая, строгая, непреклонная справедливость, она, следовательно, является эманацией добродетели; он не столько частный принцип, как

⁷ Речь здесь идет как о создании Пантеона, так и о мероприятиях, посвященных годовщинам смерти революционных лидеров.

следствие общего принципа демократии, используемого при наиболее неотложных нуждах отечества» [11, с.112].

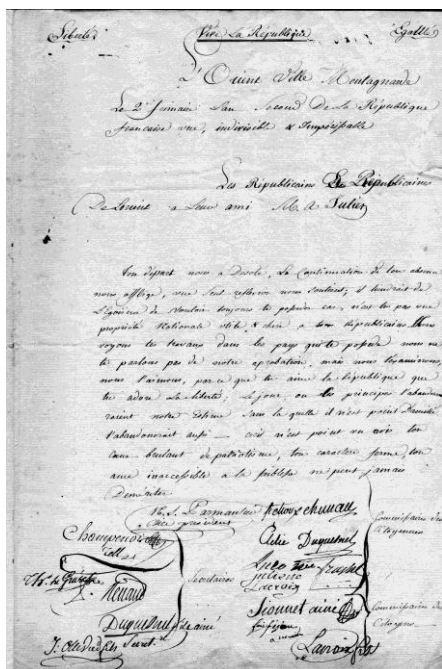

Убийство Ж.-П.Марата 13 июля 1793 г. Гравюра Л.Бриона. Офорт раскрашенный (РГАСПИ. Ф.654. КП 34634, ГР 20882)

Предлагаемые вниманию читателей документы призваны отразить сложный процесс становления политической культуры на примере судьбы одного из видных деятелей революции Марка-Антуана Жюльена (Marc-Antoine Jullien)⁸ (10.03.1775–04.11.1848). Его карьера прошла через все этапы той бурной эпохи. Убежденный якобинец, М.-А. Жюльен в 19 лет был назначен комиссаром Комитета общественного спасения, посвятив себя делу распространения новых идеалов в различных областях страны, куда он неоднократно направлялся с миссиями. Полу-

⁸ М.-А.Жюльена обычно называют Жюльеном-младшим, или Жюльеном из Парижа, в отличие от его отца Марка-Антуана Жюльена-старшего, или Жюльена из Дромы (1744–1821), депутата Конвента, профессора, литератора.

чив известность как сторонник революционно-демократических принципов 1793 года, М.-А.Жюльен после падения якобинской диктатуры был арестован по обвинению в «терроризме». Несмотря на очевидную несправедливость обвинения, провел в различных тюрьмах Парижа около 15 месяцев и был выпущен на свободу за недостатком доказательств. Поддерживая главные идеалы революции, М.-А.Жюльен одновременно не являлся ни сторонником М.Робеспьера, ни сторонником Г.Бабёфа с его теорией уравнилельного коммунизма.

[Письмо] республиканцев и республиканок города Лориан своему другу М.-А.Жюльену. [22 ноября 1793 г.]

Документы №1 и 4 представляют собой частные письма, где их авторы развивают свои представления о гражданских добродетелях, приводя разные примеры и обращаясь к революционному опыту разных людей. Документы №2 и 3 являются одними из любопытнейших свидетельств эпохи, а именно: практики характеристик, распространившейся с момента провозглашения Республики. Все граждане должны были представить доказательства своей твердой гражданственности и добродетельного поведения, а лица, занимавшие общественную должность,

были обязаны получить удостоверение в благонадежности («сертификат гражданственности»). Такие документы выписывались либо членами местной администрации, либо (что было чаще) – представителями революционных обществ. «Коллекции» же отзывов, засвидетельствованных членами народных обществ, служили своего рода рекомендательными письмами при назначении на государственные или военные должности.

Все документы являются частью личного фонда М.-А.Жюльена из коллекции Российского государственного архива социально-политической истории [1] и публикуются впервые.

№ 1

**Лакюз Жан-Жерар⁹, начальник штаба Пиренейской армии
[Письмо] Жюльену Марку-Антуану, военному комиссару в городе По**

Тулуза, 12 марта 1793 года.

2-ой год Республики

Какое восхитительное письмо Вы написали мне, гражданин! Да, во всем том, что Вы написали мне о пылкости, рвении и великодушии патриотических Обществ По и Леско¹⁰, я узнаю наших бравых французов, наших благородных братьев. И если в настоящий момент они проявят себя рабами тиранов, а мы сорвем с них дерзкую спесь, основанную на унижительной благосклонности их господ, показав им ту благородную радость, с которой мы спешим проливать нашу кровь в защиту наших сограждан, одушевленных благородством свободных людей и способных потому пренебречь собственными выгодами для сохранения своей и нашей свободы, кто сможет тогда запугать нас трудностями и опасностями? Разве для нас, переполненных чувством гордости за своих сограждан, чей благородный энтузиазм видится нам образцом для подражания, разве для нас существует враг, которого мы не осмелились бы атаковать, и разве существует враг, который смог бы противостоять нашим усилиям [?]

Прошу Вас выразить чувства восхищения и признательности, разделяемые нами всеми, по отношению к нашим великодушным¹¹ согражданам По и Леско, а также поблагодарите их за тот пример мужества, кото-

⁹ *Лакюз Жан-Жерар, граф де Сессак (Lacuze Jean-Gérard, comte de Cessac), 1752–1841, французский государственный деятель, генерал.*

¹⁰ *Города в департаменте Нижние Пиренеи (совр. Атлантические Пиренеи).*

¹¹ *Далее зачеркнуто одно слово (вероятно, «защитникам»).*

рый они преподнесли нам всем, показав полное бескорыстие в деле защиты свободы, первого из всех наших благ.

Я также восхищен Вашим рассказом о 4-м батальоне Нижних Пиренеев. Ах, если бы все военные части, которых справедливость призывает на защиту, могли бы также оправдать наши ожидания! Предложение, которое Вы сделали мне о предоставлении Вам права¹² передать снаряжение, предназначенное 4-му [батальону] Верхних Пиренеев и размещенное по распоряжению министра¹³ на хранении в Тарб¹⁴, меня сначала соблазнило; но затем я подумал, что департаменту Верхних Пиренеев это обмундирование может еще потребоваться, тем более, что администрация Нижних Пиренеев объявила сбор средств для своего 4-го батальона, и, следовательно, я не могу отдать Вам того снаряжения, о котором Вы просите <...>.

Ж.-Ж. Лакюз

Автограф Лакюз. В тексте имеются отметки рукой Жюльена. Бумага с водяными знаками.

РГАСПИ. Ф.317. Оп.1. Д.91. Л.1–1 об. Подлинник. Рукопись.

№2

[Письмо членов Народного общества города Сен-Мало¹⁵ Жюльену Марку-Антуану]

*Сен-Мало, 29-го числа 2-го месяца
2-го года Французской республики,
единой и неделимой
[19 ноября 1793 года]*

Жюльен,

Дважды ты появлялся в наших стенах, дважды ты завоевывал наше почтение и вызывал сожаления.

В твоём ещё юном возрасте ты уже получил право на любовь настоящих республиканцев и будешь обладать долее других этим драгоценным преимуществом.

¹² Слова «о предоставлении Вам права» вписаны над строкой.

¹³ Имеется в виду военный министр **Бёрнонвиль Пьер Риель де** (Beurnonville Pierre Riel de), 1752–1821, занимавший этот пост с 4 февраля по 1 апреля 1793 г.

¹⁴ Административный центр департамента Верхние Пиренеи.

¹⁵ Город в департаменте Иль и Вилен, на западе Франции.

Продолжай оставаться верным сторонником Республики и искренним другом народа. Блестящая карьера ждет тебя, у тебя есть необходимые усердие и талант, чтобы с достоинством следовать по этому пути.

Ты соединил нас друг с другом, ты научил нас любить Родину через принятие священных обязательств, семена которых были заложены в наших сердцах, но пробуждение которых всецело принадлежит тебе, о чем¹⁶ мы всегда вспоминаем с признательностью.

Твое имя долго будет на устах граждан, гражданок и даже детей нашего города, а память о тебе – в их сердцах.

Если станет возможным, что эта память ослабеет, будет достаточно одного лишь славного имени, чтобы пораженные им жители коммуны Победы восстановили бы ее со всей энергичностью. Мы хотели бы сказать тебе, что это крещение¹⁷ является одним из твоих благодеяний.

Возвращайся к нам, Жюльен. Наши сердца и наши братские руки ждут тебя. Ты знаешь, с каким рвением мы любим нашу Родину и служим ей, с каким удовольствием следим мы за подобными тебе апостолами свободы.

Подписи членов Народного общества (на 4-х листах)

Гербовая бумага с водяными знаками.

РГАСПИ. Ф.317. Оп.1. Д.242. Л.1–3. Подлинник. Рукопись.

№3

**[Письмо] республиканцев и республиканок города Лориан¹⁸ своему другу М[арку]-А[нтуану] Жюльену
Свобода, Равенство, Да здравствует Республика**

*Лориан, город монтаньяров¹⁹
2 фримера 2-го года Французской республики,
единой, неделимой и Вечной
[22 ноября 1793 года]*

Твой отъезд нас огорчил, твое долгое отсутствие печалит нас, единственная мысль поддерживает нас; она проистекает из эгоистического стремления всегда располагать тобой, ибо не являешься ли ты нацио-

¹⁶ Слова «о чем» вписаны над строкой.

¹⁷ Имеется в виду переименование коммуны Сен-Мало. Многие коммуны в 1793–1794 гг. получали новые, революционные имена.

¹⁸ Город в департаменте Морбиан, на западе Франции.

¹⁹ Имеется в виду переименование коммуны Лориан в эпоху революции.

нальным достоянием, дорогим и необходимым для каждого республиканца? Мы видим твою работу в том регионе, где ты находишься. Не лишая тебя нашего одобрения, мы экзаменуем тебя, и наша любовь зависит от того, насколько ты любишь Республику и считаешь свободу. В тот день, когда эти принципы покинут²⁰ тебя, наше уважение, без которого нет и дружбы, покинет тебя тоже. Но это не более, чем предупреждение: твое сердце, горящее чувством патриотизма, твой твердый характер, твоя душа, неприступная для слабости, никогда не могут обмануть.

Подписи уполномоченных представителей от жителей города

Бумага с водяными знаками.

РГАСПИ. Ф.317. Оп.1. Д.246. Л.1. Подлинник. Рукопись.

№4

**[Письмо] народного представителя Тальена [Жана-Ламбера]²¹
в Национальный клуб города Бордо**

Париж, 22 флореаля 2-го года Республики,

[11 мая 1794 года]

Друзья мои, я отправляю вам доклад, прочитанный Робеспьером²² несколько дней назад в Национальном конвенте от имени Комитета общественного спасения. Я приглашаю вас зачитать его как на ваших собраниях, так и в храме Разума. Необходимо распространять излагаемые в нем принципы. Это кредо французского Народа, опубликованное Национальным конвентом. Это лучший из ответов, который мы можем дать всем нашим врагам, всем тем, кто хотел доказать, что Мораль не является свойством характера обновленных²³ французов. Подлинная правда этого доклада имеет не религиозный, а политический, Революционный характер, которую (*правду*. – прим. переводчика) нужно распространять с максимальным рвением. С вашей стороны было бы хорошо направить в деревни миссионеров, чьей задачей стало бы предупреждение добродетели.

²⁰ Слово «покинут» написано с исправлением.

²¹ **Тальен Жан-Ламбер** (Tallien Jean-Lambert), 1767–1820, французский политический деятель, журналист.

²² Имеется в виду речь М.Робеспьера в Конвенте (от 07.05.1794) и декрет Конвента о культе Верховного Существа (см.: [12]).

²³ Имеется в виду идея нравственного «очищения», «перерождения» (*régénération*), о которой говорится в предисловии к настоящей публикации (см.: [23]).

тельных жителей против вероломного подстрекательства врагов общественного блага.

В настоящий момент нет ни новостей, ни интересных событий в наших армиях. Идет всеобщее приготовление к большому натиску, и очень скоро мы получим известия о славных делах наших генералов. Относитесь скептически к любой информации и пристально наблюдайте за людьми, распространяющими ложные новости.

Оскорбление, нанесенное величию Народа, вчера было, наконец, отомщено. Души наших граждан, умерших за свободу и взывавших к отмщению, были удовлетворены. Голова *Елизаветы*²⁴, сестры последнего нашего тирана, пала на эшафоте вместе с головами 24 заговорщиков. Каждый день, таким образом, приближает триумф свободы.

Я только что узнал, граждане, что клевета обо мне захватила Бордо²⁵. Впрочем, мне хотелось бы верить, что ее распространение исходит лишь от аристократов, федералистов и врагов народа. Я не опущусь до оправданий и в глубине души убежден, что в случае необходимости Национальный клуб в полном составе послужит мне защитником. Но если меня заставят говорить, я пренебрегу всякой осторожностью и назову имена настоящих интриганов, людей, кажущихся сегодня патриотами, потому что это соответствует их интересам, а назавтра забывающих свой долг перед народом, потому что его враги предлагают им более высокую цену. Напротив, я отстранился от больших властных полномочий, которые мог бы еще удерживать в той коммуне, где народ, как мне кажется, любил меня. Я удалился в тень, я нахожусь в моем мирном и скромном пристанище, но, если меня вынудят выйти из него, многие люди, распространяющие слухи о моем поражении, получат недвусмысленное подтверждение обратному. Я

²⁴ *Мадам Елизавета, или Елизавета Французская (Madame Élisabeth) (1764–1794), полное имя – Елизавета Филлипин Мари Элен (Élisabeth Philippine Marie Hélène), младшая сестра последних королей Франции Людовика XVI, Людовика XVIII и Карла X. Мадам Елизавета находилась в заключении в тюрьме Тамплль вместе с королевской семьей с 1792 г., а 10 мая 1794 г. была приговорена к смерти на гильотине.*

²⁵ *В качестве комиссара Конвента в Бордо Тальен скомпрометировал себя не только жестокими репрессиями, но и вызывая роскошным образом жизни в обстановке всеобщей нехватки продовольствия, вызвав тем самым доносы в Комитет общественного спасения на его коррупционную деятельность. Документ касается событий, последовавших сразу за отзывом Тальена из Бордо.*

есть и всегда буду прежним; интриганы и лжепатриоты всегда найдут меня готовым к смертельной битве с ними.

С братским приветом,
Тальен

Р.С. Комитет общей безопасности только что арестовал Паша²⁶, мэра Парижа <...>. Я дам вам знать о причинах этого ареста, как только буду иметь о них достоверную информацию.

Бумага с водяными знаками.

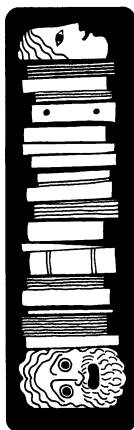
РГАСПИ. Ф.317. Оп.1. Д.470. Л.1–2. Подлинник. Рукопись.

Библиографический список

1. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.317. Оп.1.
2. Буало-Депрео Н. Поэтическое искусство / Пер. Э.Л.Линецкой; вступ. ст. и коммент. Н.А.Сигал. М.: Гослитиздат, 1957. 180 с.
3. Будагов Р.А. Развитие французской политической терминологии в XVIII веке. 2-е изд. М.: Добросвет-2000, 2002. 176 с.
4. Гольдони К. Комедии. Л.; М.: Искусство, 1959. Т.1. 812 с.
5. Делон М. Мораль // Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В.Ферроне и Д.Роша; пер. с итал. М.: Памятники ист. мысли, 2003. С.42–50.
6. Длугач Т.Б. Подвиг здравого смысла, или Рождение идеи суверенной личности (Гольбах, Гельвеций, Руссо). М.: Канон+, 2008. 336 с.
7. Котляревский С.А. Гражданская религия у Руссо (Посвящается П.И.Новгородцеву) // Ж.-Ж. Руссо: Pro et contra. Идеи Жан-Жака Руссо в восприятии и оценке русских мыслителей и исследователей (1752–1917). Антология / Сост., вступ. ст. и коммент. А.А.Златопольской. СПб.: Изд-во Рус. Христианс. гуманитарной акад., 2005. С.601–614.
8. Ларошфуко Ф. де. Максимы; Паскаль Б. Мысли; Лабрюйер Ж. де. Характеры / Вступ. ст. В.Бахмутского. М.: Художеств. лит., 1974. 541 с.
9. Монтескье Ш.Л. де. О духе законов / Сост., пер. и коммент. А.В.Матешук. М.: Мысль, 1999. 672 с.
10. Озуф М. Революционный праздник: 1789–1799 / Пер. с фр. М.: Яз. слав. культуры, 2003. 416 с.

²⁶ *Паш Жан-Никола (Pache Jean-Nicolas), 1746–1823, французский политический деятель, якобинец; военный министр (18.10.1792–04.02.1793) и мэр Парижа (14.02.1793–10.05.1794).*

11. Робеспьер М. О принципах политической морали. Доклад 5 февраля 1794 г. // Робеспьер М. Избр. произведения в 3 т. М.: Наука, 1965. Т.3. С.106–121.
12. Робеспьер М. Об отношении религиозных и моральных идей к республиканским принципам и о национальных праздниках. Речь 7 мая 1794 г. // Робеспьер М. Избр. произведения в 3 т. М.: Наука, 1965. Т.3. С.161–181.
13. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании / Ст. [П.Первова]; пер. с фр. М.: К.И.Тихомиров, 1911. 756 с.
14. Сен-Жюст Л.А. Об общей полиции, о правосудии, торговле, законодательстве и преступлениях фракций (Доклад, представленный Национальному конвенту от имени Комитетов общественного спасения и общей безопасности 26 жерминаля II года [15 апреля 1794 г.]) // Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактаты. СПб.: Наука, 1995. С.155–171.
15. Тэн И. Происхождение современной Франции / Пер. с фр. СПб.: Тип. П.Ф.Пантелеева, 1907. Т.1. 295 с.
- 16.2. Bell D.A. The Cult of the Nation in France: Inventing Nationalism (1680–1800). Cambr., Mas.; L.: Harvard Univ. press, 2001. 322 p.
17. Dictionnaire de l'Académie française revu, corrigé et augmenté par l'Académie elle-même. 5-me éd. P.: Chez J.-J.Smits, 1798. T.2 (L–Z). 775 p.
18. Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une Société des gens des lettres. Neuchâtel: Chez Samuel Faulche, s.d. [1765]. Vol.16 (Venerien-Z). 880 p.
19. Helvétius C.A. De l'esprit. P.: Chez Durand, 1758. 685 p.
20. Leith J. The Idea of Art as Propaganda in France (1750–1799). A Study in the History of Ideas. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1965. 178 p.
21. Malebranche N. Traité de morale. Nouvelle édition, augmentée dans le corps de l'ouvrage, & d'un Traité de l'amour de Dieu à la fin, par le P. Malebranche. Lyon: Chez L. Plaignard, 1697. P.1–2. 286 p.; 256 p.
22. Nouveau dictionnaire de l'Académie française dédié au Roy. P.: Chez J.-B.Coignard, 1718. T. 2 (M–Z). 820 p.
23. Ozouf M. L'homme régénéré. Essai sur la Révolution française. P.: Gallimard, 1989. 239 p.
24. Parker H.T. The Cult of Antiquity and the French Revolutionaries. A Study in the Development of the Revolutionary Spirit. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1937. 215 p.
25. Raeff M. The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in Germanies and Russia (1600–1800). N.Haven; L., 1983. 276 p.
26. Voltaire [Caritat J.-A.-N. de]. Dictionnaire philosophique. Morale // Œuvres complètes de Voltaire. P.: De l'Imprimerie de la Société littéraire-typographique, 1784. Vol.42. P.142–144.

Андрей Юрганов

А.К.ВОРОНСКИЙ В ЛИТЕРАТУРНОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

(СЕРЕДИНА 20-Х – НАЧАЛО 30-Х ГГ. XX В.)¹

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

УДК 929

94(47)084

В заключительной части статьи речь идет о политическом преследовании А.К.Воронского, о следственных делах, которые раскрывают механизм травли в эпоху сталинизма. В публикуемом архивном фрагменте следственного дела 1937 года содержится подробная характеристика Воронским партийных, литературных деятелей, причислявшихся властью к троцкистской оппозиции. Несмотря на судебный характер документа, сведения, в нем содержащиеся, не противоречат тому, что нам известно по другим источникам – радикально меняются только оценки: то, что было легальной фракционной деятельностью во второй половине 20-х годов, в 1937 году квалифицировалось как тяжкое преступление против партии большевиков. Новый документ, вводимый в научный оборот впервые, поможет исследователям разобраться в хитросплетениях политических и литературных отношений вокруг журнала «Перевал», одним из создателей которого был Воронский.

In the final part of the article A.K.Voronskii's political persecution is discussed, as well as investigative cases, that reveal harassment mechanism employed during the Stalinist era. The published archival excerpt from investigation file opened in 1937, contains a detailed description by Voronsky of the party and literary figures whom the authorities considered part of the Trotskyist opposition. Despite the origins of the document, its data does not contradict our information from alternative sources. Just the assessments are radically different. What was the legal factional activity in the second half of the 1920s, in 1937 already was treated as a grave crime against the Bolshevik Party. The new document, which is introduced into scientific circulation, will help researchers understand the intricacies of political and literary nature relating to the "Pereval" journal, where Voronsky was one of the founders.

Ключевые слова: пролетарская культура; пролеткульт; цензура; попутчики; литературный процесс, троцкизм.

Key words: the proletarian culture; the Proletkult; censorship; fellow-travellers; literary process; Trotskyism.

E-mail: iurganov@yandex.ru

¹ Окончание. Начало см.: Россия XXI. 2016. №1. Стилистика документов сохранена, орфография и пунктуация приведены в соответствие нормам современного русского языка.

Партийное дело

«Партийное дело А.К.Воронского» (хранится в РГАСПИ) частично опубликовано [7]. Как заметили публикаторы, «красной нитью проходит обвинение его в троцкизме» [7,

с.270]. Если напостовцы говорили о строительстве пролетарской литературы, то Воронский, поддерживая Троцкого в тезисе о невозможности построить ее сразу, оказывался в ситуации противника пролетариата. Любое объяснение того, что это не так, рассматривалось как оправдание оппозиционной деятельности. Коллективное и бездушное начало, замазавшее «Мы», которому не поверил Воронский в 1922 г. [5, с.134], стало превращаться в реальность его личной судьбы.

В «Партийном деле» отложились документы, свидетельствующие о борьбе с влиянием Воронского на литературный процесс. Так, судя по выпискам из протоколов заседаний Оргбюро ЦК, вопрос о *Красной нови* обсуждался 29 августа 1924 г. и было вынесено постановление о расширении редакционной коллегии. Вхождение Ф.Ф.Раскольников, сочувствовавшего напостовцам, и В.Г.Сорина, заместителя заведующего отделом печати ЦК РКП (б), лишало Воронского всякой свободы действий.

В 1925 г. Раскольников в редколлегии *Красной нови* заменил Ем.Ярославский, ситуация изменилась в лучшую сторону. ЦК РКП (б) принял постановление «О политике партии в области художественной литературы». Комиссию, готовившую постановление, возглавлял М.В.Фрунзе, что во многом помогло Воронскому остаться в прежней должности. Но борьба, шедшая с переменным успехом, завершилась поражением Троцкого, а следовательно и Воронского. 18 апреля 1927 г. в отделе печати ЦК ВКП (б) состоялось обсуждение журнала *Красная новь*. Говорили, в частности, и о том, как прошел юбилейный вечер, посвященный пятилетию журнала. В числе приглашенных в ЦК партии для обсуждения журнала были в основном напостовцы: Л.Авербах, А.Зонин, В.Киршон, Ю.Либединский, В.Сорин, А.Фадеев и др. Раскольников говорил о том, что «нужно политизировать» журнал [7, с.272, 273].

Сразу после своего ареста в январе 1929 г. Воронский отправил наркому Рабоче-крестьянской инспекции и председателю ЦКК Серго Орджоникидзе заявление, в котором сообщал, что в активной оппозиционной деятельности (а подразумевалась нелегальная работа²) участия не принимал. Но он не отрицал свое вхождение в круг оппозиции.

² 24 января 1929 г. в «Правде» и «Известиях» было опубликовано сообщение ТАСС об

В самом конце января 1929 г. в помещении ОГПУ Ем.Ярославский полтора часа говорил с Воронским, как было им сказано в письме, обращенном к Г.К.Орджоникидзе и И.В.Сталину, «согласно данного мне поручения». Ярославского волновал один вопрос, принимал ли Воронский участие в подпольной работе оппозиции или нет. Пересказывая их разговор, Ярославский отмечал:

Он заявил, что если можно ему предъявить какие-нибудь обвинения в том, что он вел работу у троцкистов, то его отношение можно было бы характеризовать словами: «Воронский сбоку помогал троцкистам»; он заявил, клянясь именем Ленина и всем своим большевистским прошлым, что он ни в подпольный политический центр, ни в контрольную комиссию не входил и не организовывал никакой контрольной комиссии; что он припоминает случай, когда к нему обратился некий Стопалов³ (эту фамилию он подтвердил после напоминания ему), который рассказал ему об обвинениях троцкистов по отношению к нему, Стопалову, что он является агентом ОГПУ. Воронский отказался с ним разговаривать [7, с.280].

Возник вопрос о «Красном Кресте» оппозиции. Воронский не скрыл, что помогал этой организации и что «в такой помощи нет ничего плохого». Ярославский оценил честность Воронского:

Он разделяет взгляды троцкистов, как они изложены в платформе, хотя у него по ряду вопросов (он не считает удобным об этом говорить в условиях заключения ГПУ) существуют разногласия. Он не разделяет, например, ни призывов к стачечной борьбе, ни других таких же методов работы. Он даже не знаком с литературой, которая выходила у троцкистов, кроме одной–двух листовок и нескольких писем. Он ни с кем не вел политической переписки, это может удостоверить ОГПУ [7, с.281].

В итоге Ярославский констатировал:

Я ознакомился со всеми материалами, которые имеются в деле Воронского в ГПУ, и прихожу к выводу: подвергать его строгой изоляции нет никакой необходимости. Достаточно будет, если он будет выслан из

аресте 150 человек, входивших в «нелегальную троцкистскую организацию». Среди них был А.К.Воронский.

³ Григорий Михайлович Стопалов (1900–?), во время гражданской войны был в подполье у Деникина, затем закончил Институт красной профессуры, автор ряда научных трудов, числился оппозиционером, в 1932 г. Особым совещанием при ОГПУ по статьям 58-10, 58-11 УК РСФСР приговорен к трем годам лагерей.

Москвы не в промышленный район, примерно в Липецк Тамбовской губернии, так как Воронский очень больной человек [7, с.282].

Сразу после возвращения из ссылки Воронский завершает публикацию романа «За живой и мертвой водой» в *Новом мире*, публикует роман «Глаз урагана» в журнале *Звезда*, «Героические новеллы» (в *Новом мире*), пишет для серии ЖЗЛ книги, посвященные Желябову и Гоголю.

12 марта 1930 г. Воронский обратился в ЦК ВКП (б) с заявлением в ответ на публикацию в газете *Комсомольская правда* статьи М.Гребенникова под названием «Непогребенные мертвецы», посвященной «Перевалу» и перевальцам.

...автор утверждает, будто я проповедовал политическую нейтральность в искусстве, аполитичность, бессмысленность идеологического воздействия на художников, искусство для искусства, уход в мир грез и т.п. В заключение он заявляет, что мои теоретические работы отражают «взгляды антисоветской стихии на литературу». Содружество писателей «Перевал» называется им «реакционнейшей литературной группировкой», кулацкой, нэпмановской, дворянской, за что главная вина возлагается опять же на меня [7, с.283].

Эта литературная группа была создана им в 1924 г. Она объединяла как коммунистов, так и попутчиков. По мере сил перевальцы старались противостоять натиску напостовцев. С 1924 по 1932 г. было выпущено 8 сборников. Отделения «Перевала» были в Одессе, Киеве, Ленинграде, Минске, Баку и других городах. Численность литературной группы достигала в 1926–1928 гг. тысячи человек. В основной костяк входили писатели И.Катаев, Н.Зарудин, П.Слетов, Р.Акульшин, А.Мальшкин, В.Наседкин, А.Новиков, Е.Вихрев, Н.Замошкин, Д.Горбов, Б.Губер. В разное время в «Перевал» входили поэты И.Приблудный, М. Голодный, М.Светлов, Э.Багрицкий, прозаики А.Веселый, И.Евдокимов, Н.Огнев, И.Касаткин, М.Миров, Е.Тагер и др. [9; 11].

13 сентября 1927 г. члены «Перевала» в письме, направленном в Отдел печати ЦК ВКП (б), сообщали, что они отказываются сотрудничать с журналом *Красная новь* после ухода из него Воронского. Причина была понятна – приход напостовцев в руководство журнала. Когда вышла статья М.Гребенникова, члены «Перевала» направили письмо «Против клеветы», опубликованное в *Литературной газете* 10 марта 1930 г. В составе «Перевала» еще оставались И.Катаев, Б.Губер, А.Новиков, А.Мальшкин, Н.Зарудин, П.Павленко, Д.Горбов, П.Слетов, Е.Вихрев, Н.Смирнов, С.Пакентрейгер, Г.Глинка, Н.Замошкин, В.Кудашев. 17 марта 1930 г. в той же газете был опубликован уже раз-

вернутый ответ перевальцев на статью *Комсомольской правды*. Она называлась «И др., и пр., и т.д.» и содержала подробный перечень всех передернутых цитат из перевальских сочинений. Но в том же номере была опубликована статья М.Бочачера «Гальванизированная воронщина (о "Ровесниках")». 14 и 21 апреля 1930 г. в *Литературной газете* увидела свет декларация перевальцев, принятая на общем собрании. 21 апреля в том же номере публиковалась статья с названием «Конец "Перевала"» [2, с.327, 340, 347].

30 апреля 1930 г. о «Перевале» прошла дискуссия в стенах Коммунистической академии. Героически сопротивлялись идеологическим нападкам А.Лежнев, Д.Горбов и П.Слетов⁴.

В сборнике «Ровесники» за 1930 г. был напечатан своеобразный манифест «Перевала», автором которого стал А.Лежнев. Несмотря на огромное давление со стороны напостовцев, «Перевал» стремился выстоять и даже сформулировать свое *credo*. Лежнев прямо указывал, что «Перевал» *остался тем же* – «сохранил свою первоначальную литературно-общественную установку» [8, с.5]. Более того, Лежнев напомнил критикам: то, о чем писали перевальцы, стало признаваться в советской литературе как явление, совсем не чуждое пролетарской культуре. Например, необходимость психологизма, «живого человека», преодоления бытовизма и схематизма⁵.

Одно из главных положений «Перевала» – требование искренности художника. Это не моральное требование, а художественная проблема.

⁴ В «Резолюции секции литературы и искусства Коммунистической академии о содружестве писателей "Перевал" перевальцам припомнили все прошлые обвинения. Им были вменены в вину связь с Воронским, троцкизм, "неокантианство и берасонизм", "интуитивизм в сочетании с наивным реализмом", атака на теорию классовой борьбы, противопоставление искренности "классово-политической направленности творчества", апология "избранничества" (моцартианство), "новый гуманизм" (он был расценен как намеренное противопоставление "в дни жесточайших классовых битв" "борющемся классовому человеку пролетариата – человека вообще, человека с большой буквы, "живого человека"» [2, с.350].

⁵ Однако Г.А.Белая сомневалась в том, что это усвоение случилось на самом деле: «Общность терминологии – "живой" человек – создавала иллюзию близости в постановке проблемы между рапповцами и перевальцами. Рапповцы, казалось, писали о том же... И все же близость была иллюзорной. Даже будучи увлечены новой проблемой, рапповцы оставались в пределах схематического рационализма...» [2, с.194].

«Перевал», как считал Лежнев, постепенно превращался в школу-направление со своей философией искусства. Главное в этой философии – моцартианство, противостоящее волнам сальеризма, своеобразной лефовской «фактографии», которая проявляется в «рассудочном творчестве конструктивистов, в рационалистических теориях ряда критиков». Лежнев определял моцартианство через публикуемую повесть П.Слетова «Мастерство».

Однако, по мысли Лежнева, моцартианство не отрицает сальеризма, оно преодолевает его: «Оно мыслимо лишь при наличии художественной, эстетической культуры» [8, с.15].

Итак, кредо перевальцев заключалось в искусстве видеть непосредственно, искренне. Это не наивный реализм и не старый натурализм, а смелость художника, который открыт для восприятия трагедийного начала в жизни. «Это такое искусство, в котором невозможны Жаровы и Безыменные». Ибо они не видят «основные конфликты эпохи» и боятся вступить в противоречие с общепринятым мнением. Трагедийное искусство – «большое, серьезное искусство, чуждое дешевого благополучия и чиновничьей благонамеренности, не старающееся покрыть все розовым лаком идиллии, поскорее примирить непримиримое и дать восторжествовать неизбежной добродетели. И если оно радостно, его право на радость куплено дорогой ценой» [8, с.18].

Эти мысли по-прежнему коренились в политической установке, что эпоха социализма – творческая эпоха, созидательная, она ведет «к уничтожению классов».

В апреле 1929 г. Сталин произнес речь на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) «О правом уклоне». В ней он поднял вопрос об «обострении классовой борьбы» и новом периоде реконструкции всего народного хозяйства на «базе социализма». Поскольку речь шла о Шахтинском деле (1928), о вредительстве инженеров, интеллигенции, то это был по существу знак к началу кампании по разоблачению и в области искусства, литературы.

Стилистика упомянутого заявления Воронского в ЦК ВКП (б) по поводу статьи Гребенникова отражает в себе разлом психологический, временной, культурный. Это различие целых эпох, крайнее несоответствие внутренних задач партии, взявшей курс на построение социализма в отдельной стране и на усиление классовой борьбы внутри страны, с задачами «Перевала», исходившими из идеи *мирного переустройства* старой культуры. Воронский пытался приспособить себя к новому сталинскому времени.

Но он уже плохо понимал ситуацию и не видел происходивших изменений⁶. Воронский искренне считал, что советской культуре нужен Гоголь. И даже написал книгу о нем. И она была даже отпечатана в 1934 г. Но книге не дали увидеть свет – тираж почти полностью уничтожили. То, что это произошло несколько позже написанного заявления, суть дела не меняет: Воронский переставал быть созвучным политике партии, ибо теперь общая логика событий обретала напостовскую смысловую ауру, внутри которой он не мог полноценно существовать. Оставалось только оправдываться:

Несколько замечаний о содружестве писателей «Перевал». Это содружество считаю в значительной мере призванным заменить расстроенные, поредевшие ряды старых попутчиков. Писатели «Перевала» ближе к революции, органичнее воспринимают ее. Они не обросли ни договорами «на полные собрания сочинений», ни дачами, ни домами, ни мебелью, ни «славой». За последние годы они много учились и научились. Их успехи в художественном мастерстве очень значительны. Работа их в поисках нового жанра, стиля, динамического образа заслуживает серьезнейшего внимания. Но, несомненно, что рост мастерства среди перевальцев отстает от их политического роста. Это сознают и перевальцы. Многие из них были командированы партией и советскими учреждениями в колхозы и другие места... [7, с.286]

Воронский благородно предложил никак не связывать деятельность «Перевала» с его биографией политического деятеля. Литературный процесс – это одно, а политическая борьба – это другое:

Критический обстрел «Перевала» усилился с моим возвращением в Москву, так как содружество «страдает» во многом из-за меня. Считаю нужным сказать о своей истинной роли в «Перевале». Писатели «Перевала» действительно разделяют многие основные положения моих литературных взглядов, но не несут никакой ответственности за ряд отдельных моих утверждений, ни тем более за мою былую принадлежность к оппозиции, как не несли ее в свое время попутчики» [7, с.287].

Воронский верил, что, обратившись в ЦК, он сможет убедить руководство в правоте своих слов, в том, что ни «Перевал», ни он сам никогда не занимались антисоветской деятельностью. Он признался в своем

⁶ Не только Воронский, но и другие перевальцы, как писала Г.Белая, «действительно не понимали, что идет истребление человечности, гуманизма, народа, культуры. Они не видели, что уже находятся почти в полной пустоте» [2, с.343].

заявлении, что не понимает, почему с ним и с «Перевалом» идет такая жесткая борьба: «Мне не совсем ясна цель этой борьбы» [7, с.288].

Он вновь был исключен из партии (15 марта 1935 г.). Суть обвинения партбюро ГИЗа сводилась к следующему:

За организованную помощь в 1931 г. писателю Мирову, сосланному за антисоветскую пропаганду, за отказ сообщить фамилии участников этой помощи и скрытие факта этой помощи на чистке 1933 г., на партсобрании при обсуждении письма ЦК и на заседании парткома, за сокрытие своих связей (уже после ареста Зиновьева и Каменева) с арестованным по делу убийства т. Кирова – Зориным, за обман партии – исключить... [7, с.274].

19–20 марта 1935 г. он написал заявление в КПК при ЦК ВКП (б), в котором не соглашался с решением Бюро Октябрьского райкома об исключении его из партии.

Я, действительно, в начале 1931 года оказал материальную поддержку начинающему писателю-анархисту Мирову. Я признал и признаю, что совершил тогда преступление, поддавшись сообщениям, будто его семья находится в нужде, но я прошу принять во внимание, что эта помощь, оказанная четыре года тому назад, была единичным актом. Больше я никому из ссыльных никакой помощи не оказывал. Не могу признать правильным обвинение в том, что я намеренно скрыл эту помощь Мирову при чистке. Я забыл об этом факте. Когда в феврале с.г. в парткоме спросили, не оказывал ли я денежной помощи ссыльным, я припомнил этот факт уже дома при посредстве родных и немедленно сообщил об этом секретарю ячейки. Забвение свое я объясняю тем, что встреча с Мировым у меня была давно; с тех пор я совершенно потерял его из виду. К тому же Милов к организованной оппозиции не принадлежал, будучи анархистом. Мое знакомство с Зориным носило преимущественно житейский и литературный характер. По возвращении в партию я решительно порвал с оппозицией, в редких случаях встречаясь только с такими из бывших оппозиционеров, относительно которых я полагал, что они действительно отошли от оппозиции. Я допустил и в этом ошибки, не обнаружив должной бдительности. В значительной мере этот недостаток бдительности зависел от моих увлечений художественной деятельностью. Ко мне обращались как к специалисту по художественной литературе (что нового в литературе? Читали ли вы такой-то роман, статью?), и я обычно легко соскальзывал на разговоры, посвященные исключительно литературно-художественным темам [7, с.289].

В этом заявлении Воронский стал признавать то, чего не признавал раньше, – ответственность «за все оппозиционные действия», в том числе за организацию подпольной троцкистской деятельности. Те или иные привычные дела оппозиции со временем, под воздействием сталинской пропаганды, стали восприниматься как преступление⁷, и даже обычная поездка в другой город, к тем, кто разделял публичные взгляды оппозиции (какое же это подполье?), превращалась в «подпольную» деятельность. Воронский подверг критике собственные политические взгляды (и свое неверие в победу социализма в отдельной стране, которое порождало и неверие в пролетарскую культуру). Но трудно сказать, насколько эти слова были искренними. Нелегко представить, что Воронский поверил Авербаху!

Я примкнул к оппозиции в 1923 г., давши свою подпись под заявлением 46-ти оппозиционеров. Я несу ответственность за все оппозиционные действия: за подачу антипартийных деклараций, выработку платформы, организацию фракций и групп, за выступления на собраниях, за демонстрации, наконец, за организацию троцкистского подполья. Разделяя в прошлом взгляды оппозиции, лично я особое значение придавал вопросу партийной и советской демократии. Мне казалось, что в партии все больше и сильнее побеждает бюрократизм, точно так же эту победу я видел и в советском аппарате. Именно отсюда в значительной, хотя, конечно, и не исключительной, мере проистекло мое неверие в возможность построения социализма в одной, отдельно взятой стране. Работая на литературном участке, я разделял взгляды Троцкого, что в эпоху диктатуры пролетариата о создании социалистической культуры не приходится говорить, так как пред Советской страной стоит вопрос не о создании такой культуры, а о воспитании «боевых» качеств в рабочем и крестьянине. Эта точка зрения вела меня к переоценке попутнической литературы и к недооценке ее социалистического сектора [7, с.290].

Однако, как следует из заявления, Воронский поверил Сталину.

Помогла этому и личная беседа с товарищем Сталиным. Я стал убеждаться, что социализм в Стране Советов становится непреодолимым фактом, что строительство в промышленности, начавшаяся тогда коллективизация и разгром кулачества как класса подводят прочный фундамент под социализм. ...И я убедился, что деятельность оппозиции носила и носит контрреволюционный характер и что партруководство,

⁷ Согласно энциклопедической справке 1935 года деятельность «Перевала» однозначно отождествлялась с троцкизмом [2, с.352].

возглавляемое ЦК и товарищем Сталиным, есть истинное ленинское руководство [7, с.291].

То зло, о котором Воронского предупреждал Евгений Замятин в 1922 г., пришло не извне. Оно возникло внутри, – Воронский и сам не заметил, как трансформировался в придаток и жертву карающего механизма «Мы». Отвечая Замятину, он не догадывался и не мог еще знать тогда, что неприятие замятинского романа станет причиной его гибели, и не только его одного, но целого слоя умных, одаренных, талантливых людей: «...подавить *беспощадно все* (здесь и далее курсив мой. – А.Ю.), что идет от маленького зверушечьего сердца, *от личного, ибо временно оно вредит*, мешает борьбе, мешает победе. Все – в одном – только тогда побеждают» [6, 122].

«Уверен, что под руководством <...> ленинского ЦК и товарища Сталина Страна Советов и дальше неуклонно пойдет по пути утверждения социалистического общества» (Цит. по: [7, с.275]).

В марте 1936 г. Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП (б) подтвердила исключение из партии Воронского [7, с.275].

На суде он вел себя мужественно, честно говорил о невиновности своих друзей-перевальцев.

13 августа 1937 г. расстрельный приговор приведен в исполнение.

Ниже публикуется отрывок из следственного дела А.К.Воронского (1937), который 25 июля 1995 г. передала в РГАЛИ внучка Воронского, Татьяна Ивановна Исаева, получившая доступ к материалам архива ФСБ (Р-8253). Этот отрывок из показаний Воронского (в виде ксерокопии) был включен в его личный фонд [1].

В настоящее время доступ к следственным делам литературной группы «Перевал» в архиве ФСБ России временно закрыт. Поэтому особую ценность имеет хранящийся в РГАЛИ отрывок из Следственного дела, в котором Воронский весьма подробно описывает свое участие в литературной жизни страны и «Перевала» в частности. Несмотря на обвинительную тональность самого дела, излагаемые сведения не противоречат в целом тому, что нам известно [10, с. 37, 41, 42, 44, 45, 49, 50, 56, 66, 74, 98, 105, 109, 129, 178, 250, 387, 534, 545, 549, 598, 605, 630, 651–653, 656, 657, 662, 688, 731]. Надо полагать, что Воронский не унижался до вранья или клеветы. Но общий настрой 1937 года ощущается в признании им вины за «троцкистскую деятельность», хотя в описываемое время эта деятельность не была ни преступной, ни запрещенной.

В публикуемых текстах подчеркивания оригинала сохраняются.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА А.К.ВОРОНСКОГО (1937)

№1. О «Перевале»

Литературная группа «Перевал» организовалась вокруг журнала «Красная Новь» в конце 1924-го и в начале 1925 года. В нее вошли коммунисты-писатели и беспартийные. По возрасту состав тоже был пестрый, от маститого М.М.Пришвина до комсомольских поэтов Голодного⁸ и Светлова⁹. Первоначально преобладающую роль в «Перевале» играли, помимо меня, Огнев¹⁰, Малашкин¹¹, Евдокимов¹², Артем Веселый¹³, Голодный, Светлов, Наседкин¹⁴, Акульшин¹⁵, Дружинин¹⁶, Зарудин¹⁷ и др. «Перевал» организовывался в борьбе с напостовцами. Основные положения, которые он отстаивал, сводились к следующим пунктам:

- 1) Специфика искусства заключается в эстетическом¹⁸ познании жизни;
- 2) Искусство тем совершеннее, чем оно непосредственнее и конкретнее.
- 3) Искусство и революция должны сочетаться органически, а не механически.
- 4) Классовость искусства не исключает, а сплошь и рядом включает объективность.

⁸ М.С.Голодный (1903–1949), поэт, переводчик, автор поэм, баллад, песен. Погиб при невыясненных обстоятельствах (сбит машиной).

⁹ М.А.Светлов (1903–1964) – писатель, поэт. Драматург, лауреат Ленинской премии (посмертно).

¹⁰ Николай Огнев (Михаил Григорьевич Розанов, 1888–1938) – русский советский писатель. Умер своей смертью.

¹¹ С.И.Малашкин (1888–1988) – русский советский прозаик, поэт.

¹² И.В.Евдокимов (1887–1941) – русский советский писатель, искусствовед.

¹³ Артем Веселый (Николай Иванович Кочуров, 1899–1938) – русский советский писатель, расстрелян.

¹⁴ В.Ф.Наседкин (1895–1938) – русский советский поэт, расстрелян.

¹⁵ Р.М.Акульшин (1896–1988) – русский советский прозаик (псевдоним – Березов) поэт, драматург, христианский писатель в эмиграции (второй волны).

¹⁶ П.Д.Дружинин (1890–1965) – русский советский поэт, литератор.

¹⁷ Н.Н.Зарудин (1899–1937) – русский советский поэт и прозаик, расстрелян.

¹⁸ Слова «в эстетическом» подчеркнуты волнистой линией.

5) Голая тенденциозность и преднамеренность вредит искусству.

6) Изучение классиков не есть только изучение памятников прошлого; они, классики, до сих пор и еще долго будут иметь живое, действующее значение.

7) Надо изображать живого человека со всеми его достоинствами и недостатками, избегать штампов, агитплакатности и т.п.

8) Надо учитывать, что страна Советов все еще является по преимуществу страной крестьянской и потому удельный вес попутчиков и крестьянствующих писателей продолжительное время весьма будет значительным, а пока и определяющим. Пролетарское искусство пока слабее искусства попутчиков.

9) Классовость в искусстве отнюдь не противоречит гуманизму.

К этим и другим подобным положениям, которые развивались мною, я присоединил еще один важный пункт под влиянием статей Троцкого о том, что в переходный период диктатуры пролетариата невозможно пролетарское искусство, как в момент, когда преобладают чисто боевые задачи; в период же социалистического строительства речь будет идти уже не о пролетарском, классовом искусстве, а об искусстве бесклассовом, социалистическом. Этот тезис, однако, разделялся не всеми перевальцами. Например, его не разделял А.Лежнев и, кажется, Катаев, а также Светлов и Голодный. В 1924–1926 гг. «Перевал» быстро разрастался и крепнул, включив в себя до 60–65 писателей и поэтов серьезной литературной квалификации.

В период 27–28 годов в «Перевале» в известной его части усилились троцкистские настроения: я, Артем Веселый, Н.Зарудин, Светлов, Голодный считали себя троцкистами. (54)

Внутри «Перевала» не была организована особая троцкистски оформленная ячейка, но группировка имела, велись разговоры в троцкистском духе, оказывалась денежная помощь, кроме того, работали в объединенной организации троцкистов¹⁹. Сказывалось влияние и на литературном участке. Но «Перевал» в целом каких-либо определенных троцкистских действий как организация не предпринимал, помимо отмеченной мною выше работы троцкистской группировки. Интересы литературные, специально относящиеся к искусству, все же преобладали. Происходило это потому, что одни из писателей и поэтов, являясь беспар-

¹⁹ *Объединенная оппозиция – название политического течения внутри РКП (б) и ВКП (б) в конце 20-х гг. Руководителями ее были: Л.Троцкий, Е.Преображенский, К.Радек, И.Смирнов, Л.Сосновский, Г.Зиновьев, Л.Каменев, Н.Крупская.*

тийными, сторонились той борьбы, которая велась тогда в партии и в стране, другие только что начинали свое литературное поприще и были поглощены своими первыми шагами и теми вопросами, которые находились в связи с художественным творчеством. Вот почему литературные собрания и вечера ограничивались обсуждением повестей, рассказов, докладам[и] по вопросам критики, и это не было прикрытием или «дымовой завесой», а настоящим содержанием жизни «Перевала». К тому же ожесточенная борьба с ВАПП²⁰ и РАППом²¹ продолжалась и тоже поглощала чрезвычайно много внимания. В подтверждение высказанного могу сослаться на следующий факт. Летом 1929 года ко мне в ссылку приехала группа перевальцев: (54 об.) А.Лежнев²², Ив.Катаев²³, Слетов²⁴, Губер²⁵. Между беседами и разговорами, которые тогда велись в Липецке, не было ни одного чисто политически троцкистского. Говорили о том, как, из какого материала составить сборник «Ровесники»²⁶, как вести дальше на лит[ературном] фронте борьбу с напостовцами, следует ли входить в лит[ературную] группу «Тридцатые годы», которую намечал тогда Бор. Пильняк, и т.д., но не говорили о правильности или неправильности генеральной линии, или троцкистской платформы. Само собою понятно, что я продолжал оставаться тогда троцкистом.

К тому времени, т.е. к концу 29-го и в начале 1930-го года, из «Перевала» вышли Мих.Голодный, Светлов, присоединившись к РАППу и решительно порвав с «Перевалом». Вышли и другие писатели: Евдокимов, Огнев, Артем Веселый, Ив.Касаткин; Наседкин и Дружинин были исключены, как несоответствующие «Перевалу» по своим творческим установ-

²⁰ ВАПП – Всероссийская ассоциация пролетарских писателей, была утверждена в Наркомате просвещения в 1921 г. в качестве головной литературной организации. Руководителями в разные время были: В.Кириллов, Л.Авербах, Ю.Либединский, Г.Лелевич и др. С 1926 г. ВАПП издавала журнал «На литературном посту», продолжая борьбу с лефовцами, попутчиками, А.К.Воронским.

²¹ РАПП – Российская ассоциация пролетарских писателей – литературное объединение, было образовано в 1925 г. Генеральным секретарем стал Л.Авербах. В объединении насчитывалось около 4 тысяч членов.

²² А.З.Лежнев (1893–1938) – советский публицист, критик, литературовед, один из главных идеологов «Перевала». Расстрелян.

²³ И.И.Катаев (1902–1937) – русский советский писатель, расстрелян.

²⁴ П.В.Слетов (1897–1981) – русский советский писатель.

²⁵ Б.А.Губер (1903–1937) – советский прозаик, критик.

²⁶ Имеется в виду седьмой сборник «Перевала» (1930) с названием «Ровесники».

кам. Потом отошли Малышкин²⁷, Павленко²⁸, Пришвин. По возвращении моем в Москву «Перевал» продолжал драться с ВАППом и РАППом еще более ожесточенно, и в 1930–31 годах эта борьба достигла своего апогея, причем ВАПП имел явный перевес в журналах, в прессе, в издательствах, средства же «Перевала» были ограничены. Литературные собрания продолжались. Они не носили троцкистского характера. Часть из них происходила у Павленко, непричастного к троцкизму, часть у Катаева, тоже не являвшегося троцкистом, часть происходила открыто в помещениях союза. Очень большое внимание было уделено, помимо ВАППа, так называемому движничеству, творческому направлению, которое во главу угла ставило динамизм образов, языка, стиля, их психологизм; обсуждалось отношение динамизма к диалектике и т.д. Разговоры и беседы троцкистского порядка, имевшие место в 1927–28 гг., прекратились ввиду отхода от троцкизма меня, Зарудина, ухода из «Перевала» и отходов Голодного, Светлова, Артема Веселого. Недовольство литературным положением «Перевала» и перевальцев высказывалось и мной, и другими перевальцами; хотели иметь свой журнал, выпускать свои сборники, высказывать перевальские положения, жаловались на зажим Главлита, а больше на зажим со стороны ВАППа, который преследовал перевальцев во всех редакциях и издательствах, снимая их статьи, рассказы, повести.

К 30-му году или к началу 31-го относится помощь анархисту Мирову и вхождение в «Перевал» троцкиста Малеева²⁹; к лету 1932-го года относится мой выпад у меня на вечере в присутствии некоторых перевальцев против темпов коллективизации, когда я заявил, что благодаря непосильным темпам колхозы разваливаются. Выпад этот был сделан в нетрезвом виде, и на другой день я передал перевальцам, что считаю его вредным. (55 об.)

²⁷ А.Г.Малышкин (1892–1938) – русский советский писатель, один из классиков «социалистического реализма».

²⁸ П.А.Павленко (1899–1951) – русский советский писатель и сценарист, лауреат четырех Сталинских премий, член РКП (б) с 1920 г.

²⁹ М.В.Миров и И.А.Малеев, члены литературной группы «Перевал», были в 1928 г. приговорены к трем годам ссылки; в 1932 г. их снова арестовали. Мирову отправили на строительство Беломоро-Балтийского канала (летом 1937 г. тройка НКВД приговорила его к расстрелу), а Малеева – в Семипалатинск, где он, вероятно, и погиб [4, 318–319, 767].

Весной 1932-го года существование ВАППа и РАППа было признано Ц.К. нецелесообразным и их организации были распущены. Дальнейшее существование творческих группировок хотя официально и не запрещалось, но в печати все чаще высказывались мнения, что и они пока нецелесообразны. И роспуск ВАППа, и эти мнения ускорили момент, когда «Перевал» решил ликвидировать себя. К тому же внутри «Перевала» стали обнаруживаться дальнейшие выходы из него, а также и разногласия. Так, например, я возражал против отождествления «движничества» с диалектикой, на чем настаивали Зарудин и Слетов. Мне, далее, казалось, что Зарудин, да и Катаев во многих серьезных пунктах отходят от основных перевальских литературных установок. Было также заметно, что перевальцы тяготеют к дальнейшему пребыванию в «Перевале», которое им мешало печататься, издаваться, преуспевать в литературе. Продолжались также нападки на «Перевал» со стороны многих критиков, особенно из бывших рапповцев. Вот основные причины, почему «Перевал» осенью 1932 года ликвидировал себя как организацию. Ко мне многие перевальцы продолжали дружески относиться; дружили между собой Зарудин, Губер, Катаев. Другие же перевальцы совсем стали жить отдельной жизнью. Мы еще продолжали встречаться друг с другом, но все реже и реже.

За два года 35-й и 36-й я совсем, например, не виделся с Катаевым, с Губером, один раз случайно встретился на улице с Зарудиным; изредка виделся с Лежневым и с Горбовым. Категорически отрицаю, что за последние годы «Перевал» стал перерастать в троцкистскую организацию. Наоборот, с осени 1932 года связь между бывшими перевальцами все сильнее ослабевала и мы все больше теряли друг друга из виду. Ни литературных, ни политических директив и установок я бывшим перевальцам не передавал и часто даже не знал, как и чем живут Катаев, Губер, Зарудин. Я вообще удалился от дел литературно-политического порядка и в соответствии с этим не пытался гальванизировать «Перевал» ни явным, ни тайным образом. У меня с бывшими перевальцами за последние годы не было ни одной сколько-нибудь значительной политической беседы, тем более не было разговоров троцкистского порядка. Я считал также, что Ив. Катаев ни в какой мере не является троцкистом, а связь его с Малеевым я рассматривал со стороны литературно-творческой. Мне также казалось, что Зарудин и Губер сделали решительные шаги в сторону генеральной линии. Казалось мне это благодаря их печатным вещам, а также благодаря высказываниям.

В «Перевале» был «либерализм» у таких лиц, как Катаев, были шатания и колебания даже и после отхода от троцкизма, как у меня. На «Перевал» наложил свой отпечаток помянутый тезис Троцкого об искусстве, была переоценка попутчиков и недооценка пролетарского сектора, было недовольство литературными делами, не могли пройти бесследно годы 1927–28-й, но «Перевал» сейчас не существует как организация, – не существует фактически, тем более, повторяю, он не является троцкистской подпольной организацией. На следствии мне, между прочим, было предъявлено обвинение, что я давал перевальцам, Зарудину и Губеру, совет «отсидеться». Такого совета я не припоминаю. Но я мог его дать, однако, в том единственном смысле, что надо сидеть и трудиться, несмотря на нападки критики, на неудачи издательского порядка, что положение на литературном участке улучшится, что все «образуется», а совсем не в том смысле, что надо ждать смены партруководства и пришествия троцкистов. Такая «установка» мне чужда. Не считая эти свои показания исчерпывающими, я надеюсь в будущем внести соответствующие дополнения.

А.Воронский

19–25/II – 37 г.

P.S. В каком виде сказывалось влияние троцкистской группировки «Перевал» на писателей в годы 27–28-ой? Я оказывал троцкистское воздействие на Голодного, Светлова, Артема Веселого, Зарудина. Припоминаю свой разговор в конце 1927-го года с ленинградским писателем С.Семеновым, коммунистом. Я убеждал его в справедливости платформы, но положительных результатов не достигнул. Вел такие же разговоры с Багрицким, который, оставаясь равнодушным к платформе, романтизировал личность³⁰ Троцкого. Попытки воздействия в троцкистском духе на таких сложившихся писателей, как Огнев, Евдокимов, Малышкин, Павленко и др., тоже не привели к положительным результатам. Наоборот, эти и другие писатели насторожились и стали отходить от «Перевала». Среди беспартийных писателей, да и партийных, было, однако, сочувствие в делах литературных так называемой воронщины, а следовательно, и литературному троцкизму в той части, где она, воронщина, соприкасалась с троцкизмом (было много и отличного от троцкизма). Делались также попытки привлечь к троцкизму молодых, начинающих поэтов и писателей, входивших в «Перевал», вроде Скуратова и других, но тоже без положительных результатов. Повторяю, что оказывалась

³⁰ Далее зачеркнуто: «т.».

денежная помощь троцкистам, особенно через Вяч. Полонского. Голодный и Светлов рассказывали мне о концертах в пользу троцкистов, на которых они выступали. Планомерного, однако, воздействия на писателей со стороны троцкистов в «Перевале», как группировке, не было. Дело в том, что Голодный, Светлов, Артем Веселый, Зарудин враждовали друг с другом поэтически, резко расходясь во многих творческих установках, нередко ссорились друг с другом, и это накладывало свой отпечаток на их действия. Кроме того, вообще интересы литературные преобладали. Поэтому-то эта группировка вскоре и рассыпалась. Распад ее завершился отходами от троцкизма ряда писателей.

Возвращаясь к деятельности «Перевала» за годы 30–36-й, считаю нужным упомянуть про ленинградское отделение, в которое входили Елена Тагер³¹, Куклин (писатель)³², Спасский³³, Гуковский (молодой)³⁴. Из них я ближе знаком был с Еленой Тагер. Встречался я с ней главным образом во время ее приездов в Москву по ее личным литературным делам и по делам союза писателей, обычно не чаще в среднем одного-двух раз в год. За годы 34–36 виделся однажды. Общение мое с ней носило исключительно литературный характер. Я ценил ее как автора чрезвычайно талантливой книги рассказов о севере «Зимний берег», сочной по колориту, быту и словесному оформлению. Тагер разделяла мои литературные взгляды. Никаких подпольных троцкистских дел у меня с нею не было. Не было дел и литературно-политических. Вообще за последние годы, т.е. с того времени, как «Перевал» распустил себя, у меня с бывшими перевальцами не было ни одного совместно-литературного предприятия, не говоря о предприятиях подпольных троцкистского характера. В «Правде» и в «Лит[ературной] газете» я прочитал в свое время заметки; в одной из них говорилось, будто бы Пильняк затевал журнал, а за Пильняком стояла моя тень. Это ни в какой мере не соответствует действительности: с Бор. Пильняком я не виделся больше года и ни о каком журнале с ним я вопросы не обсуждал. Писалось также, что кое-кто из перевальцев начал хлопотать о сборниках или о жур-

³¹ Е.М.Тагер (1895–1964) – русский прозаик, поэт, мемуарист.

³² Г.О.Куклин (1903–1939) – русский советский прозаик, детский писатель. Репрессирован.

³³ С.Д.Спасский (1898–1956) – советский драматург, прозаик, переводчик, литературный критик.

³⁴ Г.А.Гуковский (1902–1950) – советский литературовед, филолог, критик, специалист по истории русской литературы XVIII в., был близок формалистам.

нале. Об этом я тоже ничего не знал и не знаю. Никто из них не вел со мною никаких переговоров ни о сборнике, ни о журнале.

Заявляю также, что никогда ни с кем из перевальцев я не вел разговоров в том смысле, что надо возобновить деятельность «Перевала», тем более подпольно; или что надо сменить партруководство, и для этого следует возобновить троцкистскую работу. Никто от меня из них и из других лиц, с которыми я встречался, не слышал разговоров и в духе новейших «установок» Троцкого, ибо я узнал о них из процессов и не мог не отнестись к ним с враждебностью и ненавистью.

А.Воронский

№ 2. Показания А.Воронского о троцкистской деятельности до 1932 года

Я примкнул к троцкизму в 1923-м году, подписав заявление сорока шести³⁵. Заявление это я подписал у Л.Серебрякова³⁶. Я не входил тогда ни в одну троцкистскую организацию и не принял участия в той борьбе, которая развернулась потом в московских районах. Произошло это не потому, что я не был достаточно связан с троцкистами. Наоборот, начиная с Троцкого, я постоянно встречался с виднейшими троцкистами, с Пятаковым³⁷, Преображенским³⁸ и другими. Но я был увлечен борьбой с

³⁵ В октябре 1923 г. так называемая «левая оппозиция» подписала «заявление 46-ти», обращенное к членам ЦК и ЦКК РКП (б), в котором выражалось несогласие с проводимой политикой партии на бюрократизацию государственного аппарата, установление фракционной диктатуры, подавление всякого инакомыслия. Октябрьский пленум ЦК и ЦКК РКП (б) осудил это заявление Троцкого, Преображенского, Пятакова, Радека и др. подписавших заявление.

³⁶ Л.П.Серебряков (1888–1937) – большевистский деятель, участник т.н. «левой оппозиции». Работал в аппарате НКПС РСФСР (СССР), был председателем Главного комитета по проведению всеобщей трудовой повинности, заместителем наркома. Подписал «заявление 46-ти», подписывал и другие документы оппозиции, в декабре 1927 г., на XV съезде ВКП (б), был исключен из партии в числе других 75 «активных деятелей троцкистской оппозиции».

³⁷ Г.Л.Пятаков (1890–1937) – большевистский деятель, зам. председателя Госплана РСФСР, председатель Главного концессионного комитета, с 1923 г. зам. председателя ВСНХ. В 1923–1927 – член ЦК ВКП (б), в 1927 г. торгпред во Франции, в 1928–1929 гг. руководитель Государственного банка СССР, участник «левой оппозиции». Расстрелян.

³⁸ Е.А.Преображенский (1886–1937) – большевистский деятель, экономист, социолог,

напостовцами и отдавал время этой моей деятельности. Однако я при встречах вел троцкистские разговоры и старался убедить в правильности троцкизма. Меня предостерегали. Однажды Орджоникидзе, Ворошилов и Фрунзе явились ко мне на квартиру и долго убеждали меня снять подпись с заявления «46», я не внял их уговорам. В моей литературной деятельности я развил троцкистский тезис о невозможности пролетарской литературы в переходный период диктатуры пролетариата. В одной из своих статей я старался доказать, как это доказывал раньше меня Троцкий, что в переходный период диктатуры пролетариата перед партией и советской властью стоят преимущественно боевые задачи, а не органического, в том числе и литературного, строительства (свет зари не ложится на взолнованное море³⁹), когда же наступит социализм, то речь будет идти не о пролетарской, т.е. классовой, литературе, а о социалистической, бесклассовой. В вопросе о так называемых попутчиках в литературе я тоже развивал троцкистские взгляды, ориентируясь на мелкобуржуазных писателей, как на основное ядро.

Не помню точно, в каком году организовался «Перевал», кажется, в конце 1924-го года. Организатором «Перевала» был я. Я подбирал людей, настроенных против напостовцев. Специальных целей составить «Перевал» из троцкистов или им сочувствующих у меня не было. Об этом, между прочим, свидетельствовал пестрый и разнородный состав «Перевала»; в него входили старые мастера художественного слова, например Мих. Мих. Пришвин, и в то же время начинающие комсомольские поэты, Светлов, Голодный, Кузнецов⁴⁰ и т.д. Использовал я «Перевал» для троцкистских целей позже – главным образом, с 1927-го года.

один из руководителей международного коммунистического движения. В 1921–1924 гг. председатель Финансового комитета ЦК РКП (б) и СНК РСФСР, в 1924–1927 гг. зам. председателя Главного концессионного комитета при СНК СССР, член коллегии Народного комиссариата финансов СССР, в 1926–1928 гг. член Главной редакции 1-го издания Большой советской энциклопедии. В октябре 1927 г. был исключен из партии, в январе 1928 г. выслан из Москвы в казахский город Уральск. В 1928–1930 гг. работал в аппарате Государственного планового комитета Татарской Автономной Советской Социалистической республики. В июле 1929 г. вместе с Радеком, Смилгой и Преображенским направил письмо в ЦК ВКП (б) о выходе из троцкистской оппозиции, в январе 1930 г. восстановлен в партии. Расстрелян.

³⁹ Самоцитата из книги Воронского, посвященной жизни и творчеству Н.В.Гоголя.

⁴⁰ Н.А.Кузнецов (1904–1924) – пролетарский поэт. Окончил жизнь самоубийством 20 сентября 1924 г.

До этого времени я, продолжая работать в «Красной Нови»⁴¹, в «Прожекторе»⁴², в «Круге»⁴³, встречался с виднейшими троцкистами, но в организационной работе участия не принимал. Нередко встречался с Троцким.

С Троцким у меня встречи происходили сначала в Реввоенсовете⁴⁴, позже в главном комитете по концессиям⁴⁵. Троцкий расспрашивал меня о литературных делах, литературных настроениях [3, с.59–60], одобряя мое поведение и, в частности, мою борьбу с напостовцами. Разумеется, наши разговоры не ограничивались литературными темами, но касались и вопросов чисто политических, причем Троцкий развивал свои обычные тогдашние взгляды. По литературной линии он защищал меня и в печати, и в Центральном Комитете, например на литературном совещании при Отделе печати Ц.К. в конце 24-го или весной 25-го года. Еще раньше этого времени, в 1922-м году, я, по его личной просьбе, познакомил его с Бор. Пильняком⁴⁶ и со Всеволодом Ивановым⁴⁷. Время от времени Троцкий присылал мне свои отзывы в письмах с оценкой разных авторов и литературных произведений, об альманахах, «Круге», об Огневе, о Пильняке, о Пришвине, Сергее Буданцеве⁴⁸. Эта переписка мною уничтожена. Иногда он по телефону или при личных свиданиях рекомендовал мне тех или иных писателей, например Веру Инбер⁴⁹, Эдуарда Багрицко-

⁴¹ «Красная новь» – литературный журнал (1921–1941) – первый «толстый» литературный журнал, объединявший вокруг себя как «попутчиков», так и пролетарских литераторов. При журнале была организована (с ноября 1923 г.) группа «Перевал».

⁴² «Прожектор» – советский литературно-художественный и иллюстрированный сатирический журнал, выходил в качестве приложения к газете «Правда» (1923–1935). В состав редколлегии входили Н.И.Бухарин, А.К.Воронский и др.

⁴³ «Круг» – издательство, организованное в 1922 г. В деятельности издательской артели принимали активное участие «попутчики»: Л.Сейфуллина, Б.Пастернак, В.Иванов, Б.Пильняк, И.Эренбург и др.

⁴⁴ Л.Д.Троцкий (1879–1940) был наркомом по военным и морским делам и председателем Реввоенсовета РСФСР в 1921–1925 гг. В 1927 г. был снят со всех постов и отправлен в ссылку в Алма-Ату.

⁴⁵ Главный комитет по концессиям при СНК СССР был образован в 1923 г., упразднен в 1937 г.

⁴⁶ Б.А.Пильняк (1894–1938) – русский советский писатель, прозаик. Расстрелян.

⁴⁷ В.В.Иванов (1895–1963) – русский советский писатель, драматург.

⁴⁸ С.Ф.Буданцев (1896–1940) – русский советский прозаик.

⁴⁹ В.М.Инбер (1890–1972) – русская советская поэтесса и прозаик, лауреат Сталинской премии (1946).

го⁵⁰. Связь моя с Троцким поддерживалась и помещением его статей в «Красной Нови».

Когда к Троцкому присоединились Зиновьев, Каменев и его сторонники, к моим прежним связям с видными троцкистами прибавились новые, и прежде всего Лашевич⁵¹ и Зорин⁵², с которыми я находился в короткой личной дружбе. Были почти ежедневные встречи и соответствующие разговоры, особенно на квартире у Хлыновой. Некоторые мои колебания, вызванные частыми встречами с Мих. Вас. Фрунзе, были забыты. В 1927-м году я принял в троцкистской деятельности более активное, нежели раньше, участие. Между прочим, в начале 1927-го года Троцкий по телефону сообщил мне, что у него для «Красной Нови» есть литературная работа, значительная, листов в 12–15, – называется она «Ленин в гражданской войне». Работа эта была вскоре представлена в редакцию. Она состояла преимущественно из телеграмм, записок, разговоров по прямому проводу. Я сдал рукопись в набор, когда рукопись была набрана, ее затребовали в гранках в Секретариат Ц.К. партии. Я сообщил об этом Троцкому; спустя день или два, в течение этого времени рукопись была возвращена в редакцию, Троцкий позвонил и сказал, что он по личной инициативе снимает свою работу и просит ее возвратить вместе с гранками, что я и сделал. О дальнейшей судьбе я ничего не знаю.

Как я уже помянул, в 1927-м году я принял более активное участие в троцкистской антипартийной деятельности. Это заметно отразилось и на «Перевале», где под моим воздействием образовалась троцкистская литературная группировка, состоявшая помимо меня из Артема Веселого, Ник.Зарудина, Светлова, Мих.Голодного, Эд.Багрицкого,

⁵⁰ Э.Г.Багрицкий (1895–1934) – русский советский поэт, переводчик, драматург.

⁵¹ М.М.Лашевич (1884–1928) – русский революционер, советский военный деятель, участник «левой оппозиции». В 1925 г. был заместителем наркома по военным и морским делам СССР, заместителем председателя Реввоенсовета СССР, членом Президиума ВСНХ СССР, в 1923–1925 гг. член ЦК РКП (б). В 1926 г. организовал нелегальное собрание оппозиции в подмосковном лесу, эти действия были расценены на шольском Пленуме ЦК ВКП (б) как фракционные; Лашевич был снят с должностей и в 1927 г. исключен из партии. Восстановлен в 1928 г. Умер в Харбине при не вполне ясных обстоятельствах.

⁵² С.С.Зорин (1890–1937) – советский государственный и партийный деятель. Член левой оппозиции. В 1923 г. первый секретарь Иваново-Вознесенского губкома РКП (б). Со-редактор газеты «Рабочий край» и журнала «Красный ткач». Активный участник «ленинградской оппозиции» против Сталина. В 1925 г. работал в ВСНХ. В 1927 г. исключен из партии, в 1930 г. восстановлен. Расстрелян.

Ник.Дементьева⁵³. Так как эти писатели и поэты сильно расходились между собой в характере своего творчества и иногда даже враждовали между собой, например Артем Веселый и Ник.Зарудин, то спаянной группы не получилось и участники этой группировки действовали вразброд, отдельно друг от друга, каждый в своей среде, что, конечно, не исключало их попыток влиять на литературную среду как в «Перевале», так и вне его. Прежде всего, это нужно отнести ко мне. Я пытался воздействовать, помимо упомянутых выше писателей-троцкистов и на других, на Сергея Семенова, хотя он не был в «Перевале», на Огнева, Скуратова, но успеха в том не имел. Иван Катаев тогда значительной роли еще не играл в «Перевале».

Когда в конце 1927-го года борьба троцкистов с партией достигла особого обострения, я и Сергей Зорин были направлены троцкистским центром в Иваново-Вознесенск для пропаганды и для организации троцкистов. Я и Зорин были приглашены Зиновьевым на его квартиру, где он заявил нам, что по соглашению с Троцким нас наметили в Иваново, чтобы мы воспользовались ноябрьскими праздничными днями; мы раньше работали в Иваново и потому знаем местных людей и местные условия. Мы поехали, взяв с собой две отпечатанные в типографии платформы. Мы пробыли в Иваново три–четыре дня. Зорин провел два собрания, кажется, среди вузовцев. Я раздал платформы, действуя при помощи двух молодых троцкистов, одного колориста инженера, а другого московского студента, но коренного иваново-вознесенца; фамилии их я не могу припомнить сейчас. Позже они были арестованы и отправлены в ссылку. Фамилии их нетрудно установить при помощи Сергея Зорина, он был связан с ними не меньше, чем я. Значительных троцкистских результатов наша поездка не имела; с видными местными работниками мы постарались связаться, но эти попытки так и остались попытками. Доступа к рабочим мы не имели.

В дальнейшем моя троцкистская деятельность падает на 1928-й год. Я был исключен из партии, но оставлен в Москве. Перед высылкой Троцкого я виделся с ним на его новой квартире, но у него было много народу, кажется, Смилга⁵⁴, Мрачковский⁵⁵, и мне пришлось с ним только по-

⁵³ *Н.И.Дементьев (1907–1935) – русский советский поэт. Покончил жизнь самоубийством.*

⁵⁴ *И.Т.Смилга (1892–1937) – советский политический и государственный деятель, экономист. С 1923 г. зам. председателя Госплана СССР, в 1924–1927 гг. – директор Московского института народного хозяйства. В 1927 г. исключен из партии за участие в троц-*

прощаться. Когда Троцкий был выслан, меня вызвал Борис Эльцин⁵⁶ и сообщил, что по оглашению и по директиве Троцкого нужно организовать центр в Москве, на обязанности которого должна лежать «поддержка идейного знамени». Связь с Троцким, связь с сибирским центром; в этот центр вошли Сосновский⁵⁷, Радек⁵⁸, Муралов⁵⁹, Богуславский⁶⁰, других я

кистской оппозиции, снят со всех постов. В 1930 г. вместе с Радеком и Преображенским заявил о разрыве с троцкизмом. Был восстановлен в партии. Работал в Президиуме ВСНХ и заместителем председателя Госплана СССР. Расстрелян.

⁵⁵ *С.В.Мрачковский (1888–1936) – революционер, советский военный и хозяйственный деятель. В 1923 г. был командующим Приволжским военный округом, с 1925 г. председателем треста «Уралзолото». С 1923 г. активный участник левой оппозиции. В 1927 г. был исключен из партии, в 1928 г. выслан в Северо-Двинскую губернию; в 1930 г. (после подачи заявления об отходе от троцкизма) возвращен из ссылки и восстановлен в партии. В 1932–1933 гг. – начальник Управления строительства Байкало-Амурской магистрали. В 1935 г. арестован и приговорен к пяти годам тюремного заключения. Расстрелян как участник «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра».*

⁵⁶ *Б.М.Эльцин (1875–1937) – революционер, член РСДРП с 1897 г., в 1923 г. принадлежал к левой оппозиции, подписал «заявление 46-ти». Работал в Госплане РСФСР. Исключен из партии в 1927 г., сослан в Усть-Вьюмь. В середине 30-х гг. находился в Оренбургской ссылке. В 1936 г. арестован вновь, отправлен на Колыму. Расстрелян.*

⁵⁷ *Л.С.Сосновский (1886–1937) – революционер, политический деятель, журналист. В 1917–1924 гг. член Президиума ВЦИК, в 1921 г. – во главе Агитпропа ЦК РКП (б). В 1923–1924 гг. был членом ЦКК РКП (б). С 1918 по 1924 г. – редактор газеты «Беднота». В левой оппозиции с 1923 г., подписал «заявление 46-ти», исключен из партии в 1927 г., в 1928 г. отправлен в ссылку. В 1934 г. признал отход от троцкизма, возвращен в Москву, работал в газете «Социалистическое земледелие», сотрудничал с «Известиями», восстановлен в партии в 1935 г. Расстрелян.*

⁵⁸ *К.Б.Радек (1885–1939) – советский политический деятель, один из руководителей международного социал-демократического и коммунистического движения. В 1919–1924 гг. член ЦК РКП (б), в 1920–1924 гг. секретарь Исполкома Коминтерна, сотрудник газет «Правда», «Известия». В 1927 г. исключен из ВКП (б), выслан в Красноярск. В 1930 г., вместе с Е.А.Преображенским, А.Г.Белобородовым, И.Т.Смилгой, направил в ЦК партии письмо, заявив о разрыве с троцкизмом. В 1937 г. был приговорен к 10 годам тюрьмы. Убит в Верхнеуральском политизоляторе другими заключенными.*

⁵⁹ *Н.И.Муралов (1877–1937) – революционер, большевик с 1903 г., военный деятель. В 1924 г. командующий Северо-Кавказским военным округом. В 1925 г. член ЦКК ВКП (б), в 1925–1927 гг. начальник военно-морской инспекции Наркомата рабоче-крестьянской инспекции, ректор Сельскохозяйственной академии им. К.А.Тимирязева. Участник объ-*

не помню. Я дал Эльцину свое согласие и вошел в троцкистский московский центр. Кроме меня и Эльцина, в этот центр вошли Иванов⁶¹, Кавтарадзе⁶², Мдивани⁶³. У нас было несколько совещаний. На этих совещаниях обсуждались вопросы о том, как наладить лучше связь с Троцким, получение от него директив, обращений и писем для размножения, вопросы о печатании троцкистской литературы, о деньгах, о помощи арестованным и ссыльным, о поддержке с ними связей, о связях с троцкистскими группами и кружками. Зачитывались письма Троцкого, Радека, Раковского, Смилги и других; припоминаю, что Борис Эльцин рассказывал мне, будто в Алма-Ату посланы «свои люди» и эти люди дежурят неподалеку от местожительства Троцкого, один под видом продавца папирос, другой под видом извозчика. Для какой это цели, я сказать сейчас затрудняюсь; очевидно, для его охраны и для передачи от него писем, директив и т.д. Я взял на себя руководство троцкистским Красным

единенной оппозиции. В 1927 г. исключен из партии и выведен из состава ЦК ВКП (б). Был выслан в г. Тару Омского округа. В 1936 г. арестован, во время следствия подвергся пыткам. Расстрелян.

⁶⁰ *М.С.Богуславский (1886–1937) – советский государственный и партийный деятель. Заместитель председателя Моссовета в 1922–1924 гг., председатель Малого Совнаркома РСФСР (1924–1927). К левой оппозиции принадлежал с 1923 г. Подписал «заявление 46-ти». Был исключен из партии в 1927 г. В 1930 г. подал заявление об отходе от троцкизма, восстановлен в рядах партии. Расстрелян.*

⁶¹ *Не вполне ясно, о ком идет речь.*

⁶² *С.И.Кавтарадзе (1885–1971) – революционер, государственный деятель. Член РСДРП с 1903 г. С 1922 по 1923 г. был председателем Совнаркома Грузии. В 1924–1927 гг. первый заместитель прокурора Верховного суда СССР. С 1923 г. участник левой оппозиции, в 1927 г. исключен из партии, выслан в Среднюю Азию. В 1929 г. осужден к 3 годам лишения свободы, помещен в Тобольский политизолятор. После подачи заявления (1931) об отходе от троцкизма был освобожден. В 1936 г. вновь арестован по обвинению в покушении на жизнь Сталина. Провел год в одиночной камере смертников. В 1939 г. был освобожден, в 1940 г. восстановлен в партии. С 1941 г. работал в Наркомате иностранных дел. В 1945–1952 гг. посол в Румынии. В 1961 г. участвовал в XXII съезде КПСС.*

⁶³ *Б.Г.Мдивани (1877–1937) – советский государственный и партийный деятель, один из лидеров грузинской оппозиции. В 1923–1924 гг. член Главного концессионного комитета СССР, в 1924 г. торговый представитель СССР во Франции. Отозван из Франции (1928); за участие в оппозиции исключен из партии. В 1931 г. после подачи заявления об отходе от троцкизма восстановлен в ВКП (б), назначен председателем СНХ Грузии, народным комиссаром легкой промышленности ССР Грузия. В 1936 г. арестован. Расстрелян.*

крестом. Он был должен оказывать помощь деньгами и вещами заключенным и ссылаемым троцкистам. Деньги я получил от Вяч. Полонского⁶⁴ по преимуществу, кое-что от перевальцев-троцкистов, а передавал их Марфе Виленской, списки же арестованных мне сообщал Бор. Эльцин. Связей с районами и с кружками я не имел. Насколько мне припоминается, я по поручению Эльцина имел разговор с Гасвиани, которая одно время скрывалась у Фатурян, разговор шел относительно того, нельзя ли на Кавказе организовать побег Троцкого, но из этого разговора ничего не вышло.

В конце марта или в апреле 1928 года...⁶⁵ меня тяготит моя деятельность в центре: с личной точки зрения мне нужно закончить мою книгу «За живой и мертвой водой», над которой я тогда усиленно работал; кроме того, я сказал, что заниматься конспиративными делами, находясь в первом доме Советов, нецелесообразно и что это приведет к провалам. Эльцин не соглашался со мной, не соглашался на мой выход из центра, но я настаивал на своем. Я заявил, что собираюсь на продолжительное время уехать на Северный Кавказ, чтобы закончить книгу. В конце концов Эльцин дал свое согласие, я уехал в Эссентуки, где провел все лето, работая над книгой. Я считал себя с тех пор вышедшим из центра. Осенью я, списавшись с Серебряковым, перебрался в Гагры. Здесь я встретил Кроля, Богуславского, позже приехал из Сухума И.Н.Смирнов⁶⁶, который созвал в лесу совещание. На нем присутствовали я, Серебряков, Кроль⁶⁷, Богуславский. Смирнов выступил с информацией по поводу троцкистских дел, по поводу пребывания Троцкого в Алма-Ате; дальше обсуждались вопросы о распространении троцкистской

⁶⁴ В.П.Полонский (1886–1932) – критик, журналист, историк, главный редактор журнала «Новый мир» (1926–1931).

⁶⁵ Далее чтение нескольких слов затруднено ввиду низкого качества ксерокопии. Возможно: «я понял, что».

⁶⁶ И.Н.Смирнов (1881–1936) – революционер, член РСДРП с 1899 г., большевик с 1903 г., политический деятель, один из лидеров левой оппозиции. В 1919–1921 гг. председатель Сибревкома, в 1923–1927 гг. нарком почт и телеграфов. С 1923 г. принадлежал к левой оппозиции, был одним из лидеров, подписал «заявление 46-ти». Исключен из партии (1927), в 1928 г. осужден на три года ссылки. Написал заявление об отходе от троцкизма (1928), был восстановлен в партии. С 1932 г. начальник новостроек Наркомата тяжелой промышленности СССР. Вновь был репрессирован, отбывал срок в Суздальской тюрьме особого назначения. Расстрелян.

⁶⁷ С.Я.Кроль (1894–1937) – профсоюзный деятель. Расстрелян.

литературы, о связях с Сибирью. Вскоре Смирнов уехал, но спустя несколько дней ко мне от него явился красный профессор, фамилию я его забыл, но она имеется в моем обвинительном деле ГПУ от 1929-го года. Красный профессор предъявил мне записку от Смирнова, в которой он просил меня разобраться в деле этого профессора. Дело же заключалось в том, что помянутый профессор имел какие-то связи с работниками ГПУ, через которых он получал сведения о предполагаемых арестах среди троцкистов. Об этом он сообщил некоторым видным троцкистам, оставшимся в Москве, в том числе Эльцину, который заявил ему, что, вероятно, не он использует ГПУ, а его использует ГПУ и предложил ему прекратить эту связь, а когда тот отказался, ему сказали, чтобы он оставил Москву. Со слов красного профессора его опорочили среди троцкистов и он требует, чтобы его «честь» была восстановлена. Этим я и должен заняться. Я ответил, что не имею возможности проверить его дело и отказываюсь поэтому в нем разбираться. Профессор ушел от меня в сердцах⁶⁸. Возвращаясь в Москву, я виделся в Сочах с Эльциным в санатории имени Фрунзе, он рассказал мне, что делается среди троцкистов в Москве, главным образом об арестах. Когда он приехал в Москву, то заявил, что не будет приглашать меня на совещания центра, но Красный крест должен остаться за мной; кроме того, я не должен отказываться от отдельных поручений. Я согласился на это, но сказал, что считаю себя вышедшим из центра. Это было, кажется, уже в ноябре, а в начале 1929-го года я был арестован. До ареста я продолжал работать в Красном кресте. Иногда Эльцин приглашал меня к себе, делился со мной информацией относительно троцкистских дел или на совещание с ним по какому-либо вопросу.

⁶⁸ После первого ареста Воронский в январе 1929 г. направил заявление Серго Орджоникидзе (см. выше), в котором откомментировал эту ситуацию так: «В беседах со следователями ГПУ и ее работниками я убедился, что эти обвинения основаны на случайных разговорах разных лиц, на недоразумениях и т.д. Был, например, случай, когда один человек обратился ко мне с просьбой выяснить его положение в оппозиции. Он сказал мне, что его обвиняют в связи с ГПУ. Я заявил ему, что скоро уезжаю и от дела отказываюсь. В ГПУ у меня создалось впечатление при допросах и беседах, что этот разговор передан в совершенно искаженном виде, так, что я даже отстранил его от работы. А я этого человека не знал и ни отстранять его, ни привлечь не намеревался» [7, с.279]. Это был Г.М.Стопалов (см. о нем прим.3).

В феврале 1929 года я был сослан в Липецк. Из троцкистов поддерживал переписку с Зориным, с Лелевичем⁶⁹, из перевальцев с Ник. Зарудиным, Лежневым, Иваном Катаевым, Губером.

Весной ко мне в Липецк приехали Ив. Катаев, Лежнев, Губер, Хлынова и еще две знакомых женщины, их помню я только по именам: Наталья (Комаринец?), Ираида, а также жена Футурян, жены Лежнева и Губера. Приехали они «навестить» меня и обсудить несколько литературных дел. Речь шла об организации особого творческого кружка «Тридцатые годы», который имел в виду организовать Бор. Пильняк. Я возражал против организации вокруг Пильняка; со мной в конце концов согласились. Говорили об очередном альманахе перевальцев «Ровесники» и о литературно-общественных установках, главным образом о гуманизме. Я не возражал. Эти взгляды нашли потом свое выражение в статье Лежнева, помещенной в помянутом альманахе, вышедшем осенью⁷⁰. Перевальцы советовали мне подать заявление об отходе от оппозиции, но я решительно высказался против.

Из других посещений меня в то время отмечу: приезд писателя Никифорова; с ним я был знаком еще по Тамбову в 905 году; встречались на массовках и кружках. Он читал мне отрывки из своего романа. Политических троцкистских разговоров у меня не было с Никифоровым⁷¹. Была у меня Лидия Сейфуллина⁷²; меня с ней связывала чисто литературная жизнь. Приезжал Бабель, и с ним у меня не было никаких троцкистских дел. Можно было заметить его личную приязнь к Троцкому. Приезжала Инна, жена Ив. Ив. Скворцова-Степанова⁷³, с инженером Алексеевым. Инна Скворцова была настроена против троцкизма и советовала мне отойти от троцкизма. Я возражал. Что касается Алексеева, то у него были некоторые связи с видными троцкистами, помимо меня, на-

⁶⁹ Г.Лелевич (Лабори Гилелевич Калмансон, 1901–1937) – поэт, литературный критик, один из руководителей ВАПП. Расстрелян.

⁷⁰ См. о ней выше.

⁷¹ Г.К.Никифоров (1884–1938) – русский писатель. Арестован по «делу о заговоре писателей» в 1938 г. Расстрелян.

⁷² Л.Н.Сейфуллина (1899–1954) – русская советская писательница. В 1923 г. направила письмо в редакцию журнала «Молодая гвардия», в котором сообщила, что выходит из редакции, мотивируя это так: «Я не разделяю отношение журнала "На посту" к журналу "Красная новь" и к редактору ее тов. Воронскому в частности» (Цит. по: [2, с.108]).

⁷³ И.И.Скворцов-Степанов (1870–1928) – государственный и партийный деятель, историк, экономист, первый народный комиссар финансов РСФСР.

пример с Сокольниковым, Преображенским, высказывания же его были неопределенны и невразумительны. Припоминаю, что однажды он был на охоте на медведя вместе с Троцким. Кажется, это дело организовал Преображенский. Связей с местными троцкистами в Липецке у меня не было, ссыльных троцкистов в то время тоже не имелось в городе. В конце лета я неожиданно получил письмо от Мрачковского из Воронежа. С Мрачковским я раньше не встречался. В письме он сообщал, что он и ряд других видных троцкистов в Воронеже и в других местах решили отойти от троцкизма, подав соответствующее заявление. Это же и мне он советует сделать. Я ответил отказом. Потом проездом на юг у меня остановился на сутки Зорин. Он тоже уговаривал меня подать заявление об отходе, предлагая присоединиться к его заявлению. Я тоже отказался.

По болезни осенью (1929 г. – А.Ю.) я получил разрешение от ГПУ приехать в Москву. Здесь я встретил Серебрякова, Радека, Смилгу, Смирнова. Все они уже подали заявления об отходе и убеждали меня сделать то же самое. *Имел по поводу троцкизма подробную беседу со Сталиным⁷⁴ и спорил с ним.* В ноябре я подал заявление об отходе от троцкизма. Хотя я и испытывал в то время колебания в правильности троцкизма, но, в конце концов, отход мой не был искренним, а был двурушническим. Лично для меня при подаче заявления значительную роль играли литературные дела. Мне хотелось печататься, в частности, очень хотелось увидеть напечатанной книгу «За живой и мертвой водой». Хотелось также заниматься литературной и редакционной работой. Ссылка все это исключала. Я не хочу этим прикрыться, литературными делами, и прикинуться аполитичным человеком, но указываю личные особенности, побудившие меня, помимо общей политической обстановки, сложившейся крайне неблагоприятно для троцкистов, подать двурушническое заявление.

Я остался после подачи заявления в Москве. Я продолжал встречаться с Серебряковым, с Зориным, Вуйовичем⁷⁵, Тэром, со Смирновым, Гасвиани, Алавердовой, Сергеем Гессеном, Лелевичем и с перевальцем Катаевым, Лежневым, Зарудиным, Губером, Артемом Веселым, Бор. Пильняком. С перевальцами я встречался преимущественно на квартире

⁷⁴ А.К.Воронский был у Сталина на официальном приеме, зафиксированном Журналом посещений, дважды: 4 февраля 1925 г. и 23 октября 1929 г. [4, с.688, 689].

⁷⁵ В.Д.Вуйович (1897–1936) – один из руководителей Коммунистического интернационала молодежи. Участник троцкистской оппозиции. Расстрелян.

Катаева, а с более видными троцкистами на квартире у Хлыновой, у Серебрякова и Зорина. Обычно встречи мои с ними происходили на вечеринках. Эти вечеринки давали возможность троцкистам открыто собираться, обмениваться короткими мнениями по разным текущим политическим вопросам, репликами, шутками и т. д., что, разумеется, не мешало отсаживаться по желанию в угол, на край дивана, уходить в другую комнату для более подробных разговоров. Говорили о зажиме в партийных организациях троцкистов, подавших заявление об отходе, о проработках, о том, что не дают ходу, о *личном режиме*⁷⁶, о бюрократизме, о партийных чиновниках, о косности партийного и советского аппарата. Во всех этих разговорах я принимал участие наряду с другими. Организационных связей у меня не было, я не выполнял каких-нибудь определенных поручений и не получал директив. Смирнова я после двух-трех встреч стал избегать, так как не хотел быть втянутым в его орбиту, и с 1931 года мои встречи с ним прекратились. Однако не прекратились мои встречи с другими поименованными выше троцкистами. Чаще всего я виделся с Зориным и Серебряковым. Что касается Серебрякова, то он держался и со мной, несмотря на долготлетнюю дружбу нашу, как я теперь считаю, очень осторожно и предпочитал при случае отделяться общими неопределенными фразами. Неоднократно и мне, и Зорину он говаривал, что мы, особенно когда выпьем, невоздержанны на язык. Кроме того, у него всегда было всякого, самого разнообразного народа, и часто я не знал, что это за люди. Бывали у него Гасвиани⁷⁷, Алавердова, Хлынова, я, Зорин, Пинкевич⁷⁸, Свердлов⁷⁹, Емшанов⁸⁰, Языков, Цурюпа

⁷⁶ Судя по всему, это скрытая характеристика бюрократического стиля управления И. Сталина.

⁷⁷ Скорее всего, речь идет о Лидии Илларионовне Гасвиани (1902–?). В партии большевиков с 1918 г. Была зав. отделом работниц ЦК КП (б) Грузии. Принадлежала к левой оппозиции. В 1928 г. исключена из партии. В 1929 г. подала заявление об отходе от оппозиции. В 1930 г. восстановлена в партии.

⁷⁸ А. П. Пинкевич (1883/1884–1937) – советский педагог, общественный деятель, доктор педагогических наук (1935). Член РСДРП с 1903 г. Организатор и первый ректор Уральского университета. Создатель «Педагогической энциклопедии» (1927–1929). В 1931–1936 гг. работал в Высшем коммунистическом институте просвещения. Расстрелян.

⁷⁹ В. М. Свердлов (1886–1939) – младший брат Якова Свердлова. Работал в Наркомате путей сообщения. С 1921 г. председатель Главного Комитета Государственных сооружений, с 1926 г. член Президиума ВСНХ, зав. научно-техническим отделом ВСНХ. С 1936 г. директор Дорожного научно-исследовательского института. Расстрелян как

(инженер), его сослуживцы Черных, Колоколкин и другие. С Зориным у меня были более подробные беседы, обычно у него на квартире; они продолжались до самого последнего времени, т.е. до его ареста в начале 1935 года. Я с ним дружил более чем с другими, и он знает о моих политических и литературных настроениях больше других. В 1930 и 31 годах, о которых сейчас идет речь, я в своих разговорах с ним указывал на то, что сплошная коллективизация вызывает сокращение посевной площади, урожая, ведет к истреблению скота и сеет недовольство среди крестьян. Зорин эти мои настроения считал отражением кулацкой идеологии, утверждая, что главное не в этом, а в плохом положении рабочего класса, в том, что чрезмерно рабочий работает и мало получает, что условия его жизни остаются крайне тяжелыми.

Относительно состояния партийного и советского аппаратов мы сходились в том, что они бюрократичны. Очень много я уделял времени в разговорах с ним и литературным делам. Так как мои литературные дела в сильной степени влияли на мои политические настроения, то я должен остановиться на них несколько подробнее. Литературная обстановка для меня сложилась тогда крайне неблагоприятно. РАПП и ВАПП во главе с Авербахом⁸¹ захватили главные литературные участки: в издательствах они имели «своих людей», нередко среди руководителей. В их руках находились журналы и другие периодические издания. Едва я сдавал свою рукопись, как со стороны сторонников ВАППа следовал соответствующий нажим и рукопись задерживалась печатанием иногда на год и более, а иногда и совсем не печаталась либо подвергалась таким кастрациям, что от нее оставалась половина. Я считал, что придирки мелочны и часто нелепы, что задержки неправильны. То же самое получалось и с рукописями других перевальцев. Все это настраивало меня на мрачный лад, что я высказывал и в «Перевале», и Зорину, и другим знакомым. В результате я пришел к убеждению, что мне невозможно выступать со своими критическими статьями. Двурешничества в литературной

«троцкистский террорист».

⁸⁰ *А.И.Емишанов (1891–1937) – советский хозяйственный деятель. В 1917–1920 гг. был начальником Пермской железной дороги. В 1920–1921 гг. нарком путей сообщения. С 1924 г. вновь стал руководить Пермской железной дорогой. В 1926 г. – управляющий КВЖД. Расстрелян.*

⁸¹ *Л.Л.Авербах (1903–1937) – советский литературный критик, главный редактор журнала «На литературном посту». Один из основателей РАППа, генеральный секретарь ВАПП (1926–1932). Расстрелян.*

области я не хотел, и потому после 1929 года до 1937 года я не опубликовал ни одной статьи. Я сломал перо критика. Это мне было крайне тяжело. Не могу сказать, что в ответственных парт. кругах, например в отделе печати Ц.К. существовал запрет на мои вещи. Скорее наоборот, мне неоднократно давали понять, что мне нужно писать и по вопросам критики, но на практике, когда приходилось иметь дело с деловым аппаратом, с отделами и подотделами, все обращалось по-иному. Я продолжал работать над критическими статьями по старой привычке, по литературному зуду и складывал их в стол. Рассказываю все это не для того, чтобы оправдать свое двурушническое поведение, оно нисколько не оправдывается этим, а для того, чтобы выяснить, чем питались в значительной степени мои политические настроения. Под влиянием своих литературных неудач, проволочек, отказов, придирок усиливались мои разговоры о бюрократизме, зажиме, окостенелости, несправедливости и т.д. Дело не ограничивалось моими личными литературными делами. «Перевал» со стороны ВАППа подвергался, как я уже упомянул, тоже очень рьяным преследованиям такого же порядка. Мы продолжали вести борьбу с ВАППом, но силы к тому времени были явно неравные. Сторонники ВАППа «крыли» перевальцев за *стихи о природе, если в них не было заостренности в духе Безыменского, за интеллигентщину, за отсутствие в повестях и рассказах явной, непосредственной тенденциозности*. Бить нас было за что, но все нужно было поставить на свои места, и заушательство должно было иметь определенные границы. Мы их не видели и, наоборот, видели противоположное. В оформлении троцкистских настроений среди перевальцев это имело немаловажное значение, и, вероятно, перевальцы это подтвердили в своих показаниях. Не умаляя своей личной ответственности в этом оформлении, в поддержке и укреплении, я хочу только сказать, что и литературных неурядиц нельзя сбрасывать со счетов.

В партийной жизни я принимал мало участия, ограничиваясь выполнением тех поручений, в общем немногочисленных, которые на меня накладывали. Я входил в ячейку 13-ой типографии, посещал собрания и выступал, когда мне говорили, что нужно выступать, а больше отмалчивался. Связей с отдельными партийцами и беспартийными, работающими в типографии, я не завязывал и разговоров не вел. То же самое было и [в] Гихле, в литературном художественном издательстве, где я занимал место старшего редактора по классикам. Несколько раз В.И.Соловьев предлагал мне написать два–три предисловия к выходящим книгам. Я заявлял, что я отказался от критической деятельности. Я делал это по-

тому, что Соловьев, как мне казалось, поддерживает ВАПП. Своих литературных взглядов, воронщины, я ни от кого не скрывал и неоднократно высказывался в том смысле, что в основном я эти свои взгляды не переменил.

Во второй половине 1931-го года мои взгляды на коллективизацию еще сильнее ухудшились. Они ухудшились под влиянием хлебного недорода [и] продовольственных затруднений, сокращений количества скота и таких фактов, какие имели место в Казакстане⁸². И я стал высказывать их сильнее и чаще, чем это я делал раньше. Я не замечал положительных фактов и видел отрицательные. Я не сумел все поставить на свое надлежащее место и за деревьями не видел леса. *Я считал, что нужно возвращаться к системе хозяйства, напоминающего прежний НЭП, и к этому присоединить очищение партийного и советского аппаратов от бюрократизма путем большей свободы высказываний, свободного слова и печати.* Я не учитывал капиталистического окружения советской страны и трудностей, связанных с переходом на пятилетку и колхозы. Я считал, что если так будет продолжаться дальше, то страна не выберется из тупика, сельское хозяйство будет подорвано, а тем самым будет в конце концов подорвана и промышленная база. Я и раньше критиковал партруководство, теперь я стал критиковать его еще сильнее. Однако не скажу, чтобы у меня было ясное представление, кем конкретно его можно было заменить. Опять-таки говорю это не в свое оправдание, а для того лишь, чтобы отметить, что я был очень решителен в отрицательной критике, но не имел продуманной политической⁸³ тактики. Я желал смены партруководства, но чувствовал, что Троцкий, Каменев и Зиновьев, как ни сочувствовал я им, как ни разделял я их взгляды, не помогут делу. Скорее я надеялся тогда на правых. Мне представлялось, что они лучше знакомы с нашим сельским хозяйством, с деревенским бытом и укладом, и я тогда, в 31-м году, не отождествлял их с троцкистами.

Эти свои взгляды на сельское хозяйство я высказывал перевальцам: Катаеву, Зарудину, Лежневу, Губеру, да они и сами были близки к ним. Так, по крайней мере, высказывались они особенно после поездок своих по разным областям. В частности, Артем Веселый мне много и подробно однажды рассказывал о голоде в Поволжье⁸⁴, о целых деревнях, где

⁸² Так в документе.

⁸³ Далее зачеркнуто А.Воронским: «программы».

⁸⁴ Массовый голод в 1921–1922 гг. в Поволжье. По некоторым данным число жертв

забиты окна и двери и где все разбежались, о падеже и убое скота. Я, конечно, настраивал перевальцев на определенный троцкистский лад, но они и сами без меня были достаточно настроены и часто сами сообщали мне различные тяжелые факты из деревенской действительности. Впрочем, у таких людей, как Зарудин, настроения часто менялись, и нельзя было с уверенностью сказать, что он будет говорить завтра. Связей организационных с правыми у меня не было ни тогда, ни позднее. Раз два я виделся с Марецким, его приводила к Хлыновой на вечеринки Алавердова, но бесед я с ним на троцкистские темы не вел. Один раз имел случайную встречу со Слепковым⁸⁵ на улице и прошел с ним два-три квартала. Позже уже в 1934-м году виделся летом с Бухариным в редакции «Известий»⁸⁶, по литературному делу. «Известия» предложили мне написать статью о ком-то из классиков. Я пришел к Бухарину и сказал, что я желал бы поставить вопрос о моем постоянном сотрудничестве в газете, что я до сих пор не писал критических статей, но готов изменить свою позицию. Он обещал *переговорить со Сталиным*, но, очевидно, не переговорил, и я больше не мог добиться свидания с ним.

С Троцким мои личные связи прекратились с конца 1928-го года и с тех пор не возобновились до самого моего ареста. В таких настроениях я встретил 1932-ой год.

20-го июля 1937 года

А. Воронский

РГАЛИ. Ф. 1677. Оп.2. Д. 3. Л.1–14.

голода дошло до 5 миллионов человек. Причинами голода были засуха 1921 г., последствия гражданской войны, политика военного коммунизма и продрозверстки.

⁸⁵ *А.Н.Слепков (1899–1937) – советский журналист, партийный деятель, историк. Учился в Институте Красной профессуры (1924), автор трудов по истории революционного движения, последователь Н.И.Бухарина. С 1925 г. первый ответственный редактор газеты «Комсомольская правда». В 1930 г. исключен из партии «за правооппортунистические ошибки». В 1931 г. восстановлен в партии, работал профессором Саратовского университета. В 1933 г. вновь осужден. Расстрелян.*

⁸⁶ *Н.И.Бухарин (1888–1938) был главным редактором газеты «Известия» с 26 февраля 1934 г. по 16 января 1937 г.*

Библиографический список

1. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф.1677 Оп.2. Д.3.
2. Белая Г. Дон-Кихоты 20-х годов. «Перевал» и судьба его идей. М., 1989. М.: Советский писатель. 400 с.
3. Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. М.: МФД: Материк, 2005. 752 с.
4. Власть и художественная интеллигенция (Документы ЦК РКП (б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953. М.: МФД, 2002. 872 с.
5. Воронский А. Избранные статьи о литературе. М.: Художественная литература, 1982. 528 с.
6. Воронский А.К. Искусство видеть мир: Статьи, портреты. М.: Советский писатель, 1987. 704 с.
7. Дикушина Н., Исаева Т. «Может быть, позже многое станет более очевидным и ясным» (Из документов «Партийного дела А.К.Воронского») // Вопросы литературы. 1995. Вып.3. С.269–292.
8. Лежнев А. Вместо пролога // Ровесники. Содружество писателей революции «Перевал». М.; Л., 1930. Сб. 7. С.5–19.
9. Магуайр Р. Красная новь. Советская литература в 1920-х гг. / Современная западная русистика. СПб.: Академический проект, 2004. Т.50. 360 с.
10. Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. Т.1. 1925 – июнь 1941 г. 1023 с.
11. Овчаренко А.Ю. Содружество писателей революции «Перевал» в литературном процессе 1929–1930 годов. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 207 с.

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог,
Президент Международного общественного фонда
«Экспериментальный творческий центр», главный редактор
журнала «Россия XXI», главный режиссер театра «На досках»

Марьина Валентина Владимировна

доктор исторических наук,
профессор, главный научный сотрудник
Института славяноведения РАН

Дегоев Владимир Владимирович

доктор исторических наук, директор Центра
проблем Кавказа и региональной безопасности,
профессор МГИМО-Университета МИД России

Медведев Жорес Александрович

кандидат биологических наук, биохимик-геронтолог,
почетный член Биохимического общества, член Американского
геронтологического общества, историк, публицист

Климович Людмила Валерьевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии,
социологии и политологии факультета гуманитарных наук
и социальных технологий

Ульяновского государственного университета

Мягкова Елена Михайловна

кандидат исторических наук, заместитель начальника Отдела
обеспечения сохранности документов РГАСПИ

Юрганов Андрей Львович

доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой истории России Средневековья
и Нового времени РГГУ

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph.D. in physics and mathematics, specialist in political sciences,
President of the International Public Foundation
“Experimental Creative Center”, Editor-in-chief of “Russia XXI”,
Chief producer of the Theatre “On the Boards”

Mar’ina Valentina Vladimirovna

D.Sci. in history, Professor, the Chief researcher of the Institute
of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

Degoev Vladimir Vladimirovich

D. Sci., historian, Director of the Center for the Caucasus Problems
and Regional Security, Professor of Moscow State Institute
of International Relations–University

Medvedev Zhores Aleksandrovich

Ph.D. in biology, biochemist-gerontologist, the honorary member
of the Biochemical Society and of the American Gerontological
Society, historian, publicist

Klimovich Ludmila Valer’evna

Ph.D., historian, Associate Professor, Department of Philosophy,
Sociology and Political Science, Faculty of Humanities
and Social Technologies of Ulyanovsk State University

Myagkova Elena Mikhaylovna

Ph.D., historian, Deputy Head of the Department for Safety
Documents, Russian State Archive of Social and Political History

Yurganov Andrey L’vovich

D.Sci., historian, Professor, Chair of Early and Early Modern
Russian History, Russian State University for Humanities

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:
39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»
(подписка возможна с любого месяца)

Для иностранных читателей
подписка проводится
через агентство «МК-Периодика»:
тел. (495) 672-70-12
e-mail: info@periodicals.ru

Подписка на электронную версию журнала
оформляется через Научную электронную библиотеку:
www.eibrary.ru

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ В РЕДАКЦИИ:

Тел. (495)691-74-79
E-mail: russia21@ecc.ru,
kurilenkova@ecc.ru
123001, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Кроме того журнал «Россия XXI» можно
заказать с доставкой по всей России или купить
в книжном интернет-магазине «Русская деревня».
сайт www.hamlet.ru, тел.8(495)621-41-10

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.

© «Россия XXI», 2016.
Цена свободная.

Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495)691-74-79, факс (495)694-17-54
E-mail russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 18.04.2016. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11,75 печ. л.
Тираж 1500 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «ВОЛГА-ПРИНТ»
428019, г.Чебоксары, пр. И.Яколева, 15. Тел. 8(8352)28-77-98.

2. 2016 march-april

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

The Strategy of Containment and the Global
Conflict. Analysis of Political Discourse _____ **6**

Labels and Myths

Valentina Mar'ina

XX Congress of the CPSU:
Czechoslovak Echo (1956) _____ **32**

Pages of History

Vladimir Degoev

Peter the Great's Diplomacy at the Final Stage
of Russo-Turkish War of 1686–1700.
Part II _____ **64**

Zhores Medvedev

Perestroika to the Ground _____ **90**

Russia in the World

Ludmila Klimovich

Solidarism – the Concept
of the National Union of the New
Generation _____ **118**

Topical Archive

Elena Myagkova

“Demons”, “Gamblers”
and “Dreamers” or How
a Person Becomes a Revolutionary.
Part II _____ **132**

Andrey Yurganov

A.K.Voronski in the Literary
and Political Process: the Mid-
1920s – the Early 1930s
(the end) _____ **150**

РОССИЯ XXI